

КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДРЕМОВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОНЦА СРЕДНЕЙ
И НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ**

07.00.06 – археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
П.М. Кольцов

Элиста 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. История изучения памятников конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья	19
§ I. 1. Накопление материалов и формирование концепций	19
§ I. 2. Историографические проблемы выделения и культурного определения памятников конца средней бронзы	24
§ I. 3. Историографические проблемы происхождения и выделения памятников начала поздней бронзы	38
ГЛАВА II. Памятники конца средней бронзы	60
§ II.1. Погребальные комплексы позднего этапа средней бронзы	60
§ II. 2. Характеристика памятников позднего этапа средней бронзы	90
ГЛАВА III. Памятники начала поздней бронзы	114
§ III. 1. Погребальные комплексы начала поздней бронзы	114
§ III. 2. Характеристика и сопоставление погребений начала поздней бронзы	129
ГЛАВА IV. Планиграфия погребальных памятников и культурогенез в конце средней и начале поздней бронзы	148
§ IV. 1. Планиграфия погребальных памятников и выделение комплексов рубежа средней и поздней бронзы	148
§ IV. 2. Культурогенез в конце средней и начале поздней бронзы степного Поволжья.....	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ...	185
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	220
ПРИЛОЖЕНИЕ	222

ВВЕДЕНИЕ

Периоды смены археологических этапов и культур традиционно привлекают внимание исследователей, так как именно в это время наиболее ярко проявляется динамика археологических процессов, взаимовлияние и смена археологических культур. В переходное время наиболее разнообразно и сложно представлено историческое развитие, стоящее за археологическими артефактами, поэтому периоды конечных этапов одних культур и возникновения на их месте других наиболее дискуссионны.

Актуальность данной работы вызвана малой разработанностью проблемы смены культур на рубеже средней и поздней бронзы степного Поволжья при широком интересе исследователей к периоду, когда заканчивается существование археологических культур катакомбного или полтавкинского круга и возникает срубная культурно-историческая общность и памятники покровско-го типа. Какие археологические культуры дожили до позднего этапа средней бронзы и стали основой сложения срубной культуры эпохи поздней бронзы, остаётся открытым вопросом. Общепризнанная концепция культурогенеза бронзового века поволжского региона отсутствует. Дискуссионными остаются проблемы культурной атрибуции погребальных памятников конца средней и ранней бронзы исследуемого региона. Вызывают споры вопросы о принадлежности конкретных погребальных памятников к рубежу этих периодов бронзового века, о существовании хронологического разрыва между полтавкинской и катакомбной культурами средней бронзы и срубной культурой, сформировавшейся в позднебронзовом веке. В настоящее время накоплены многочисленные археологические источники, как конца эпохи средней бронзы, так и начала позднего бронзового века, требующие дальнейшего осмысления. Они свидетельствуют не только об общеисторических тенденциях развития, но и о своеобразии степного региона на рубеже средней и поздней бронзы. Существующие на данный момент гипотезы и теории о вопросах культурогенеза конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья во многом противоречивы и не отражают всего объёма источников по этой пробле-

матике. Изучение смены археологических культур нижневолжских степей на рубеже средней и поздней бронзы позволяет более полно проследить исторические процессы бронзового века степных регионов.

Объектом исследования являются археологические культуры бронзового века степного Поволжья. Для решения ряда задач привлекаются материалы прилегающих территорий. Предмет исследования – погребальные памятники археологических культур степного Поволжья, относящиеся к поздним этапам полтавкинской, ямной и катакомбной культур среднего бронзового века и к раннему этапу срубной культуры поздней бронзы в их связи и развитии.

Как ранее известные, так и открытые недавно комплексы говорят о наличии в погребальном обряде и в инвентаре конца средней бронзы элементов культуры, распространившихся в период поздней бронзы. В материалах раннего этапа поздней бронзы прослеживаются такие культурные черты средней бронзы, как наличие в погребальном обряде катакомб и подбоев, общих признаков в организации погребального пространства и др. Существующие на данное время интерпретации материалов этого времени, как правило, предполагают наличие переходного периода. Новые выразительные археологические открытия последних лет и анализ ранее известных погребальных комплексов позволяют рассматривать проблему смены культур средней бронзы степного региона Поволжья культурными образованиями позднего бронзового века на основе широкого круга археологических источников.

История древних племен степного Поволжья характеризуется несколькими крупными археологическими культурами, отражающими основные этапы развития местного населения. Имеющиеся материалы свидетельствуют о неравномерности этого процесса. В энеолите здесь расцветает яркая хвалынская культура и появляются первые курганы, но в дальнейшем прослеживается hiatus - почти полное отсутствие находок от середины IV до III тыс. до н.э. Появление и распространение памятников классической (городцовой) ямной культуры в III тыс. до н.э., характеризующей ранний бронзовый век степной зоны, несмотря на внешнюю близость к материалам хвалынской культуры

эпохи энеолита, остаётся дискуссионным. Как они связаны между собой и чем может быть заполнен почти полутысячелетний промежуток времени между ними в степном Поволжье, пока остается загадкой.

Переход от ранней бронзы к средней и смена ямной культуры более многочисленными и разнообразными культурами эпохи средней бронзы вызывает не меньшее количество дискуссий, так как хронологический рубеж между ними не прослеживается. Погребальные материалы позволяют говорить о длительном сосуществовании ямной, катакомбной и полтавкинской традиций в Нижнем Поволжье. В связи с этим нет определённости со временем исчезновения ямной культуры и смены ее племенами средней бронзы.

Зачастую, в зависимости от взглядов того или иного исследователя, этапы, хорошо представленные археологическими материалами, растягиваются в сторону удревнения или омоложения и, таким образом, обозначается непрерывность, последовательная смена археологических культур и преемственность в развитии этнокультурных традиций. Но здесь мы сталкиваемся порою с парадоксальными явлениями. Курганные погребения ямной и хвалынской культур между собой близки по погребальным обрядам и, во многом, по инвентарю, а потому в археологическом понимании должны относиться лишь к разным этапам одной культуры. Но между ними имеется многовековой разрыв. Племена ямной и катакомбной культур в типологическом плане погребального обряда и инвентаря чужеродны, но наличие ямно-катакомбных комплексов твердо указывает на длительный период их сосуществования. Материалы средней и поздней бронзы (катакомбной и срубной культур) отчетливо различаются, хотя при этом имеют многочисленные черты, говорящие об их генетической преемственности. Близки они, судя по всему, и хронологически, но ярко выраженные переходные, а тем более, гибридные памятники еще требуют специального выделения из имеющихся находок.

Таким образом, непрерывное развитие или смена культур являются в значительной степени результатом исследовательских интерпретаций, которые могут соответствовать действительности лишь в той или иной степени. Факти-

чески же мы имеем дело лишь с отдельными эпизодами древней истории, определение длительности которых и связей с другими событиями является одной из научных задач. При этом всегда остается некоторая степень гипотетичности, что и служит основанием для пересмотра через некоторое время утвердившихся построений.

Одному из таких эпизодов - концу средней - началу поздней бронзы посвящается настоящая работа. Учитывая, что объекты, относящиеся именно к этому переходному периоду, требуют обоснованного выделения, в работе рассматривался значительно более широкий круг памятников бронзового века степного Поволжья и соседних территорий, чем те, которые традиционно относились к концу средней и началу поздней бронзы.

Территориальные рамки работы ограничены степным регионом Нижнего Поволжья, но для сравнения привлекаются в необходимых случаях и материалы прилегающих территорий. На севере степная зона граничит с лесостепью в Заволжье по р. Самара, а в Правобережье проходит вдоль правого берега Волги и близ широты Саратова поворачивает к западу, включая бассейны рек Иловля и Медведица. Южная граница степи и полупустыни в Заволжье традиционно проводится по рекам Еруслан и Торгун, в Правобережье – в месте максимального сближения Волги и Дона по Волго-Донскому каналу (Российская Федерация..., 1968. С. 66). Некоторые детали проведения границ природных зон и подзон, встречающиеся в географической литературе (Мильков Ф.Н., 1986), для данной работы существенного значения не имеют. В целом область исследования охватывает территорию от р. Самара на севере до широты Волгограда на юге; на востоке это бассейн Волги, на западе побережье р. Волги, Иловля и Медведица. В географическом отношении реки Иловля и Медведица принадлежат Донскому бассейну, но территориально близки к Волге и должны исследоваться в контексте поволжских древностей.

Хронологические рамки исследования охватывают археологические материалы, имеющие признаки конца эпохи средней и начала поздней бронзы, т.е. времени распада обществ носителей ямной, полтавкинской, катакомбной

культур и периода сложения срубной - мегакультуры позднебронзового века. К начальному периоду эпохи поздней бронзы изучаемого региона отнесены памятники покровского типа и раннесрубные погребения, имеющие наиболее ранние элементы материальной культуры и погребального обряда начала II тыс. до н. э.

Степень изученности погребальных памятников конца средней и начала поздней бронзы характеризуется, с одной стороны, массовостью погребальных комплексов поздней бронзы, относимых исследователями к его раннему этапу, с другой стороны, относительной редкостью погребений средней бронзы, которые уверенно можно относить к позднему, а тем более к финальному этапу средней бронзы. Начало изучения погребальных памятников бронзового века в степном Поволжье относится к концу XIX - началу XX вв., когда членами Саратовской учёной архивной комиссии стали проводиться первые документально фиксируемые археологические исследования. Выделение и осмысление этапов развития памятников бронзового века Нижнего Поволжья было осуществлено П.С. Рыковым, П.Д. Рау в 20-х – 30-х гг. прошлого века. В дальнейшем накопление материалов привело к возникновению различных концепций смены культур средней бронзы культурами поздней бронзы. Наличие значительного количества источников позволило исследователям к настоящему времени создать определённые модели развития и смены культур бронзового века, разработать типологии керамики, бронзовых и костяных предметов (Синицын И.В., 1959; Качалова Н.К., 1965; Малов Н.М., 1992; Лопатин В.А., 1995; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П., 1995; Бочкарёв В.С., 1995; Дрёмов И.И., 1997; Кияшко А.В., 2002 и др.). Несмотря на это, остается ряд спорных вопросов, касающихся генезиса погребальных памятников срубной культуры поздней бронзы и их связи с материалами предшествующего периода – катакомбными, полтавкинскими и позднеямными памятниками. Подробно вопросы историографии рассмотрены в первой главе диссертации.

Целью представленного исследования является создание целостной картины процессов культурогенеза рубежа средней и поздней бронзы в степях

Нижнего Поволжья. Для решения этой проблемы требуется решить следующие задачи:

1. Выделить материалы конца средней и начала поздней бронзы из широкого круга погребальных памятников бронзового века степного Поволжья;
2. Определить их культурную принадлежность;
3. Обосновать возможность хронологического контакта между ямнокатакомбными и позднекатакомбными погребальными памятниками средней бронзы, а также культурную и хронологическую связь позднекатакомбных, раннесрубных и раннепокровских материалов на рубеже средней и поздней бронзы;
4. Установить общие традиционные черты и инновации в культурах конца средней и начала поздней бронзы;
5. На основе погребальных памятников провести анализ проблемных вопросов, связанных с окончанием существования культур средней бронзы и происхождением культур степного Поволжья поздней бронзы.

Источниковая база работы опирается на обширный круг археологических памятников конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья. Для выявления объектов исследуемого периода рассмотрены комплексы, в которых сочетаются признаки более широкого хронологического диапазона. Анализ источников позволил выделить из общего объёма материалов 66 курганных и 4 грунтовых могильника, содержащих материалы исследуемого периода. К настоящему времени в степном Поволжье изучено более сотни захоронений и свыше 20 поселений ранней и средней бронзы, более тысячи погребений и поселений поздней бронзы. С каждым годом материал увеличивается, некоторые памятники стали хрестоматийными и послужили опорными реперами для исследований культур степной Евразии (Полтавкинский, Покровский, Бережновский могильники и др.).

Сбор материала при выполнении данной работы проводился в фондах краеведческих музеев и археологических учреждений городов Саратов, Энгельс, Элиста, Волгоград, Воронеж, Самара, фондов ИА РАН г. Москва. Ос-

новная масса использованных в работе погребальных комплексов происходит из раскопок саратовских археологов, начиная с П.С. Рыкова, П.Д. Рау, И.В. Сеницына, Е.К. Максимова и заканчивая материалами исследований последних десятилетий Н.М. Малова, А.И. Юдина, С.В. Ляхова, А.Д. Матюхина, В.А. Лопатина, В.В. Тихонова и др. Часть приведённых материалов происходит из раскопок автора. В работе использованы результаты исследований К.Ф. Смирнова, В.П. Шилова, Г.Г. Пярых, В.И. Мельника, волгоградских археологов: В.И. Мамонтова, Е.П. Мыськова, А.В. Кияшко, А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова и др. Кроме того, учтены материалы погребений бронзового века соседних с Нижним Поволжьем территорий – из Самары: И.Б. Васильева, П.Ф. Кузнецова, М.А. Турецкого и др.; Воронежа: А.Д. Пряхина, А.Т. Синюка, В.И. Беседина и др.; Оренбурга: Н.Л. Моргуновой, М.В. Халяпина, С.В. Богданова и др. Большинство материалов погребальных комплексов, относящихся к исследуемой проблеме и использованных в данной работе, к настоящему времени опубликованы (Рау П.Д., 1928; Сеницын И.В., 1959; Матюхин А.Д., 1994; Ляхов С.В., 1996; Кияшко А.В., 2002; Юдин А.И., 2006; Малов Н.М., 2007; Лопатин В.А., 2010 и др.). В работе использованы архивные материалы, а также археологические коллекции Саратовского областного музея краеведения, археологического музея Саратовского государственного университета, Энгельсского краеведческого музея и др. Значительную часть источников представляют данные полевых археологических исследований, в которых принимал участие автор, и самостоятельных археологических раскопок.

Методологическая и методическая основа работы заключается в применении как общенаучных принципов, так и специальных исторических и археологических методов. Применение принципа историзма позволило рассмотреть погребальные памятники конца средней и начала поздней бронзы в связи с общеисторическими условиями исследуемого периода, что необходимо для понимания дальнейших судеб полтавкинской и катакомбной культур средней бронзы и возникновения срубной культуры в начале поздней бронзы. В основе исследования лежит типологический анализ. Историко-сравнительный метод

применялся для выделения общих признаков и особенностей погребальных памятников на поздних этапах катакомбной и раннем этапе срубной культуры, а также памятников покровского типа. Особое значение в работе уделено планиграфическим и стратиграфическим методам исследования археологических памятников, так как они позволили выделить общие черты и преемственность между культурами разных этапов бронзового века.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении памятников конца средней и начала поздней бронзы в качестве генетически взаимосвязанных культур. Впервые в диссертации на основе критического анализа источников и современного осмысления исследуемой темы рассматриваются проблемы смены памятников конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья. Для указанной территории имеются серьезные разработки проблем раннего периода поздней бронзы, которые опираются на значительное количество археологических источников, в то время как памятники конца средней бронзы пока изучены слабее. В настоящее время в научный оборот введены новые материалы конца средней бронзы, что позволило восполнить недостаток в источниках и провести сравнительный анализ погребальных традиций в рамках рассматриваемой проблемы.

В диссертационном исследовании впервые сопоставляются грунтовые могильники с курганными захоронениями рассматриваемого периода. В результате этого установлено, что планиграфия могильников может иметь не только хронологическое значение, но и отражать социальные аспекты жизни оставившего их населения. Показано также, что ряд погребений, считающихся впускными, могут являться дозахоронениями членов родственного коллектива в имеющиеся могилы. Комплексный анализ погребального инвентаря и погребального обряда позволил установить взаимосвязь культур средней и поздней бронзы степного Поволжья в их непосредственной генетической преемственности.

Научно-практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при создании обобщающих концепций

истории бронзового века Евразийских степей и прилегающих территорий. В научный оборот вводятся новые материалы археологических раскопок и сопоставляются с исследованиями, ставшими в археологической науке классическими. Выводы и материалы диссертации могут быть привлечены для написания монографий и обобщающих работ по эпохе бронзы степной Евразии и при изучении культурогенеза населения бронзового века южнорусских степей.

Апробация результатов исследования была осуществлена на 13 международных, всероссийских и региональных конференциях, на заседаниях отдела бронзового века Института Археологии РАН, на расширенном заседании кафедры всеобщей истории и регионоведения Гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета прозвучали доклады об основных аспектах проблем, исследуемых в настоящей диссертации. Различные аспекты проблемы отражены в 25 публикациях в научных изданиях России, ближнего зарубежья и США.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры всеобщей истории и регионоведения Калмыцкого государственного университета. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на заседаниях отдела бронзового века Института Археологии РАН, на I Кубанской археологической конференции (Краснодар, 1989 г.); на всероссийской конференции «Проблемы древней истории Северного Прикаспия» (Куйбышев, 1990), на международной конференции «Донско-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточно-Европейской степи и лесостепи» (Воронеж, 1996), на международной конференции «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей» (Саратов, 1997), на международной конференции «Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.» (Аркаим, 1999), на международной конференции «Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии» (Саратов, 2000), на региональной конференции «Саратовское Поволжье в панораме веков» (Саратов, 2000), на международной конференции «Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур,

хронология и периодизация» (Самара, 2001). Отдельные положения работы отражены в 25 статьях, в том числе реферируемых ВАК.

Основные научные положения, выносимые к защите:

- катакомбная культура в степном Поволжье доживает до конца средней бронзы;
- катакомбная культура является одной из генетических основ культур эпохи поздней бронзы степного Поволжья;
- имеющиеся материалы свидетельствуют, что между катакомбной и срубной культурами нет существенного хронологического разрыва;
- самые ранние погребения срубной культуры синхронны раннепокровским, синташтинско-потоповским памятникам и материалам позднего этапа культуры многоваликовой керамики.

Вопросы культурной интерпретации памятников средней бронзы, отнесение их к позднеямной, полтавкинской, ямно-полтавкинской, ямно-катакомбной или катакомбной культурам напрямую зависит от таких критериев, взятых за основу, как типология погребального обряда и инвентаря, а также от построенной периодизации. Периодизация, в свою очередь, зависит от интерпретации стратиграфических и планиграфических наблюдений в курганах бронзового века, с одной стороны, и от выстроенных в хронологическом порядке типологических рядов погребальных комплексов и инвентаря - с другой. Если различия в обрядах погребений и месте их расположения в курганах рассматривать не в качестве хронологического, а социального признака, то непременно изменится и полученный результат.

За терминологическими спорами нередко стоят такие принципиальные вопросы, как генезис и взаимодействие культур, их последовательное эволюционное развитие или резкая смена, преемственность или миграции. Например, понятие «полтавкинская культура», которая считается преемницей ямной, подразумевает автохтонность населения бронзового века. Отрицание существования в Заволжье памятников катакомбной культуры, не имеющей местных корней, обеспечивает аргументацию сторонников полтавкинской подосновы

сложения здесь срубной культуры. Расширение этого термина до «полтавkinской общности», занимавшей всё пространство от Северного Прикаспия до Среднего Поволжья, приводит к выводу о происхождении срубной культуры от полтавkinской на всей этой огромной территории. Определение же части материалов средней бронзы степного Поволжья как памятников полтавkinского типа в рамках ямной культуры, наряду с катакомбными, расширяет базу сложения срубной культуры.

Другой пример – покровские, срубно-абашевские материалы. Выделение покровского типа памятников, а тем более покровской культуры, и утверждение об их предшествовании на раннем этапе раннесрубным комплексам подразумевает, что основой сложения срубной культуры являются именно покровские памятники, которые включают в себя все многообразие материалов начала поздней бронзы. Существует и другая точка зрения, что эпоха поздней бронзы открывается срубной культурой, а покровские памятники являются лишь одним из ее компонентов или ранним этапом. В этом случае основу ее сложения надо искать в предшествующем периоде, либо в памятниках полтавkinского и катакомбного круга, либо в гипотетичном промежуточном звене.

Терминологические споры, имеющие, казалось бы, узкоспециальное значение, начинают влиять на решение самого широкого спектра проблем: от взаимодействия и развития культур до сложения культурно-исторических общностей и возникновения последующих культур. Иногда исследователи соседних регионов, касаясь поволжских материалов, называют практически все имеющиеся здесь комплексы постъямного времени полтавkinскими, что вносит путаницу при сопоставлении культур различных регионов. В итоге одинаковые комплексы, найденные в Заволжье и, к примеру, на Среднем Дону, в первом случае относятся к полтавkinской культуре, то есть автохтонной, являющейся наследницей местных ямников, а во втором – к катакомбной, то есть пришедшей с более западных или южных территорий. Такое же соотношение имеет место между покровской и среднедонской абашевской культурами. Аналогичные между собой памятники Среднего Дона и Нижнего Поволжья

относятся к разным культурам лишь по месту их расположения. При проведении палеоантропологических и хронологических (радиоуглеродных) исследований неточное толкование культурной принадлежности памятника неизбежно приводит и к ошибочным выводам об антропологической близости древних народов и времени существования культур.

Таким образом, мы видим, что от решения таких частных вопросов, как отнесение тех или иных памятников к определенной культуре, этапу или эпохе зависит решение широкого круга проблем происхождения и взаимодействия культур, места их зарождения и территории начального распространения.

В данной работе понятие «археологическая культура» применяется в традиционно сложившемся понимании этого термина, чётко сформулированном А.В. Кияшко: «...археологическая культура» представляет собой сложную структуру, основные элементы которой могли формироваться относительно независимо друг от друга. Для среднебронзового века Юго-Восточной Европы безоговорочное употребление этого термина (АК) возможно, на наш взгляд, только в отношении определенного локально-хронологического своеобразия керамики. Признаки погребального обряда чаще всего имеют надкультурный характер, но их детальный анализ позволяет установить доминирующую в той или иной «керамической» культуре разновидность данного обряда. Распространение определенного обряда формирует, как уже было сказано, общность культур. Облик изделий из металла свидетельствует лишь об эпохальной принадлежности и общей ориентации какой-либо археологической культуры». Наиболее важными археологическими признаками А.В. Кияшко считает керамику, обряд, металл. Традиции изготовления керамики в эпоху бронзы были очень устойчивы. Поэтому на основе изучения керамики установлено локальное членение крупных общностей эпохи бронзы, которое отражает многообразие местных традиций, действовавших порой на протяжении всей эпохи. Погребальный обряд коренится в религиозной сфере, поэтому он может отражать более широкий диапазон явлений, чем археологическая культура. Способы металлообработки в бронзовом веке зависели от источников поступления

металла из горно-металлургических центров и поэтому они имели более широкое распространение, чем археологическая культура (Кияшко А.В., 2002. С. 10).

Такое понятие, как раннесрубные памятники, в данной работе относится к комплексам с выраженными признаками в инвентаре и погребальном обряде элементов предшествующих культур – катакомбной или КМК (бабинской). Как развитые или классические памятники срубной культуры я определяю комплексы, не имеющие достаточно выраженных признаков предшествующего или последующего периодов, а в качестве позднесрубных квалифицирую памятники, имеющие в керамическом комплексе поздневаликовую срубно-хвалынскую керамику.

К памятникам эпохи средней бронзы я отношу археологические объекты досейминского хронологического горизонта, имеющие металл, типы изделий кавказского металлургического очага или набор признаков культур досейминского времени. Соответственно, комплексы с набором признаков сейминско-турбинского хронологического горизонта, особенно металлических изделий, я определяю как памятники эпохи поздней бронзы. К средней бронзе в этой работе отнесены комплексы культур катакомбного круга и одновременных с ними памятников, а к поздней – срубные, покровские, потаповские и другие культурные группы, памятники которых содержат металлические изделия уральского металлургического очага. Эти, казалось бы, очевидные критерии разделения памятников по этапам бронзового века необходимо оговаривать, так как наметилась тенденция к удревнению наиболее ранних материалов потаповского и покровского типов, что выносит их за пределы позднебронзового века (Дрёмов И.И., 2001. С. 54-58). К памятникам рубежа эпохи средней и поздней бронзы я отношу те погребения, которые сочетают в себе признаки культур катакомбного и срубного круга и имеют предсрубные индикаторы.

Изучение переходных моментов – рубежа эпох и культур, когда на смену устоявшимся традициям приходят новые, привлекает повышенный интерес, поскольку именно такие периоды особенно ярко показывают специфику исто-

рических процессов, происходивших в древности на исследуемой территории. В начале поздней бронзы, по традиционной точке зрения, степное и лесостепное Поволжье становится центром формирования и распространения срубной культуры. В последние десятилетия появилась тенденция рассматривать территорию формирования срубной культурно-исторической общности значительно шире.

Феномен срубной культуры Поволжья занимает особое место. В данном регионе это самая яркая страница археологии по сравнению с другими периодами. Сложнее оценить роль местных племен эпохи средней бронзы в системе культур бронзового века Восточной Европы. Есть мнение, что здесь в это время существовали племена полтавкинской культуры, продолжающие местные ямные традиции и являвшиеся основой сложения срубной культурно-исторической общности. По другой концепции, сюда продвинулись племена пришедшей катакомбной культуры, которая сосуществовала с местной. При этом степи Поволжья являлись восточной периферией катакомбного мира. Имеется противоположная точка зрения о местном происхождении существовавшего здесь локального варианта катакомбной культуры. При любых оценках подчеркивается неоднородность и многокомпонентность археологических материалов этого времени, что указывает на сложность и своеобразие происходивших в степном Поволжье процессов. Для уточнения этих вопросов необходим дополнительный анализ известных источников и находок последних десятилетий, но в целом, по существующим представлениям, в конце эпохи средней бронзы заметно снижение давления и проникновения западных и юго-западных культур, а в начале поздней бронзы движение идет в обратном направлении.

С кругом этих проблем связаны и вопросы смены культур. Произошел ли в это время резкий перелом в течение короткого отрезка времени, или процесс шел эволюционно? Являются ли открытые и изученные памятники непосредственной подосновой сложения культурных образований начала поздней бронзы, или следует ожидать новых открытий, характеризующих промежуточ-

ный пласт древностей? Какова роль местных и инородных компонентов в этом процессе?

Структура диссертации состоит из введения, четырёх глав и заключения. Текстовая часть сопровождается списком использованной литературы и приложением, включающим иллюстративный материал.

Последовательность изложения исследуемых материалов во второй и третьей главах построена в хронологическом порядке. Сначала рассматриваются памятники средней бронзы с катакомбными чертами и одновременно с признаками срубной культуры поздней бронзы (глава 2). Затем – памятники начала поздней бронзы (раннесрубные и покровские) с типологически ранним инвентарём, с катакомбными и раннеабашевскими признаками (глава 3). После определения круга памятников позднего этапа средней бронзы и раннего этапа позднего бронзового века из них мною выделены памятники рубежа средней и поздней бронзы и дана краткая характеристика материалов вольско-лбищенского и криволукского типов (глава 4). В работе не приводится описание давно и подробно опубликованных памятников (Бережновка I, II, Политотдельское, Скатовка и др. комплексы, публиковавшиеся в Материалах и исследованиях по археологии СССР № 60 и 78), но эти материалы учитываются в работе, преимущественно в главе IV, и используются в иллюстрациях.

В первой главе даётся историографический обзор изучения памятников средней и поздней бронзы в аспекте выделения из них материалов переходного периода. Определяется круг вопросов в исследовании, прежде всего, позднекатакомбных, раннесрубных и покровских (срубно-абашевских) древностей. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам обозначенной проблематики.

Вторая глава посвящена выделению памятников конца эпохи средней бронзы. Даётся характеристика памятников, взятых за основу для выделения материалов позднего этапа катакомбных памятников степного Поволжья. На основе анализов планиграфии, стратиграфии курганных и грунтовых могильников, сопоставления погребальных обрядов и инвентаря выделяются погре-

бения, относящиеся к финальному этапу средней бронзы, являющиеся подстилающим пластом для культур позднебронзового века.

Во второй главе приводится краткое описание погребальных памятников эпохи средней бронзы, ещё не использованных в обобщающих работах, но содержащих выразительные признаки катакомбной культуры. Такие общеизвестные и хорошо опубликованные в МИА № 60 и МИА № 78 памятники, как Бережновка I, II, Политотдельское, Быково, Скатовка, Калиновка и др., описания и характеристики не требуют.

В третьей главе представлены материалы погребальных памятников эпохи поздней бронзы, выделяются раннесрубные памятники, сопоставляются с захоронениями покровского типа. Иллюстрируется взаимосвязь с предыдущим культурно-хронологическим этапом, показывается непрерывность развития культур на рубеже средней и поздней бронзы.

В четвёртой главе рассматриваются вопросы планиграфии погребальных комплексов, выделяются памятники рубежа средней и поздней бронзы степного Поволжья и даётся их характеристика.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КОНЦА СРЕДНЕЙ И НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

I. 1. Накопление материалов и формирование концепций

История изучения бронзового века степного Поволжья хорошо освещена в литературе. К настоящему времени историографические вопросы подробно рассмотрены и изучены, определены этапы истории исследования бронзового века. Наиболее чётко и аргументированно эти этапы сформулированы Н.М. Маловым (Малов Н.М., 1992. С. 2-3). Учитывая разработанность этих вопросов, достаточно лишь коротко обозначить основные этапы изучения памятников бронзового века степного Поволжья в русле сложившейся историографии.

Дореволюционные годы (1911 – 1917 гг.): сборы, отдельные раскопки, начало исследований Покровских курганов членами Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). В.А. Городцовым выделены первые памятники срубной культуры в Поволжье.

Первый советский этап (1918 -1939 гг.) связан с деятельностью профессора П.С. Рыкова и его учеников Н.К. Арзютова, П.Д. Рау, И.В. Сеницына, а также бывших членов СУАК. В это время исследуются Покровские курганы. П.Д. Рау на основании раскопок на р. Еруслан выделяет полтавкинскую ступень эпохи бронзы, П.С. Рыков строит схему памятников эпохи бронзы, состоящую из стадий.

Второй этап (1945 – 1959 гг.) характеризуется резким увеличением количества источников в связи с широкими исследованиями в зонах строительства ГЭС в Поволжье, в ходе которых в Бережновских и Политотдельских курганах были найдены погребения эпохи средней и поздней бронзы в массовых количествах. Встречены захоронения в катакомбах, вызвавшие полемику об их культурной и хронологической атрибуции.

Третий этап (1960 – 1991 гг.) – период осмысления накопленных источников. На основании материалов из курганных могильников Н.К. Качалова вы-

деляет полтавкинскую культуру и ранний (бережновский) горизонт срубных погребений, устанавливает факт проникновения племён абашевского облика в Степное Поволжье, ставит вопрос о взаимоотношениях срубных и абашевских племён.

Четвёртый этап (1978 – 1990 гг.). Начинается новая активизация полевых исследований в Нижнем Поволжье, связанная с развитием мелиорации и работами новостроечных экспедиций. Многократно возрастает круг археологических источников, исследуются как курганные, так и грунтовые могильники катакомбной культуры (Усть-Курдюмский, Советский, Белогорские I и II и др.) раннесрубные и срубно-абашевские (покровские) могильники. Накопленные материалы позволили значительно шире взглянуть на устоявшиеся концепции. По целому ряду проблем развернулись дискуссии.

Пятый этап (1991 г.– по настоящее время). После непродолжительного сокращения полевых исследований и уменьшения количества научных публикаций и конференций, вызванных экономическим спадом конца 1980 – начала 1990-х гг., в конце XX – начале XXI вв. произошёл новый количественный и качественный подъём археологических исследований, связанный с активным применением методов естественных наук и компьютеризацией научного процесса. Исследованы и опубликованы такие крупные могильники раннего этапа срубной культуры, как Золотая Гора (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006; Калач (Тихонов В.В., 1997); Смеловка (Лопатин В.А., 2010).

С учётом хорошей разработанности общих вопросов историографии далее более подробно будут рассмотрены проблемы, которые имеют непосредственное отношение к вопросам рубежа средней и поздней бронзы степного Поволжья и к их дискуссионным аспектам.

Проблемам средней и поздней бронзы степного Поволжья посвящено несколько диссертаций, десятки монографий и обобщающих публикаций, сотни статей, посвященных отдельным вопросам. Широкий диапазон концепций и мнений по ключевым вопросам изучения этого времени, материалы острых дискуссий на страницах печати и конференциях обозначили основной круг

проблем и наметили некоторые пути их решения на основе имеющихся материалов. Анализ всего круга вопросов, накопившихся в историографии, требует специального объемного труда.

Спектр мнений по интересующим нас вопросам настолько широк, а порою и диаметрально противоположен, что невозможно принять за основу какую-либо из существующих концепций без специального историографического анализа и дополнительной проверки на основе использованных ранее и новых материалов.

В связи с этим подробное изложение всех имеющихся точек зрения и последовательное описание историографии поставленного вопроса может привести лишь к добросовестному пересказу давно выполненных работ. Во избежание этого основные вехи изучения бронзового века степного Поволжья излагаются кратко и схематично, а наибольшее внимание уделяется лишь наиболее дискуссионным вопросам и тем аспектам, которые имеют прямое отношение к проблемам, рассматриваемым в представленной работе.

Первые зафиксированные материалы эпохи бронзы Нижнего Поволжья появились еще в дореволюционное время в результате работ Саратовской ученой архивной комиссии. Уже первым исследователям конца XIX - начала XX вв. удалось правильно выделить находки бронзового века, а порою и верно наметить их хронологическое соотношение. Разумеется, более четкая хронологическая градация и определение культурной принадлежности тех или иных памятников в то время было невозможно, и вопрос о выделении пласта памятников рубежа средней и поздней бронзы еще не мог быть поставлен.

В результате изучения курганных захоронений в 1920-х - 1930-х годах П.С. Рыковым была представлена первая схема развития племен бронзового века Нижнего Поволжья (Рыков П.С., 1927. С. 77-93). Опираясь на труды В.А. Городцова, выделившего в степях Южной России ямную, катакомбную и срубную культуры (Городцов В.А., 1901; 1907. С. 211-297; Городцов В.А., 1915. С. 126, 170), последовательно сменявшие друг друга, и указавшего на наличие в Нижнем Поволжье памятников ямной и срубной культур (Городцов

В.А., 1910. С. 152), П.С. Рыков наметил в Поволжье ямную, срубную и хвалынскую культуры. Под гипотетической хвалынской культурой первоначально В.А. Городцовым подразумевалась возможность выявления особого типа памятников, причастных к появлению Сосново-Мазинского клада из-под г. Хвалыnsk (Городцов В.А., 1910. С. 273-282). П.С. Рыков значительно расширил этот термин, разделил хвалынскую культуру на стадии "А", "Б", "С", "Д" и даже писал об отсутствии в Нижнем Поволжье срубной культуры в "чистом виде" (Рыков П.С., 1927. С. 82). Следует отметить, что еще в 1924 г. П.Д. Рау - ученик П.С. Рыкова, анализируя поселенческую керамику, выразил сомнения в правильности отнесения ее к хвалынской культуре и отметил, что поселенческая керамика, аналогичная младшей хвалынской, «имеет больше точек соприкосновения с керамикой срубной» (Малышев А.А., Семенова И.В., 1992, № 1. С. 264-277; Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М., 1997. С. 21).

На первый взгляд может показаться странным, что такой специалист, как профессор Рыков, не согласился с очевидной близостью материалов эпохи поздней бронзы Поволжья к находкам срубной культуры В.А. Городцова в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской области. Однако не следует забывать, что он располагал такими своеобразными материалами, как находки из Покровских курганов, имеющие в керамике абашевские черты и сильно отличающиеся от собственно срубных, а также керамикой финальной бронзы с валиковой орнаментацией, происходящей с поселений из-под Хвалынска. Этапоном срубной культуры в то время служили находки более западных регионов, и сюда ошибочно включались погребения культуры многоваликовой керамики, для которых наличие срубов являлось одной из характерных черт. Неудивительно, что П.С. Рыков, отмечавший в поволжских погребениях отсутствие срубов, к срубной культуре их не относил.

Материалы эпохи средней бронзы попадали по этой схеме сначала в стадию "А" хвалынской культуры, затем в ямную культуру (Рыков П.С., 1931. С. 31), но впоследствии П.С. Рыков вернулся к своему первоначальному мнению (Рыков П.С., 1936. С. 30-31). Памятники, определяемые сейчас как ямно-

катакомбные, катакомбные и полтавкинские, попадают по схеме П.С. Рыкова в стадию «А», срубные материалы - в стадию «В» и сменяющую ее стадию «Е», памятники покровского типа - в стадии «С» и «Д». Таким образом, раннесрубные и покровские погребения оказывались синхронными, что в последнее время, как представляется, наиболее точно отражает действительное положение вещей.

Термин «хвалынская культура» оказался неудачным из-за своей громоздкости, расплывчатости и неопределенности, так как сюда попали чересчур разнообразные и трудно сопоставимые находки, разнесенные последующими исследователями на различные археологические культуры. Этот термин имел для П.С. Рыкова рабочий и условный характер (Рыков П.С., 1927. С. 77-93; Рыков П.С., 1931. С. 31) и, хотя не закрепился в науке, но помог разделить имеющиеся находки на различные группы и обозначить их последовательность. В 1950-е гг. XX в. керамикой хвалынского типа стали называть лишь сосуды финальной бронзы, имеющие под венчиком широкий налепной валик, а название «хвалынская культура» утвердилось за материалами энеолитического времени.

Значительное расширение источниковедческой базы в изучении археологических памятников эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья связано с широкомасштабными новостроечными работами в 1950-е гг. XX в. в зоне строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Благодаря работам Сталинградской, Куйбышевской и Волго-Донской экспедиций был получен значительный объем археологического материала, пополнивший источниковую базу дальнейших исследований. Калиновский отряд Сталинградской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института материальной культуры АН СССР исследовал три могильника на левом берегу Волги в Быковском районе Волгоградской области, у сел Новоникольское (I и II) и Верхнее Погромное (I) (Шилов В.П., 1975), а также у села Калиновка (Шилов В.П., 1959). В 1951 г. Заволжским отрядом Ленинградского отделения ИИМК в составе Сталинградской археологической экспедиции были исследованы Бе-

режновские I и II курганные могильники в Заволжье (Синицын И.В., 1959). Московскими учеными проводились раскопки курганных могильников у сел Иловатка и Политотдельское, изучались Быковские курганы (Смирнов К.Ф., 1959; 1960).

Достаточно быстрая публикация результатов этих работ в сводных трудах МИА № 60 и № 78 послужила базой для развития теоретической мысли в 1960-е гг. XX в. Фонд источников по бронзовому веку Нижнего Поволжья пополнился многочисленными погребальными комплексами, которые демонстрировали своеобразие местных памятников. Это позволило исследователям рассматривать более широкий круг проблем бронзового века на многократно возросшем круге источников.

В дальнейшем, с конца 1970-х гг., расширение круга исследованных памятников привело к более подробной детализации проблем, связанных с вопросами конца средней и начала поздней бронзы. В 90-х годах прошлого века сформировалась ещё одна концепция культурогенеза эпохи средней бронзы. После исследования крупных памятников, содержащих большое количество бесспорно катакомбных погребений в курганной группе Усть-Курдюм (Лопатин В.А.), в грунтовых могильниках Белогорское I и II (Дрёмов И.И.) на Волге, Б. Дмитриевка (Матюхин А.Д.), Сторожевка (Ляхов С.В.) в правобережье Волги, в курганах у с. Советское и с. Шумейка (Баринов Д.Г.), Кумыска (Малов Н.М.) в Заволжье, стало очевидно, что в степном Поволжье катакомбная культура проявила себя не только в виде отдельных проникновений, но и как самостоятельное культурное образование (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995).

Подробно вопросы культурогенеза широкой территории степной зоны рассмотрены А.В. Кияшко (Кияшко А.В., 1999; 2002). Автор подчеркивает доминирующее культурное влияние Кавказа в эпоху средней бронзы и связывает возникновение полтавкинской культуры с продвижением в волго-донские степи нового населения, по всей вероятности, с востока. А.В. Кияшко оставляет статус полтавкинской культуры лишь за раннеполтавкинскими, по периодизации Н.К. Качаловой, памятниками, а позднеполтавкинские относит к волго-

донской катакомбной культуре, которая, по мнению автора, генетически связана с полтавкинской (Кияшко А.В., 2002).

I. 2. Историографические проблемы выделения и культурного определения памятников конца средней бронзы

Раскопки около 200 курганов, произведенные в Заволжье П.Д. Рау в 1920-х гг., привели к открытию около 350 разновременных погребений, в том числе комплексов, отличающихся, с одной стороны, от ямных, с другой – от катакомбных (Максимов Е.К., 1997. С. 5). Это позволило П.Д. Рау выделить полтавкинскую ступень эпохи бронзы, занимающую промежуточное положение между культурами ранней и поздней бронзы (Rau P., 1928. S. 41-47). Тем самым он внёс особый вклад в разработку проблематики эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья. Характерно, что П.Д. Рау обосновал предположение профессора Рыкова о генетической преемственности культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Следует отметить, что впервые столь масштабные раскопки, материалы которых были включены П.Д. Рау в научный оборот, производились на территории Заволжья. К среднебронзовой проблематике П.Д. Рау обратился после раскопок у с. Старая Полтавка. При исследовании местных курганов он обнаружил памятники, хронологически соответствующие стадии «А» хвалынской культуры по П.С. Рыкову. Идентичные материалы из раскопок последующих лет в других районах Заволжья нагляднее показали отличие этой группы погребений как от комплексов эпохи поздней бронзы, так и от разновременных им захоронений катакомбной культуры, уже известных к тому времени. Это позволило П.Д. Рау рассматривать их как самостоятельную «полтавкинскую ступень» бронзового века (Рау П. Д., 1928. С.151-157).

В дальнейшем идея П.Д. Рау получила продолжение в работах О.А. Кривцовой-Граковой, К.Ф. Смирнова, Н.К. Качаловой и др. (Кривцова-Гракова О. А., 1947. С. 153-155; Смирнов К.Ф., 1959. С. 311; Качалова Н.К., 1965). Комплексы, послужившие П.Д. Рау для выделения полтавкинской ступени, а также близкие им по времени находки были использованы для выделения полтав-

кинской культуры. При этом особо подчеркивалась генетическая связь полтав-кинской культуры с ямной. Все материалы, содержавшие черты катакомбной культуры, определялись как проникновение отдельных чужеродных элементов, оказывавших некоторое влияние на местные племена эпохи средней бронзы.

Термин «полтавкинская культура» твердо укоренился в научной литературе в 1970-х - 1980-х годах после серии работ Н.К. Качаловой и ее последователей. Но в 1950-х – 1960-х гг. эти погребения интерпретировались по-разному. И.В. Сеницын, хорошо знавший катакомбные погребения по раскопкам в Калмыкии, уверенно относил целый ряд захоронений степного Заволжья к катакомбной культуре. При этом некоторые погребения средней бронзы, в которых катакомбные черты не были выражены, отнесенные впоследствии к полтавкинским, он считал раннесрубными (Сеницын И.В., 1959. С. 188-190). Такой подход, кажущийся сейчас несколько странным и устаревшим, был, по-видимому, обусловлен тем, что ряд встреченных И.В. Сеницыным в Бережновских курганах захоронений сочетал в себе как архаичные, так и более поздние признаки срубной культуры. Определить их культурно-хронологическую принадлежность по погребальному обряду или керамике можно было лишь гипотетически. В.П. Шилов, как и И.В. Сеницын, хорошо знавший и много исследовавший катакомбные захоронения Северного Кавказа, также относил погребения эпохи бронзы с подбоями к катакомбной культуре (Шилов В.П., 1975. С. 188-190). А.Я. Брюсов считал погребения средней бронзы Нижнего Поволжья катакомбными (Брюсов А.Я., 1952. С. 244-250).

Позже Л.С. Клейн выделил из локальных вариантов считавшейся в то время единой катакомбной культуры самостоятельные катакомбные культуры. Гипотетически он определил и полтавкинские памятники как полтавкинскую катакомбную культуру (Клейн Л.С., 1974. С. 178). Из всего этого следовал тезис, что «полтавкинскую группу памятников следует исключить из катакомбной культуры, но объединить с нею в одной провинции...» (Клейн Л.С., 1962. С. 38). Однако в одной из последующих работ исследователь писал, что «...нет

катакомбной культуры, но есть круг катакомбных культур...», причем в этот круг «...позволительно включить и полтавкинскую культуру» (Клейн Л.С., 1974. С. 178). В эти же годы весь комплекс проблем выделения катакомбных культур рассматривал и успешно воплощал в конкретных разработках С.Н. Братченко (Братченко С.Н., 1976).

Специальные работы катакомбным памятникам Нижнего Поволжья посвятил В.А. Фисенко. Как и для подавляющего большинства других исследователей того времени, для него было очевидно наличие пласта памятников катакомбной культуры в степном Поволжье, включая Заволжье (Фисенко В.А., 1964. С. 181). Проникновение катакомбных племен в Заволжье признавал и К.Ф. Смирнов, хотя сосуществование на одной территории катакомбной и полтавкинской культур он отрицал (Смирнов К.Ф., 1959. С. 310; Смирнов К.Ф., 1960. С. 238, 239).

Таким образом, как мы видим, к началу 1970-х годов у большинства исследователей не вызывало серьезных сомнений наличие в степном Поволжье, включая Заволжье, катакомбной культуры, которая, хотя и не была автохтонной, существовала здесь наряду с местной традиционной культурой, проявлявшейся в памятниках полтавкинского типа. В то же время с середины 1960-х годов ведется планомерная работа по выделению полтавкинской культуры и обоснованию ее местного происхождения (Качалова Н.К., 1965). Н.К. Качалова в серии работ, посвященных проблемам средней бронзы Нижнего Поволжья, убедительно обосновала отделение полтавкинских памятников от раннесрубных, с одной стороны (Качалова Н.К., 1967), и от катакомбных – с другой (Качалова Н.К., 1968. С. 9). Постепенно формируется мнение, что в степном Поволжье катакомбная культура отсутствовала. Отдельные ее проявления являются следствием проникновения в полтавкинскую (автохтонную) среду небольших групп катакомбников, быстро растворившихся в местном окружении и существенно не повлиявших на сложение срубной культуры.

Эта точка зрения была поддержана рядом исследователей (в первую очередь, куйбышевскими (самарскими) и ленинградскими (петербургскими) ар-

хеологами), получила широкое распространение и доминировала в течение 1970-х – начала 1980-х годов. Наиболее активными сторонниками полтавкинской культуры являются И.Б. Васильев и П.Ф. Кузнецов. Практически все погребения эпохи средней бронзы (а точнее сказать, предшествующие срубным с плоскодонной керамикой), происходящие из Заволжья, считаются ими полтавкинскими. В результате сюда попали разнородные материалы, имеющие различную генетическую и культурную основу. При этом многие исследователи соседних регионов, не вдаваясь в детали и специфику местных проблем степного Поволжья, вслед за сторонниками полтавкинской культуры считали все заволжские комплексы полтавкинскими, что постепенно привело к абсолютизации данной точки зрения и данного термина, с одной стороны, предельно упростив схему развития местных культур, с другой – внося дополнительную путаницу.

Дальнейшая абсолютизация тезиса о полтавкинской культуре как основе сложения срубной культуры привела авторов этой концепции к выделению полтавкинской культурно-исторической общности (КИО). Помимо нижневожской и средневожской полтавкинских культур, в результате привлечения материалов сборов и отдельных находок с широкой территории, И.Б. Васильевым были выделены «прикаспийская», «приуральская» полтавкинские культуры, составляющие полтавкинскую общность (Васильев И.Б., 1979. С. 47-49). Н.К. Качалова поддержала тезис о полтавкинской общности и дала подробную характеристику вариантам полтавкинской культуры, один из которых – прикаспийский – был выделен на материалах сборов, имеющих достаточно выраженные катакомбные черты, а приуральский – на аморфных погребениях, в целом укладывающихся в рамки алакульских древностей (Качалова Н.К., 1993. С. 75-78). Ареал распространения полтавкинских культур расширился от Северного Прикаспия до лесного Поволжья и от Урала до Подонья. Расширение полтавкинских культур за счет территорий, содержащих катакомбные и иные памятники, было обусловлено, в первую очередь, схожестью многих черт полтавкинской и катакомбной культур как в инвентаре, так и в погребальных об-

рядах и отсутствием четких критериев и конкретных определяющих признаков полтавкинской культуры. Такие признаки, как захоронения в курганах, в ямах, на спине или на боку, с охрой или без охры, с бревенчатым накатником или без перекрытия и т.д. являются определяющими для всех культур эпохи бронзы, и не только бронзы, степной зоны Южной России и значительно шире. Кроме того, предпосылка, что срубная культура, занимавшая огромную территорию от Урала до Днепра, является производной от полтавкинской, узко локализованной в степном и лесостепном Поволжье, требовала расширения полтавкинцев до общности. Обоснование этой идеи было выполнено впоследствии П.Ф. Кузнецовым, проанализировавшим широкий и разнообразный круг материалов и подведшим под эту работу математическое обоснование (Кузнецов П.Ф., 1989).

Однако ни в 1970-е, ни в 1980-е годы эта схема смены культур степного Поволжья (ямники - полтавкинцы - срубники) не являлась единственной и неоспоримой. В соответствии со схемой Н.Я. Мерперта поздний период существования древнеямной культуры является также временем существования катакомбной культуры (Мерперт Н.Я., 1974. С. 76, 77). Следует заметить, что многие из погребений, отнесенных Н.Я. Мерпертом к поздним ямникам, включались другими авторами, в первую очередь, Н.К. Качаловой, в полтавкинскую культуру. Не принял точку зрения Н.К. Качаловой и В.П. Шилов, называвший захоронения этой группы памятниками «полтавкинской ступени», вкладывая в термин первоначальный смысл, заложенный П.Д. Рау. Исследователь отмечал, что они не имеют необходимых для культуры единых признаков в погребальном обряде: «Различия в позах погребенных на спине, на правом и на левом боку (в позе «скачущего всадника», в позе адорации) с ориентировками во всех направлениях, с охрой и без нее, и в конструкциях могил с мощными перекрытиями и без них, в прямоугольных и овальных ямах, с подбоями и без подбоев, указывают на их различную культурную принадлежность» (Шилов В.П., 1975. С. 92).

Несмотря на явные различия существовавших точек зрения, сформули-

рованных к концу 1970-х годов по всему спектру проблем эпохи средней бронзы Поволжья, до горячих дискуссий полемика по этим вопросам в то время не доходила. Авторы исследований работали в рамках своих схем и использовали наиболее подходящую для них терминологию, не нарушая общей направленности. Но к восьмидесятым годам XX века стало очевидным несоответствие имеющегося материала со многими устоявшимися положениями.

Принципиально новый взгляд на место полтавкинской культуры в системе древностей степного Поволжья был сформулирован В.И. Мельником в диссертации, посвященной вопросам эпохи средней бронзы Поволжья (Мельник В.И., 1985). Здесь подробно анализировались погребальные комплексы степной, лесостепной и полупустынной зон, считавшихся занятыми в эпоху средней бронзы полтавкинскими племенами. В.И. Мельником было показано, что эти комплексы делятся на две основные группы – с устойчивыми древнеямными традициями (простые ямы, положение на спине, скорченно, с яйцевидной керамикой, имеющей уплощенное или небольшое плоское дно) и с выраженными катакомбными признаками (положение в ямах, имеющих нередко подбой, в позе «скачущего всадника», часто с деформированными черепами, с керамикой, находящей аналогии в культурах катакомбного круга). Анализ материалов катакомбной группы памятников позволил В.И. Мельнику определить их место в системе катакомбных древностей. Исследователь выделил 3 группы, близкие к памятникам среднедонецкой, донецкой и предкавказской катакомбных культур, причем материалы донецкой культуры, по мнению автора, преобладали над среднедонскими. Имеются и смешанные комплексы, сочетающие катакомбные и полтавкинские признаки. Учитывая, что эти культуры проявляются в Поволжье не в чистом виде, а с налетом местных традиций, В.И. Мельник выделил их в доно-волжский вариант катакомбной общности и объединил в донецко-волжскую провинцию катакомбной общности. Термин «полтавкинская культура» в работах В.И. Мельника понимается как местная нижневолжская культура, сохраняющая ямные традиции и существующая параллельно с катакомбной, начиная с ямно-катакомбного времени

(Мельник В.И., 1985).

После защиты кандидатской диссертации В.И. Мельником, поставившим под сомнение многие устоявшиеся схемы, на страницах журнала «Советская археология» развернулась острейшая дискуссия. Следует сказать о ней подробнее, так как трудно привести другой пример, когда бы кандидатская диссертация привела к столь бурным дебатам, отражавшим весь спектр научных взглядов по затронутым вопросам. Чрезвычайно эмоциональная и во многом некорректная статья Н.К. Качаловой и И.Б. Васильева была насыщена такими «аргументами», как: «... чтобы не видеть их (новые полтавкинские материалы), нужно просто не хотеть»; «...какая-либо позитивная концепция у него отсутствует»; «этот вывод сейчас... едва ли устроит кого-то из серьезных исследователей» и т.д. При этом В.И. Мельнику и разделяющему его взгляды Г.Г. Пятым приписывались высказывания, которых они никогда не делали, суть их разработок искажалась до неузнаваемости, а порою передавалась с точностью до наоборот. Вместо анализа конкретных положений этих авторов и выдвижения строго научных аргументов, высказывались упрёки, что В.И. Мельник и Г.Г. Пятым опираются на выводы друг друга, «... что в результате образует замкнутый круг» (Качалова Н. К., Васильев И. Б., 1989. С. 212-224).

В своем ответе на «критику» В.И. Мельник сделал четкий историографический анализ проблемы и отметил, что, объявляя ошибочными основные выводы диссертации о сосуществовании в Поволжье полтавкинских и катакомбных памятников, о наличии здесь погребений, сочетающих полтавкинские и катакомбные элементы, о постепенном проникновении в Поволжье катакомбных племен – носителей разных катакомбных культур, оппоненты противоречат сами себе, выдвигая в этой же работе такие же положения (Мельник В.И., 1990. С. 103-107). Г.Г. Пятым, отвечая им, в очередной раз по пунктам обосновал отсутствие полтавкинской общности и привел систему аргументации происхождения срубной культуры на основе культур катакомбного и абашевского круга (Пятым Г.Г., 1990. С. 113-117).

В дискуссии также приняли участие В.В. Отрощенко, Т.М. Потемкина,

В.П. Шилов, Н.Л. Моргунова, которые в основных чертах поддержали автора диссертации и высказали свои соображения по некоторым частным вопросам. В.В. Отрощенко, например, особое внимание уделил проблеме преемственности культур эпохи средней и поздней бронзы, высказав мнение, что между полтавкинскими, катакомбными памятниками и срубной культурой должно быть промежуточное звено (Отрощенко В.В., 1990. С. 107-113). Т.М. Потемкина показала наличие в материалах Южного Урала эпохи поздней бронзы наследия полтавкинской и катакомбной культур, что позволило ей сделать вывод об их участии в сложении алакульской культуры. При этом ни одного факта находок в Зауралье или Приуралье погребений этих культур она не привела (Потемкина Т.М., 1990. С. 118-130). Осталось неясным, как они могли повлиять, если их там не было? Н.Л. Моргунова убедительно показала отсутствие в Приуралье полтавкинцев или катакомбников и пришла к выводу, что культуры эпохи поздней бронзы формируются здесь непосредственно на ямной основе (Моргунова Н.Л., 1991. С. 123-131). Эта мысль была впоследствии подтверждена ею в докторской диссертации (Моргунова Н.Л., 1997). В.П. Шилов также подверг критике понятие «полтавкинская общность» и указал на некорректность выделения «полтавкинских» погребений Южного Приуралья, так как они укладываются в рамки алакульских и срубных древностей (Шилов В.П., 1991).

В целом дискуссия показала слабость аргументации сторонников полтавкинской концепции и необходимость дальнейшей корректировки многих устоявшихся схем. Одна из таких работ была выполнена М.А. Турецким. Проанализировав погребальные комплексы ранней и средней бронзы Заволжья, преимущественно содержавшие инвентарь, он разделил их на три группы, среди которых первая является собственно ямной, вторая ямно-катакомбной, а третья относится к кругу катакомбных культур. Именно ее он предложил называть полтавкинской культурой, так как в эпонимном памятнике, послужившем П.Д. Рау для выделения полтавкинской ступени, катакомбные признаки были выражены наиболее ярко. Для полтавкинской культуры в ее пер-

воначальном значении как самостоятельного и цельного образования места в его схеме не нашлось (Турецкий М.А., 1992. С. 64-73). Фактически здесь она является полтавкинской катакомбной культурой, как предлагал ее называть ещё Л.С. Клейн (Клейн Л.С., 1974. С. 178).

Н.М. Малов и В.В. Филипченко обобщили катакомбные погребальные и поселенческие памятники севера Правобережья Волги. Вслед за В.И. Мельником, рассматривавшим катакомбные памятники Нижнего Поволжья в качестве доно-волжского варианта катакомбной общности (Мельник В.И., 1985. С. 14), они пришли к выводу о существовании здесь «...локального варианта катакомбной культуры, сложившегося, главным образом, на основе позднеямных традиций» (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995. С. 52-61). Эти памятники соавторы рассматривали как волго-донской вариант катакомбной культуры. Можно согласиться с авторами, что «...данная территория была основным ареалом обитания катакомбных, а не полтавкинских племен, и Волга не являлась рубежом, разделявшим оба массива населения» (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995. С. 52-61). В дальнейшем утвердился термин «волго-донская катакомбная культура» (Кияшко А.В., 2002).

В 1990-х годах у последователей полтавкинской концепции происхождения срубной культуры сохранилось лишь несколько активных сторонников, преимущественно самарской археологической школы. Острота дискуссий спала, шло накопление материала, публикация и осмысление новых находок. Существование катакомбной культуры в Правобережье Волги уже никем не подвергалось сомнению. Был выявлен и исследован целый ряд катакомбных погребений и поселений в Саратовском Заволжье (Баринов Д.Г., Дремов И.И., 1990. С. 60-62; Дремов И.И., 1996; 1997 А; 1997 Б; Матюхин А.Д., 1992. С. 49-53; Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995. С. 108-137; Юдин А.И., 1997), подтверждающих существование здесь катакомбной культуры. В 1997 году на международной конференции в г. Энгельс, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау, вновь обсуждались вопросы соотношения ямных, полтавкинских, катакомбных, абашевских, покровских, петровских, синташтинских и

потаповских памятников. П.Ф. Кузнецов выразил уверенность, что Волга являлась рубежом для проникновения в левобережье катакомбников, в чем не нашёл поддержку у присутствовавших там специалистов (Эпоха бронзы... 1997. С. 119-143).

Для данной работы имеет специальное значение ещё один историографический вопрос – проблема соотношения и взаимодействия ямных и полтавкинских, ямных и катакомбных культур, так называемые памятники ямно-катакомбного типа. На первый взгляд, эта тема не имеет отношения к рубежу средней и поздней бронзы, так как ямно-катакомбные погребения традиционно датируются заведомо более ранним временем, чем позднекатакомбные памятники и, следовательно, они хронологически значительно предшествуют интересующему нас периоду. Однако даже этот вопрос в свете исследований последних лет не кажется столь очевидным. Достаточно отметить примеры совместного нахождения круглодонной – ямной керамики с плоскодонной – полтавкинской или катакомбной, учтённые М.А. Турецким (Турецкий М.А., 1992. С. 85), и случаи обратной планиграфической стратиграфии погребений с круглодонной и плоскодонной посудой, позволяющие в данной работе вернуться к вопросам хронологического соотношения ямно-катакомбных и полтавкинских памятников (Дремов И.И., 1997 А; Дремов И.И., 1997 Б).

Впервые ямно-катакомбные погребения были выделены В.А. Фисенко на материалах Северо-Западного Прикаспия. К тому времени утвердилось мнение о генетическом родстве ямников и сменивших их катакомбников, но требовали объяснения многочисленные случаи сочетания в погребениях ямных и катакомбных признаков. В.А. Фисенко отметил две группы ямно-катакомбных погребений. Для одной характерно положение погребенных в катакомбах, на спине, скорченно, а для другой – в катакомбах, на боку, вытянуто. Инвентарь в них был беден или отсутствовал, что позволило относить эти захоронения к ямному типу с катакомбными элементами. Такие находки, по его мнению, указывали на сосуществование ямной и катакомбной культур в одно время и на одной территории (Фисенко В.А., 1970. С. 58-66). В.А. Сафронов впоследст-

вии определял подобные находки как погребения трансформированного древнеямного и смешанного катакомбно-северокавказского населения (Сафронов В.А., 1974. С. 119-123). При раскопках на Нижнем Дону Лыревского и Шихаевских курганов были встречены погребения в катакомбах, где костяки лежали скорченно на спине и сопровождалась катакомбной керамикой. М.Г. Мошкова и Э.А. Федорова-Давыдова определили эти комплексы как ямно-катакомбные, но отнесли к катакомбной культуре (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974. С. 79-80). Н.К. Качалова рассматривала Нижнее Поволжье, занятое, по ее мнению, полтавкинской культурой, вне зоны контактов ямной и катакомбной культур, хотя и признавала продвижение сюда отдельных групп катакомбного населения (Качалова Н.К., 1968. С. 13). Поэтому все позднеямные погребения с катакомбными чертами автоматически включались в полтавкинскую культуру.

Несостоятельность такого подхода была показана В.И. Мельником, обозначившим в степном Поволжье памятники ямно-катакомбного и ямно-полтавкинского типов. Он выделил три группы ямно-катакомбных погребений. Первая – в катакомбе, на спине скорченно, с ямным инвентарем или без вещей; вторая – в катакомбе, на спине скорченно, с катакомбным инвентарем; третья – в яме, на спине скорчено, с катакомбным инвентарем (Мельник В.И., 1985. С. 110-120). Не согласился с Н.К. Качаловой и М.А. Турецкий, отчленивший ямно-катакомбные комплексы от полтавкинских и выделивший их во вторую, особую группу погребений эпохи ранней – средней бронзы Заволжья (Турецкий М.А., 1992. С. 69, 72).

Последнее время выделением памятников конца средней бронзы Нижнего Поволжья успешно занималась Э.С. Шарафутдинова (Шарафутдинова Э.С., 2001. С. 148-153). На основании инвентаря и погребальных признаков она выделила здесь 46 комплексов¹ и отметила, что фактически их значительно

¹ Надеждинка, 1/5 (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989), Жареный Бугор (Монахов С.Ю., 1984), Скатовка, 18/1, 21/7, Потёмкино, 3/3, Бережновка I, 5/1, 8, 35/18, 36/3, Бережновка II, 2/10 (Синицын И.В., 1959), Бережновка I, 9/3, 4, 14, 14/2, Бережновка, южная группа, 8/5, Бережновка «Лесной Кордон», погр. 13, Молчановка, северо-восточная

больше, но погребения этого времени характеризуются малочисленностью инвентаря или его отсутствием.

Для данных комплексов характерны простые могильные ямы, но есть подбои и катакомбы. Преобладает ориентировка костяков на восток, северо-восток, север, реже на юг, юго-запад и северо-запад. Положение рук неустойчивое, преобладает левобочность скелетов, но в 21% случаев скелеты лежали на правом боку. Инвентаря в выделенных погребениях очень мало; главным показателем является керамика, которая сочетает в себе катакомбные и срубные черты в орнаментации или форме сосудов. Хронологическое соотношение памятников конца эпохи средней бронзы различных территорий представлено в виде следующей таблицы:

Северский Донец	Средний Дон	Нижнее Поволжье	
КМК	ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА (ППТ)		поздняя бронза
поздний этап			
средний этап	поздний этап ("валиковый")	группа памятников финала (катакомбный тип)	средняя бронза
ранний этап			
среднедонская катакомбная (харьковско-воронежский вариант)		катакомбная (среднедонская и предкавказского типа)	

По мнению Э.С. Шарафутдиновой, «...финальная группа средней бронзы в Нижнем Поволжье – это хронологический субстрат, т.е. непосредственный предшественник нового культурного образования – памятников покровского типа (ППТ). Но выделенная финальная группа отнюдь не генетический исток для «ППТ», так как в генезисе последних, как и в Синташте, существенная

группа; Нов. Молчановка, 1/7, "Ямки", 1/1, 3/5, 8 (Синицын И.В., 1960), Политотдельское, 3/5, одиночные курганы ок. Политотдельского, 1/2 (Смирнов К.Ф., 1960), Быково I, 3/4, 4/3, 15/1, Быково II, 5/9 (Смирнов К.Ф., 1960), Калиновка, 8/15 (Шилов В.П., 1959), Верное I, 2/7, 3/10 (Шилов В.П., 1975), Челюскинец, 1/2, 3, Вертячий, 24, Пичуга, 1/8, Химкомбинат, группа Б, 4/8, 9 (Мамонтов В.И., Отчеты за 1979-1982 гг.), Кривая Лука II, 2/19, 5/13 (Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977).

роль принадлежит импульсу и воздействию абашевцев» (Шарафутдинова Э.С., 2001. С. 153).

В 2002 году опубликовано фундаментальное исследование памятников эпохи средней бронзы степного Поволжья и Подонья А.В. Кияшко. В работе сделана наиболее полная подборка погребений ранней и средней бронзы, рассмотрены проблемы развития металлообработки, погребальной обрядности и керамики. Вопросы хронологии памятников не выделены в особый раздел, но они рассматриваются в контексте поставленных проблем (Кияшко А.В., 2002). Серьёзное диссертационное исследование погребальных памятников полтавкинской и волго-донской культуры недавно осуществила Е.П. Сухорукова. В её работе проведён тщательный анализ и сопоставление этих культур. Памятникам полтавкинской культуры отведены периоды ранней и средней бронзы. В дальнейшем результатом взаимодействия полтавкинской и донецкой культур явилось формирование волго-донской культуры эпохи средней бронзы, которая, в свою очередь, вытеснила донецкие племена из Волго-Донского междуречья и распространилась далеко на запад (Сухорукова Е.П., 2008).

На севере степного Поволжья, а по большей части на территории лесостепной зоны, встречается керамика вольского и лбищенского типов. Памятники с этой своеобразной керамикой выделены И.Б. Васильевым в вольско-лбищенскую культуру. Вольско-лбищенская керамика встречается в погребальных комплексах конца средней бронзы, которые представляют собой самостоятельную культурную группу (Васильев И.Б., 2003. С. 107-115).

В последние годы Р.А. Мимоходом выделено ещё два культурно-хронологических образования конца средней бронзы – памятники «криволукского культурного типа» (Мимоход Р.А., 2004. С. 108-114; 2009. С. 31-35) и «лолинская культура» Северо-Западного Прикаспия (Мимоход Р.А., 2007). К сожалению, эти публикации не содержат развёрнутой аргументации и выглядят пока в большей мере как постулаты, чем как анализ исходного материала. Выделенные группы содержат разнородную керамику и инвентарь, не приведены случаи совместного залегания или другие причины, позволяющие объе-

динять их в одну культуру или культурный тип.

Подводя итог историографическому обзору, можно отметить, что за последние десятилетия объём информации по проблемам конца бронзового века значительно увеличился. К настоящему времени сформировалась точка зрения, что именно памятники катакомбной – волго-донской культуры преобладают в степном Поволжье на позднем этапе средней бронзы. Поэтому для выделения памятников рубежа средней и поздней бронзы они имеют первостепенное значение для определения и характеристики культурного пласта, подстилающего срубный горизонт.

I.3. Историографические проблемы происхождения и выделения памятников начала поздней бронзы

Изучение переходного периода от средней бронзы к поздней напрямую связано с вопросами происхождения срубной культуры. Проблема происхождения срубной культуры была поставлена В.А. Городцовым в начале XX века, почти сразу же после открытия на Северском Донце подкурганых захоронений в срубках.

Ярко выраженные различия между памятниками срубной и катакомбной культур как в погребальном обряде, так и в инвентаре привели его к выводу о миграции носителей срубной культуры с другой территории (Городцов В.А., 1907. С. 124). Для западного ареала распространения срубных памятников такой вывод был неизбежен в силу сложности выявления генетической связи между этими заметно разнящимися культурами.

Несколько десятилетий спустя к раннему этапу срубной культуры были отнесены памятники полтавкинского типа, выявленные в Заволжье. Но затем их стали обособлять в отдельную культуру, а срубную продолжали рассматривать как естественное развитие полтавкинской. Эти историографические вопросы были рассмотрены В.И. Мельником (Мельник В.И., 1982. С. 21). О.А. Кривцова-Гракова окончательно оформила гипотезу о происхождении срубной культуры от полтавкинской в монографическом исследовании, ставшем на

долгие годы определяющим обобщающим исследованием по вопросам бронзового века Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья (Кривцова-Гракова О.А., 1955). Данная концепция до настоящего времени имеет своих последователей, хотя и подверглась значительной критике и трансформации. Поэтому гипотеза о происхождении срубной культуры от полтавкинской и, следовательно, взгляд на позднеполтавкинские и раннесрубные погребения как на памятники конца средней – начала поздней бронзы требуют подробного рассмотрения.

Осмысление роли полтавкинской культуры в сложении срубной связано с работами Б.А. Латынина и Н.К. Качаловой 1960-х годов, в которых отмечалось, что роль полтавкинской культуры в сложении срубной не столь значительна, как это принято считать. К этому мнению присоединились и другие исследователи. Г.Г. Пятых подытожил основные направления критики и свёл к нескольким основным тезисам (Пятых Г.Г., 1985. С. 57):

- преемственность в формах сосудов полтавкинской и срубной культур оценивалась исследователями 1960-х годов лишь как «некоторая»;

- орнаментика керамики обеих культур имеет ярко выраженные различия; в срубный период исчезают предшествующие сюжеты орнамента, меняются техника его нанесения и штампы;

- аналогичное явление наблюдается и при сопоставлении металлических изделий, а также иных категорий инвентаря (Качалова Н.К., 1967. С. 21);

- генетическая основа для некоторых форм сосудов срубной культуры и ряда категорий ее инвентаря в полтавкинских памятниках отсутствует (Чередниченко Н.Н., 1979. С. 6);

- невозможно также объяснить, как срубная культура, представлявшая огромное образование, могла сложиться на основе небольшой полтавкинской культуры степного Заволжья (Чередниченко Н.Н., 1979. С. 6).

Отсюда делался справедливый вывод, что генетическая близость между срубными и полтавкинскими памятниками носит ограниченный характер (Качалова Н.К., 1967. С. 21) и что срубная культура сложилась, очевидно, на бо-

лее широкой основе, а полтавкинская явилась лишь одним из компонентов этой основы (Качалова Н.К., 1967. С. 22). Отмечалось, что попытки представить степное Заволжье как единый центр происхождения срубной культуры «особо сомнительны» (Латынин Б.А., 1967. С. 58).

В 1970-е годы с расширением круга археологических источников и более углублённым исследованием полтавкинской проблемы стали меняться представления о территории распространения полтавкинской культуры. Первоначальная зона выявления этих памятников в степном Заволжье была значительно расширена до лесостепных районов Среднего Поволжья, Приуралья и полупустынных районов Северного Прикаспия (Качалова Н.К., 1976 Б. С. 18; Качалова Н.К., 1978 А. С. 78). Выявление отдельных вариантов полтавкинской культуры, обозначенных по территориальному принципу, привело к выделению полтавкинской культурно-исторической общности. По мнению И.Б. Васильева, именно на основе «полтавкинской общности» сложилась срубная культура (Васильев И.Б., 1979. С. 49). Таким образом, пространство сложения срубной культуры могло быть расширено, но зона распространения вновь выявленных полтавкинских материалов не совпадала с территорией нахождения раннесрубных погребений. Ни в Северном Прикаспии, ни в Приуралье срубная культура не имеет такого распространения, чтобы считаться территорией её формирования. Тем самым попытка определения полтавкинской общности в качестве основы сложения срубной культуры столкнулась с территориальными противоречиями.

Критический анализ гипотезы происхождения срубной культуры от полтавкинской провёл Г.Г. Пярых (Пярых Г.Г., 1985. С. 57-64). Он показал, что источниковедческая база для такого решения вопроса слишком мала. Если для выделения «нижневолжской полтавкинской культуры» имеется немалое количество памятников, сравнительно развернутая аргументация и устойчивая историографическая традиция, то «средневолжская полтавкинская культура» была вычленена лишь на основе 22 погребений раннего и 10 погребений позднего этапа (Васильев И.Б., 1979. С. 29, 34). Иными словами, «...целая культу-

ра, явившаяся якобы одной из основ сложения гигантской срубной общности, представлена на своем позднем этапе (на базе которого и должна была, по логике, формироваться срубная культура) всего 10 захоронениями, что, конечно, мало» (Пятых Г.Г., 1985. С. 57-64). И. Б. Васильев отметил наличие общих черт в погребениях средневожской полтавкинской культуры и нижневожской позднего этапа (Васильев И.Б., 1979. С. 47), но при этом не раскрыл причины, почему он считает, что это отдельные культуры, а не варианты одной.

Возникли проблемы и с отнесением к полтавкинской культуре ряда памятников Приуралья «в связи с отсутствием в них характерных полтавкинских черт», что было отмечено самим автором (Васильев И.Б., 1978. С. 17). Тем не менее, приуральская полтавкинская культура была включена им в «полтавкинскую общность» (Васильев И.Б., 1978. С. 17). Указывая на противоречия во взглядах с В.П. Шиловым на приуральские памятники, он отметил, что «этих расхождений во взглядах... на памятники средней бронзы Поволжья и Приуралья не будет, если рассматривать их в рамках единой общности с рядом отдельных полтавкинских культур: «нижневожской», «средневожской», «прикаспийской» и «приуральской»» (Васильев И.Б., 1979. С. 49). Как отметил Г.Г. Пятых, «совершенно очевидно, что противоречия, основанные на фактах, нельзя снимать путем произвольного объединения разнородных памятников в одну культурно-историческую общность. Количества материала, привлекаемого для выделения «приуральской полтавкинской культуры», явно недостаточно» (Пятых Г.Г., 1985. С. 58).

Выделение прикаспийской полтавкинской культуры ещё более проблематично, так как оно основано на материалах разведочных сборов. Имеющиеся находки не дают представления ни о погребальном обряде, ни о материальной культуре оставившего найденную керамику населения. Кроме того, керамика, собранная на дюнных стоянках Северного Прикаспия, характеризуется рядом своеобразных черт, отличающих её от нижневожской, что отмечалось неоднократно (Васильев И.Б., 1978. С. 17; Васильев И.Б., 1979. С. 48). Между полтавкинской и катакомбной керамикой существует много общих черт, и не все-

гда можно точно идентифицировать культурную принадлежность посуды среднебронзового века (Мельник В.И., 1979. С. 53), поэтому керамика с территорий, расположенных к югу от степного Поволжья, может быть отнесена и к одному из вариантов катакомбной культуры (Пярых Г.Г., 1985. С. 58). Без раскопок серии культурно определимых памятников и определения их хронологических позиций для этого региона нельзя утверждать, что прикаспийская полтавкинская культура доживает до времени сложения срубной. Отсутствуют и свидетельства, что пустыни Прикаспия были одним из регионов первичного сложения срубной культуры, нет комплексов, позволяющих установить, какие конкретно культурные компоненты прикаспийской полтавкинской культуры унаследовала срубная культурно-историческая общность.

Ещё одним важным аспектом исследований 1970-х годов являлась проблема хронологического соотношения полтавкинских, катакомбных и срубных памятников. В эти годы были получены материалы, свидетельствующие о синхронности абашевских памятников лесостепного Поволжья и Приуралья (Черных Е.Н., 1970. С. 67), а также о вероятном предшествовании абашевских памятников срубным (Пряхин А.Д., 1977. С. 117). Поэтому между срубными и полтавкинскими памятниками оказывался раннеабашевский пласт и хронологический разрыв. В степном Поволжье абашевская культура в чистом виде не проявлялась, а имеющиеся комплексы покровского типа с абашевскими чертами считались синкретичными – срубно-абашевскими. Это давало возможность рассматривать нижеволжские полтавкинские погребения в качестве непосредственной подосновы раннесрубных.

Погребения раннего (бережновского) этапа срубной культуры Нижнего Поволжья и средневолжской срубной культуры характеризуются большими размерами могильных ям прямоугольной или подквадратной формы, деревянными сооружениями, иногда усложненных конструкций, положением погребенных скорченно на левом боку, с руками перед лицом или со смещением одной руки, преобладанием ориентировки на восток, северо-восток и север (Качалова Н.К., 1978 А; Агапов С.А., Васильев И.Б., 1983. С. 11, 12). В случае

признания происхождения срубной культуры от полтавкинской заметно несоответствие между обрядовыми признаками раннесрубных погребений с погребениями позднего полтавкинского этапа, который должен непосредственно предшествовать срубной культуре, от которого она и должна была унаследовать перечисленные элементы. Позднеполтавкинские погребения характеризуются тем, что «все разнообразные подкурганые и внутримогильные конструкции исчезают, могильные ямы становятся меньше и мельче. Погребенные лежат в основном на боку, очень редко на спине. Степень скорченности более сильная, чем в погребениях третьей группы, т.е. в раннеполтавкинских. Слабее окраска охрой, иногда она отсутствует совершенно, мало проявлений культа огня. Наряду с прежней проявляется юго-восточная и южная ориентировка... Все эти черты погребений четвертой группы близки второй группе полтавкинских памятников Нижнего Поволжья по классификации Н. К. Качаловой» (Васильев И.Б., 1979. С. 46, 50), т. е. позднеполтавкинским памятникам Нижнего Поволжья. Ряд погребений, относимых к позднеполтавкинским, имеющих характерную для катакомбной культуры керамику с ёлочной орнаментацией и позу «скачущего всадника», но совершённых не в катакомбах, а в простых ямах, следует относить не к полтавкинской культуре, а к катакомбной, так как в катакомбной культуре степного Поволжья, Волго-Донского междуречья и других территорий использовались разные конструкции могил.

Следует отметить, что попытки вывести срубную культуру из полтавкинской не являются результатом предвзятости или, тем более, исследовательской недобросовестности авторов. Проблема заключается в отсутствии ярко выраженных памятников переходного периода с чёткими культурными и хронологическими индикаторами, поэтому для объяснения имеющихся материалов иногда допускались смелые предположения. И.Б. Васильев отмечал, что «мы не можем раннесрубные погребения Куйбышевского Заволжья просто связать с позднеполтавкинскими погребениями. Погребальный обряд раннесрубных средневожских погребений имеет больше сходства с раннеполтавкинскими погребениями» (Васильев И.Б., 1978. С. 17, 18). Поэтому предполагается фор-

мирование срубных племен Среднего Поволжья на основе смешения местного раннеполтавкинского и пришлого с территории Нижнего Поволжья позднеполтавкинского населения (Васильев И.Б., 1978. С. 18). В следующей по времени работе предложена более развернутая схема соотношения полтавкинских и срубных памятников (Васильев И.Б., 1979. С. 50, рис. 8). Автор считает, что две разновременные группы Куйбышевского Заволжья хронологически соответствуют двум разновременным группам Нижнего Поволжья (Васильев И.Б. 1979, С. 14, 15; Васильев И.Б., 1978. С. 16).

Следует отметить, что из-за редкости датирующего инвентаря в погребениях средней бронзы авторам концепции полтавкинской культуры как непосредственного предшественника срубной общности приходилось оперировать преимущественно данными погребального обряда, все элементы которого присутствуют в ямной и катакомбной культурах. Ямные черты в погребениях средней бронзы с плоскодонной керамикой указывают на местные традиции и, следовательно, на полтавкинскую культуру, а катакомбные элементы, соответственно, являются привнесенными в среду местных полтавкинских племён. В дальнейшем значительная часть раннеполтавкинских комплексов стала определяться как позднеямная, а позднеполтавкинских – как катакомбная (Турецкий М.А., 1992; 1998, Кияшко А.В., 2002 и др.).

Наиболее показательным элементом полтавкинской культуры является керамика, которая, в отличие от ямной, имеет плоское дно, уступчатое плечо и более разнообразную орнаментацию. От катакомбной посуды её отличает преобладание примеси раковины в глиняном тесте. Но и эти признаки не являются обязательными. На позднем этапе средней бронзы преобладают типы посуды, которые характеризуются катакомбными формами (Мельник В.И., 1979. С. 53). В связи с этим, если даже выработать систему параллелей между позднеполтавкинской и раннесрубной керамикой, останутся вопросы, правильно ли установлена культурная принадлежность этой посуды и был унаследован тот или иной элемент срубной керамики от полтавкинской культуры или от катакомбной?

По мнению И.Б. Васильева, «территория южных полтавкинских племен – это степные районы Поволжья. Здесь известны ямные и полтавкинские памятники всех этапов развития от ямного до позднеполтавкинского. Северной границей распространения ямно-полтавкинских племен являлись реки Самара и Кинель – естественная граница степи и лесостепи. Единственное исключение – это небольшой участок степи на северо-западе Куйбышевской области..., где мы знаем единичные полтавкинские памятники» (Васильев И.Б., 1978 А. С. 40).

Историографический анализ концепции полтавкинского происхождения срубной культуры приводит к выводу, что зона распространения полтавкинских племён в основном совпадала с территорией распространения ранесрубных памятников степного Поволжья. Но хронологически они не стыкуются. Полтавкинская культура могла повлиять на происхождение срубной культуры лишь опосредованно через носителей позднекатакомбных традиций. Это дает основания предполагать существование единого пласта памятников позднего этапа среднего бронзового века Поволжья, пласта, расположенного в одной природно-климатической степной зоне, территориально почти не выходящего за границы распространения здесь памятников ямного, ямно-катакомбного и катакомбного типов. Эта территория совпадает с ареалом расположения памятников срубной культуры, имеющих наиболее ранние индикаторы в погребальном обряде и инвентаре.

Н.Я. Мерперт рассматривал вопрос о многокультурной основе сложения срубной культуры, так как «вопросы происхождения ни одной из больших культур не могут быть решены однозначно, ибо каждая из них является результатом сложного взаимодействия различных элементов» (Мерперт Н.Я., 1974. С. 125). По его мнению, полтавкинские памятники, явившиеся переходным явлением между культурами ямных и срубных племен, «должны рассматриваться лишь как одна из таких переходных групп, отнюдь не всеобщая, а может быть, и не основная» (Мерперт Н.Я., 1974. С. 151).

В настоящее время полтавкинские памятники Нижнего (степного) Поволжья синхронизируются с позднеямными, и вопросы их датировки рассматриваются в контексте с проблемами раннего этапа средней бронзы (Турецкий М.А., 1992; Кияшко А.В., 2002; Сухорукова Е.П., 2008), а «полтавкинская культурно-историческая общность» становится все более фактом историографическим (Пятых Г.Г., 2000; 2005).

Вопросы изучения генетической основы срубной культуры и памятников рубежа средней и поздней бронзы тесно переплетаются с вопросами определения материалов начального этапа позднебронзового века. Границу между этими эпохами разные исследователи проводят по-разному. И здесь так же, как и для проблем предшествующего периода, позиции авторов имеют не абстрактно-теоретический характер, а отражают существенные аспекты их построений. Так, например, группа самарских археологов относит памятники потаповского типа, синхронные с Синташтой, к финалу средней бронзы, подчеркивая тем самым их предсрубное время и синхронизируя с поздними полтавкинцами и ранними абашевцами (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. С. 87-90).

Ряд воронежских исследователей раннеабашевские памятники считает предсрубными, вынося их в эпоху средней бронзы и начиная отсчет позднебронзового века со срубно-абашевских (позднеабашевских, по их терминологии) памятников. При этом псалии как синташтинского, так и староюрьевского типов они относят к финальному этапу средней бронзы (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. С. 32-33). Таким образом, абашевцы оказываются синхронными с поздними катакомбниками и стоят у истоков сложения срубной культуры. В то же время отмечается очень быстрая смена предсрубных памятников срубными, что отразилось в большой близости и даже идентичности многих форм инвентаря и погребального обряда. По мнению саратовских археологов, поздняя бронза в Поволжье начинается с покровских, потаповских и раннесрубных памятников, что указывает на иную, не синташтинско-потаповскую или абашевскую подоснову сложения срубной культуры (Юдин А.И., Матюхин А.Д., За-

хариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. С. 119-139). Н.К. Качалова, а вслед за ней и другие авторы, начинали отсчет эпохи поздней бронзы с бережновского горизонта срубной культуры, предшествующего, по ее мнению, памятникам покровского типа (Качалова Н.К., 1978; Качалова Н.К., 1979; Качалова Н.К., 1985). И.В. Сеницын считал ранним этапом срубной культуры, а, следовательно, и поздней бронзы, погребения, определенные впоследствии как полтавкинские (Сеницын И.В., 1959). О.А. Кривцова-Гракова ошибочно относила к раннему этапу срубной культуры полтавкинскую керамику, считая, что она происходит из престижных покровских комплексов (Кривцова-Гракова О.А., 1955. С. 9-82). Эта неточность была обусловлена недостаточно четкой документацией раскопок Покровских курганов и отсутствием подробных публикаций материалов.

После исследования П.С. Рыковым Покровских курганов и выделения им в Поволжье хвалынской культуры покровские погребения стали своеобразным эталоном при рассмотрении проблем степной и лесостепной бронзы Восточной Европы. Хотя термин «хвалынская культура» и не прижился, но первое время преемник П.С. Рыкова И.В. Сеницын использовал название «срубно-хвалынская культура», включая сюда и памятники средней бронзы (Сеницын И.В., 1947. С. 8). После выхода в свет монографии О.А. Кривцовой-Граковой, относившей покровские захоронения к первому - раннему этапу срубной культуры, все аналогичные материалы стали считаться срубными. К этому времени уже была открыта и выделена абашевская культура, и вскоре исследователи стали обращать внимание на близость покровских и абашевских захоронений. Объяснение этому находили во влиянии срубников на формирование абашевцев или в проявлениях связей между ними (Сеницын И.В., 1956. С. 84; Сеницын И.В., 1959. С. 193; Мерперт Н.Я., 1954. С. 143-150; Смирнов К.Ф., 1959. С. 315).

В 1960-е - 1970-е годы после открытия серии абашевских погребений на Среднем Дону нижеволжские памятники, имеющие с ними общие черты, стали рассматриваться как результат прямого проникновения сюда абашевцев

(Либеров П.Д., 1964. С. 148-150; Сальников К.В., 1967. С. 67) или итог общей древнеямной основы сложения (Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. С. 29-31). Характерно, что мало чем отличающиеся материалы Среднего Дона и Нижней Волги стали относить к разным культурам - абашевской и срубной. Н.К. Качалова показала синкретичность этих памятников и вычленила срубные комплексы с абашевской керамикой из собственно срубных (Качалова Н.К., 1976 А. С. 5-17). Вывод, что срубно-абашевские памятники являются результатом смешения сформировавшейся абашевской и сформировавшейся срубной культур, подразумевал наличие пласта наиболее древних срубных материалов, существовавших в допокровское время. Логика рассуждений по этой схеме требовала выделения таких захоронений, и работа была проделана. Рассмотрев планиграфию и отдельные случаи стратиграфии погребений срубной культуры из Бережновских курганов, Н.К. Качалова сделала вывод о предшествовании срубно-абашевским комплексам раннесрубных захоронений, выделенных ею в бережновский горизонт срубной культуры (Качалова Н.К., 1976 Б. С. 58-60; Качалова Н.К., 1978 А. С. 69-77; Качалова Н.К., 1978 Б. С. 18-20).

Случаи прямой стратиграфии между срубными и срубно-абашевскими захоронениями крайне редки, а своеобразие «бережновской» группы срубных погребений, являвшихся преимущественно основными в курганах, вероятно, отражало не хронологическую, а социальную позицию этой группы захоронений. Н.М. Малов, исследовавший срубно-абашевские материалы Нижнего Поволжья, выделил их в покровскую культуру (Малов Н.М., 1991. С. 50-53) или в покровский культурный тип (Малов Н.М., 1992. С. 8-13; Малов Н.М., 1993. С. 83-85). В дальнейшем термин «покровская культура» был им более подробно раскрыт при анализе поселенческих материалов (Малов Н.М., 2007. С. 34-92). Рассматривая проблематику покровских памятников, автор отметил, что Н.К. Качалова фиксировала в степном Заволжье абашевские и другие инокультурные элементы на трёх последовательных этапах развития срубной культуры (Качалова Н.К.; 1985. С. 58, рис. 5), то есть схема периодизации покровских

памятников представлялась ей трёхчленной. В дальнейшем среди нижеволжских покровских памятников Н.М. Маловым были выделены ранние – с «протоабашевской», «раннеабашевской», «петровско-синташтинской» посудой и металлом, близким турбинскому.¹

Схема Н.К. Качаловой основывалась на соотношении основных и впускных погребений, так как комплексы с единичными случаями прямой стратиграфии не содержали выразительной керамики, позволяющей дать им точную культурную атрибуцию. Н. М. Малов, касаясь вопросов стратиграфии, отметил, что «...достаточно давно, в основном, по неопубликованным архивным отчетам, стали накапливаться стратиграфические наблюдения, указывающие на то, что некоторые погребения покровского культурного типа, являющиеся основными, перекрываются срубными, или срубные являются впускными по отношению к ним. Случаи обратной стратиграфии пока не известны» (Малов Н.М., 2007. С. 40). Вместе с тем, были и свидетельства их стратиграфической и хронологической одновременности. Эти утверждения позволили Н.М. Малову сделать вывод, что покровская культура должна предшествовать срубной, а затем какое-то время поздние памятники покровской культуры сосуществуют с раннесрубными (Малов Н.М., 1992; 1994). Эти данные учитывались автором «при определении места покровского культурного типа и покровской культуры, а также при разработке концептуальных основ выделения культурных типов памятников срубной культурно-исторической области Нижнего Поволжья» (Малов Н.М., 2007. С. 40).

На юге степного Поволжья случаи прямой стратиграфии отмечены волгоградскими археологами. По наблюдениям И.В. Сергацкова, проанализировавшего такие комплексы, «...в Волго-Донском междуречье севернее широты Волгограда в стратифицированных курганах пока отмечено, что покровские памятники предшествуют бережновским и ни разу не зафиксиро-

¹ К ранним комплексам Н.М. Малов отнёс погребения из Медяниково, к. 6; Переметная, к. 1; Максютово, к. 3; Покровск, ЮВ гр., к. 15; к. 35; Терновка, к. 4 и др., к поздним - Чардым, к. 1; Покровск, ЮВ гр., к. 40; Бережновка-1, к. 25; Аткарск (Малов Н.М., 2007. С. 40).

вано обратное» (Сергацков И.В., 1994. С. 75-76). Е.П. Мыськов, рассмотрев такие погребения, отнёс стратиграфически более ранние заволжские комплексы с северной ориентировкой к «бережновской группе», т.е. к раннесрубным, а не покровским погребениям. Он же заметил, что в Волго-Донском междуречье очень древние покровские комплексы иногда перекрываются срубными (Мыськов Е.П., 1994. С. 150-161). Н.М. Малов не согласен с Е.П. Мыськовым, определившим ранние комплексы в качестве бережновских, то есть раннесрубных, и считает их памятниками покровского типа (Малов Н.М., 2007. С. 40). Показательно, что идентификация памятников в качестве раннесрубных или покровских во многом зависит от мнения того или иного автора о признаках покровских комплексов. Соответственно и выводы о хронологическом приоритете зависят от того, к какой культурной группе памятников относит их тот или иной автор. В связи с этим начало поздней бронзы может характеризоваться как раннесрубными, так и раннепокровскими памятниками.

Большинство престижных комплексов поздней бронзы степного Поволжья с богатым инвентарём и инсигниями власти содержит керамику с признаками абашевской культуры, иногда катакомбной или синташтинской. Есть памятники, почти не имеющие абашевских (покровских) признаков, но надёжно датированные началом сейминского горизонта по инвентарю (Золотая Гора, Кочетное) или сохраняющие катакомбные черты в керамике или погребальном обряде (Мурманский курган, Терновка, к. 4, Смеловский грунтовый могильник и др.). Нередко подобные комплексы с ранними признаками и слабо выраженными абашевскими элементами определяются авторами как памятники покровского типа или культуры. Особенно показателен в этом отношении раннесрубный курганный могильник Золотая Гора. На основании того, что в курганах 2 и 4 этого памятника присутствовали псалии ранних типов, «...которые не встречаются в срубной культуре», В.В. Цимиданов считает, что их «...неправомерно рассматривать как раннесрубные» и следует считать предсрубными (раннепокровскими) (Цимиданов В.В., 2009. С. 53).

В настоящее время определение ранних материалов эпохи поздней

бронзы как памятников покровского типа или культуры распространяется разными авторами от Южного Приуралья до Поднепровья и от Среднего Поволжья до низовий Волги и Дона (Малов Н.М., 1992; 1993; 1995; Горбунов В.С., 1986; Литвиненко Р.А., 1995. С. 80-83; Кузьмина О.В., 1983; Шарафутдинова Э.С., 1995. С. 83-87).

После выделения к востоку от Урала памятников синташтинской культуры соотношение между культурными и хронологическими образованиями Евразийской степи - лесостепи получило новые интерпретации. Традиционно в соответствии с концепцией Е.Н. Черных поздняя бронза открывалась сейминским хронологическим горизонтом (Черных Е.Н., 1978. С. 54-58). В Нижнем Поволжье ему соответствовали памятники бережновского или покровского типов, на Урале - новокумакского, петровского, на Украине - маевского типов. После выделения петровской культуры Южного Урала и родственных памятников синташтинского и потаповского типов (Зданович Г.Б., 1983; 1988; Геннинг В.Ф., 1975; 1977; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. С. 74-90), предшествовавших, по мнению авторов, алакульской и срубной культурам, покровские материалы, сходные по всему набору инвентаря и по погребальному обряду, но включаемые в состав срубных древностей, заняли в этой схеме более раннее положение. В то же время средневожская Потаповка, уральская Синташта, донецкая культура многоваликовой керамики (КМК) и среднедонские абашевцы раннего этапа оказались синхронными с катакомбниками и полтавкинцами эпохи средней бронзы. Н.М. Малов для решения этой проблемы выделил, по аналогии с петровской, покровскую культуру (Малов Н.М., 1991. С. 50-53). Территория покровской культуры, по меткому замечанию В.И. Беседина, «полностью совпала с очерченной А.Д. Пряхиным доно-вожской абашевской культурой, в результате чего *de facto* была произведена подмена термина без должного обоснования» (Беседин В.И., 1996. С. 43-46).

Как уже отмечалось, в свое время Н.К. Качалова выделила бережновский горизонт срубных погребений на основании предпосылки, что основные по-

гребения в курганах, обладающие специфическим набором признаков, должны отражать более ранний хронологический ряд по сравнению с впускными захоронениями этой же культуры. Схема оказалась удобной и была воспринята многими исследователями (Мыськов Е.П., 1992. С. 78-80; Лопатин В.А., 1989. С. 137-139; Шарафутдинова Э.С., 1995. С. 83-86; Отрощенко В.В., 1992. С. 81-83 и др.). Соответственно, и на других территориях срубные погребения, относимые авторами к наиболее ранним, стали синхронизироваться с «бережновскими»; понятия «бережновские» и «раннесрубные» стали синонимами (Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983). В данном случае, произошло совмещение понятий «обрядовая группа» с «хронологическим горизонтом».

Впоследствии широкое распространение получил термин «покровская культура», или «памятники покровского типа», в отношении комплексов начала поздней бронзы или рубежа среднего и позднего бронзового веков, имеющих как абашевские, так и раннесрубные признаки. В результате ареал памятников значительно расширился (Шарафутдинова Э.С., 1993. С. 87-89; Кузьмина О.В., 1995. С. 27-51; Литвиненко Р.А., 1992. С. 86-87; Литвиненко Р.А., 1995 А; 1995 Б и др.; см. также дискуссии конференции «Конвергенция и дивергенция...», 1995). При этом к покровским стали причисляться не только материалы с выраженными абашевскими чертами как одной из линий культурного развития начала поздней бронзы, но и другие срубные комплексы с разных территорий, по тем или иным признакам синхронизируемые с собственно покровскими. Термин стал наполняться не только за счет памятников доволжской абашевской, но и за счет других культурно или хронологически близких компонентов. Мною уже отмечалось, что такой процесс может привести к замене термина «раннесрубные памятники» на «покровские», что вносит новую терминологическую путаницу (см. дискуссию конференции «Конвергенция и дивергенция...», 1995. С. 77-78). Одни и те же памятники будут ассоциироваться с различными археологическими периодами и культурно-хронологическими признаками в зависимости от применяемых к ним понятий.

При этом важным в выдвинутой концепции является синхронизация синташтинско-петровско-потаповских памятников с абашевскими, маевскими, культуры многоваликовой керамики др. Покровские комплексы оказались предшественниками срубных по аналогии с предалакульскими синташтинскими.

От определения круга предсрубных и раннесрубных материалов и синхронизации различных групп памятников зависят позиции авторов по вопросам генезиса культур конца эпохи средней и начала поздней бронзы. В.И. Мельником и Г.Г. Пятым был подвергнут сомнению тезис о прямом происхождении срубной культуры от полтавкинской. В.И. Мельник выдвинул положение о более сложном характере связей между полтавкинской и срубной культурами (Мельник В.И., 1978. С. 56-57). Полтавкинскую культуру он определил как «культуру дериват» (ответвление от ямной) и аргументировал, что в сложении срубной культуры принимала участие катакомбная культура и др. (Мельник В.И., 1982). Наиболее подробно эти вопросы рассмотрел Г.Г. Пяты, указавший, что полтавкинская культура, имевшая столь локальное распространение, не могла послужить основой для формирования культуры, распространившейся на огромной территории. Анализ инвентаря и погребальных обрядов доказывает, что срубная культура возникла на широкой основе культур бронзового века, включая катакомбную, КМК и другие, причем не только в Нижнем Поволжье, а на более широкой территории (Пяты Г.Г., 1983. С. 81-95; Пяты Г.Г., 1989. С. 136-137). С.Н. Корневский указал на преемственность форм металлического инвентаря катакомбной и срубной культур (Корневский С.Н., 1983. С. 96-109). Н.Я. Мерперт, Н.К. Качалова и И.Б. Васильев также пришли к выводу о широком ареале формирования срубной культуры на основе различных культурных субстратов, но в наиболее чистом виде, без усложняющего воздействия культур иного круга. Этот процесс происходил, по их мнению, в Волго-Уральском междуречье (Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985. С. 24).

Но вопрос о непосредственной подоснове срубной культуры степного Поволжья остается дискуссионным. Ранние абашевцы и памятники КМК здесь не

обнаружены. Единичны и синташтинско-петровско-потаповские находки, считающиеся подосновой сложения алакульской культуры Урала и срубной культуры лесостепного Поволжья. Полтавкинские и катакомбные материалы резко отличаются от собственно срубных и, по мнению В.В. Отрощенко, между ними и ранними срубниками должен быть не выявленный пока пласт памятников, близких и синхронных Синташте и Потаповскому могильнику (Отрощенко В.В., 1990. С. 108; 1996. С. 33-36; 1997. С. 70-73; 1998. С. 53-54; 2001. С. 43-45).

Н.К. Качалова, учитывая новые материалы и последние разработки, пришла к выводу о синхронности поздних полтавкинцев с ранними покровцами и потаповцами, тем самым отнеся их к финалу средней бронзы и вписав в круг предсрубных компонентов, являвшихся основой сложения срубной культуры. По ее мнению, «на заключительной фазе существования полтавкинской общности и на ее базе в Поволжье окончательно оформляется сложный культурный субстрат, органически слитный, структурно многоплановый. Он образовывался постепенно в результате постоянного проникновения в полтавкинскую среду разных групп катакомбного населения, вольско-лбищенских племен, контактов с восточным культурным миром» (Качалова Н.К., 1993. С. 76-77). Эта точка зрения отразила выводы авторов исследования Потаповского могильника, отметивших там наличие синхронных погребений синташтинского и полтавкинского типов. В.В. Отрощенко, проанализировав эти комплексы, пришел к выводу, что полтавкинские и синташтинские группы погребений в Потаповском могильнике не только разнокультурны, но и разновременны, что делает проблематичным синхронизацию «потаповцев» с полтавкинцами (Отрощенко В.В., 1996. С. 33-36; Отрощенко В.В., 1998).

Итак, мы видим, что абашевские, потаповские и раннепокровские материалы отнесены рядом авторов к предсрубному времени и считаются подосновой сложения срубной культуры Поволжья. Однако открытия последних лет позволили надежно синхронизировать раннесрубные памятники Нижнего Поволжья с петровскими, синташтинско-потаповскими и покровскими погребе-

ниями. Инвентарь, включающий псалии различных типов из кургана Золотая Гора и другие комплексы с ранними признаками, но без выраженных покровских (абашевских) черт, позволили группе саратовских исследователей выдвинуть свою концепцию происхождения срубной культуры. Учитывая значительно возросшие за последнее время материалы катакомбной культуры в степном Поволжье, они пришли к выводу о преимущественно катакомбной подоснове сложения срубной культуры (Юдин А.И., 1996. С. 46-48; Юдин А.И., 1997. С. 37-43; Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. С. 119-140). Проблемы культурной интерпретации и синхронизации памятников традиционно связаны с вопросами периодизации бронзового века. Классическая схема В.А. Городцова, в соответствии с которой бронзовый век делился на последовательно сменяющиеся культуры – ямную, катакомбную и срубную, является основой до настоящего времени. Впоследствии велась детализация и уточнение схемы для разных регионов, эпох и культур. О.А. Кривцова-Гракова делила поздний бронзовый век Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья на два этапа: ранний - покровский, в который попали срубники, памятники покровского типа и частично полтавкинцы (последние по технической ошибке, так как к покровскому погребению был отнесён полтавкинский горшок из другого комплекса), и поздний - сабастиновский, содержащий керамику, орнаментированную широким горизонтальным наlepным валиком (Кривцова-Гракова О.А., 1955).

Н.Я. Мерперт, исследуя памятники ранней и средней бронзы Волго-Уральского междуречья, выделил три этапа ямной культуры, соответствующие трем обрядовым группам (Мерперт Н.Я., 1974). Их последовательность была определена по данным курганной стратиграфии, но в дальнейшем выяснилось, что в данном случае обрядовые группы отражают не только хронологические позиции памятников, но и другие явления, включая социальную дифференциацию оставившего их населения. Первый этап оказалось возможным рассматривать в рамках хвалынской энеолитической культуры, между первым и вторым этапом наметился хронологический разрыв почти в несколь-

ко столетий (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992), а отдельные погребения третьего этапа разными авторами были отнесены к ямно-катакомбным, ямно-полтавкинским, к полтавкинской и катакомбной культурам, о чем рассказывалось выше.

Н.К. Качалова большую часть погребений третьего горизонта схемы Н.Я. Мерперта выделила сначала в 2 этапа, а затем в 3 этапа полтавкинской культуры (Качалова Н.К., 1965; 1967; 1968; 1993). Сюда попали позднеямные, ямно-катакомбные, полтавкинско-катакомбные и катакомбные комплексы. Поздний этап, по этой схеме, синхронизируется с раннепокровскими, абашевскими и новокумакско-синташтинскими погребениями. М.А. Турецкий, рассматривающий полтавкинцев в рамках позднего этапа ямной культуры, для всей ранней и средней бронзы обозначил три группы погребений, являющиеся одновременно и хронологическими – позднеямную, ямно-катакомбную и «полтавкинскую катакомбную», «...входящую в более широкий круг катакомбных культур» (Турецкий М.А., 1992. С. 71-73). Такой подход наиболее точно отразил реальные различия в погребальных обрядах и в инвентаре, особенно в керамике погребальных памятников средней бронзы Заволжья.

Н.М. Малов и В.В. Филипченко разделили катакомбные памятники Правобережья Волги на 3 этапа (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995. С. 52-61). Поздний этап представлен преимущественно погребениями грунтовых Белогорских I и II могильников.

Срубная культура разделена на 3 и даже на 4 этапа. Н.К. Качалова обозначила 4 этапа, три из которых собственно срубные, а последний, четвертый – нурский – хотя и отнесен к срубной культуре, но требует подтверждения дополнительными материалами (Качалова Н.К., 1985. С. 28-59).

О.В. Кочерженко, В.Н. Слонов и Н.М. Малов провели анализ сочетания типов керамики с определенными особенностями погребальных обрядов и пришли к выводу, что некоторые группы керамики тесно связаны с половозрастной характеристикой погребенных, а некоторые указывают на хронологические различия. Эти наблюдения позволили им выделить в развитии сруб-

ной культуры степного правобережья Нижнего Поволжья два этапа, первый из которых синхронизируется с покровским (Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н., 1993. С. 102-106; Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991). Эти наблюдения имеют несомненный интерес, так как они учитывают не только различия в керамике и погребальном обряде, но и данные курганной стратиграфии. Однако и в этом случае нет уверенности, что к хронологическим различиям между основными и впускными погребениями не примешиваются социальные.

В.А. Лопатин разделил материалы поселений срубной культуры на три периода (Лопатин В.А., 1995. С. 7-12). В рамках первого - раннесрубного периода он выделил начальную фазу становления, а в рамках третьего периода три этапа. Ярко выраженных различий между срубной керамикой первого и второго этапов не наблюдается. Среди находок обоих периодов встречается покровская керамика, но в целом для первой фазы абашевское влияние не характерно, что позволяет её сопоставлять с первым - бережновским этапом Н.К. Качаловой. Находки характеризуются «зачаточным керамическим комплексом – преобладанием закрытых банок (52 %), простотой орнаментации и реликтами в виде «елочки» и перевитого шнура в декоре» (Лопатин В.А., 1995. С. 7-12). Однако и в поселении развитого периода Чапаевка 3 «резко возрастает процент закрытых банок (62,1 %)», а в третьем периоде заметно упрощается орнамент (здесь, как и в первом периоде, доминируют горизонтальные ряды и линии). Количество банок закрытых и открытых совпадает с первым этапом (50,8 %). Третий период ознаменован появлением керамики с налепными валиками, но есть и «...чисто срубные, архаичные комплексы», в одни и те же периоды попадают памятники с сильно различающимся набором керамики, например, со срубно-абашевской и чисто срубной, с валиками и без валиков, что может быть обусловлено неравномерностью развития срубного керамического комплекса (Лопатин В.А., 1995. С. 7-12).

Н.М. Малов предложил менее сложную периодизацию эпохи поздней бронзы, которую можно назвать культурно-хронологической. Он выделил в

Нижнем Поволжье три культуры или культурных типа (термины употребляются им как синонимы): покровскую, срубную и срубно-хвалынскую (хвалынскую культуру валиковой керамики, по терминологии автора). Покровская делится на 2 этапа, первый из которых предшествует срубной, а второй синхронен ей (Малов Н.М., 2001. С. 199-202; 1994. С. 8-13). Отсутствие границы между этими этапами и расплывчатость критериев приводит к противоречивым выводам. Сам автор отнес покровскую культуру к поздней бронзе и синхронизировал с Потаповкой, Синташтой, Абашевом и культурой многоваликовой керамики. Тем самым он поставил под сомнение принадлежность потаповско-синташтинского круга памятников к концу средней бронзы, а также их переходный характер от средней бронзы к поздней. В то же время, по его мнению, «... покровские памятники знаменуют собой период формирования первоначального «ядра» срубной культурно-исторической области»¹ (Малов Н.М., 1994. С. 8-13). Таким образом, простым делением материала на этапы, в основу которых заложен принцип отсутствия срубных черт (ранний этап) или их наличия (поздний), была решена проблема происхождения срубной культуры от покровцев. Следует отметить, что одновременно в кандидатской диссертации этим же автором выстроена принципиально иная схема. «Покровские и срубные памятники по курганной и поселенческой стратиграфии не разделяются. Хотя могут быть по отношению друг к другу как впускными, так и основными... Срубная культура Поволжья проходит в своем развитии три последовательных этапа: ранний, развитой и поздний. При этом покровские и раннесрубные памятники в общих чертах одновременны» (Малов Н.М., 1992. С. 14).

¹ Неясно, как можно формировать «ядро» области, то есть территории? Что нового, кроме дополнительной терминологической путаницы, даёт подмена устоявшегося понятия «срубная культурно-историческая общность» на термин «срубная культурно-историческая область»? Может ли срубная культурно-историческая общность располагаться вне срубной культурно-исторической области? И наоборот, может ли быть территория, занимаемая общностью, меньше её «культурно-исторической области»? Это словосочетание стало модным последние годы, но, по сути, используется как синоним общности и обозначается такой же аббревиатурой – КИО, с претензией на новое научное осмысление исследуемых проблем.

Н.К. Качалова сделала несколько иной вывод: поздние покровцы синхронны петровской культуре, а ранние - Синташте и Потаповке, следовательно, по её схеме, полтавкинской культуре. В итоге памятники одной – покровской культуры, разделённой на этапы, хронологические различия между которыми не только не очевидны, но и неопределимы, оказываются разнесёнными на два периода бронзового века. Вместе с покровцами и потаповцами полтавкинцы участвуют в формировании срубной культуры, которая появляется на их основе чуть позже - на втором этапе (Качалова Н.К., 1993). Таким образом, в системе аргументации концепций с помощью выделения и синхронизации культур, культурных общностей (областей), периодов, этапов, фаз, горизонтов и т.д., соотнесения их между собой и с периодами бронзового века наметился замкнутый круг.

В исследованиях археологов дальнего зарубежья к материалам бронзового века Поволжья также проявляется интерес. Как правило, они используются для построения широких культурологических концепций (Hausler A., 1974; Jones-Bley K., 1999).

Из приведенного историографического обзора видно, что существующие разработки дают различные трактовки имеющихся материалов, но не имеют единства ни в вопросах генезиса культур, ни по проблемам периодизации и культурной идентификации памятников, ни даже по времени проведения границы между средней и поздней бронзой.

ГЛАВА II. ПАМЯТНИКИ КОНЦА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

§ II. 1. Погребальные комплексы позднего этапа средней бронзы

Наибольшее количество материалов эпохи средней бронзы получено при раскопках курганов. Грунтовые могильники единичны и не отличаются богатством и разнообразием инвентаря, но они очень показательны для статистического анализа погребального обряда и содержащейся в них керамики в определённом хронологическом срезе.

Грунтовые могильники эпохи средней бронзы в степном Поволжье были открыты лишь в конце XX века. В 1987 году В.А. Лопатин зачистил полтавкинское погребение у с. Светлое Озеро в Озинском районе Саратовской области.

В 1987-1989 годах И.И. Дремовым исследовались грунтовые могильники катакомбной культуры Белогорское- I и Белогорское- II на правом берегу Волги близ границы Саратовской и Волгоградской областей (Дремов И.И., 1987; 1988; Баринов Д.Г., Дремов И.И., 1990. С. 60; 1996.) Из 43-х погребений, раскопанных здесь, 40 относились к катакомбной культуре, 2 – к срубной и одно, на периферии памятника, - к средневековью.

В 1987 году у с. Шумейка Энгельсского района Саратовской области Д.Г. Бариновым исследовался грунтовой могильник позднеямного или ямно-катакомбного времени, где встречались погребения как на спине, так и на боку, а круглодонная керамика сочеталась с плоскодонной. Здесь было раскопано 8 погребений, но, судя по выкидам в бровках, могильник продолжается в разные стороны от раскопанных квадратов (Баринов Д.Г., 1996; Сергеева О.В., 2005).

В 1995 году на р. Малый Иргиз в Духовницком районе на полуострове Калач в стороне от грунтового могильника срубной культуры выявлен могильник эпохи средней бронзы – ямно-катакомбного типа. Здесь было раскопано 3 погребения с выразительной полтавкинской или позднеямной керамикой (Тихонов В.В., 1996. С. 37-52). Ещё 2 погребения эпохи средней бронзы

найдено в 2007 году на Сабуровском грунтовом могильнике севернее Саратова (Малышев А.Б., 2008. С. 16-37).

Таким образом, к настоящему времени в Саратовском Поволжье исследованы на 5 памятниках 54 бескурганных захоронения ямного, ямно-катакомбного и катакомбного типов как на правом, так и на левом берегу Волги. Наиболее массовый материал был получен в Белогорском I и II, представляющим в силу этого наибольший интерес. Белогорским могильникам в настоящей работе отведено много места и даётся подробное описание в силу того, что, как будет показано далее, эти могильники по всему комплексу признаков относятся к концу катакомбной культуры и являются одним из наиболее поздних памятников средней бронзы. Материалы из Белогорского I и II могут служить индикаторами позднекатакомбного времени и рубежа средней и поздней бронзы степного Поволжья.

Грунтовый могильник «Белогорское- I» (рис. 2-6) (Дрёмов И.И., 1996. С.98-109).

Памятник расположен на берегу Волги в 4 км к северу от с. Белогорское и в 7 км к юго-востоку от с. Нижняя Банновка Красноармейского района Саратовской области близ урочища Старый Лапоть. В 8 км к югу от могильника находится известный многослойный памятник, содержащий материалы средней бронзы – Утес Степана Разина, исследовавшийся И.В. Синециным и В.А. Фисенко (Синецын И.В., Фисенко В.А., 1970).

Могильник располагается на участке понижения высокого правого берега Волги на высоте около 20 м над урезом воды. Памятник ограничен с востока берегом Волги, с севера – оврагом. Поверхность ровная, но имеет значительное повышение к югу и западу. Никаких признаков курганных насыпей не заметно. Р.А. Мимоход в одной из своих последних публикаций выразил сомнение в бескурганности белогорских могильников и предположил, что «белогорские «грунтовые могильники» на самом деле являются подкурганными захоронениями с не сохранившимися или не прослеженными насыпями. Об этом свидетельствует нахождение на ограниченных площадках разнокультурных

захоронений, в том числе с прямой стратиграфией, и компактное расположение погребений, как это обычно бывает на подкурганных площадках» (Мимоход Р.А., 2009. С. 32, сноска 12).

Этот вопрос имеет принципиальное значение, так как в курганном могильнике с большей вероятностью погребения могут быть разновременными и не связанными между собой. Бескурганность Белогорских I и II могильников не вызывает сомнений и подтверждается целым рядом признаков:

- эта территория, зажатая между оврагами и прибрежными возвышенностями, никогда не распаивалась;

- на этой пересечённой местности вдоль всего побережья Волги нет ни одного кургана, но в 5 – 10 км от берега, где территория переходит в равнину, курганы встречаются часто;

- первый могильник расположен на значительно выраженном склоне, что характерно для кладбищ, но никак не для курганов;

- второй могильник находился на ровном участке поверхности, где насыпь не могла быть смыта, но никаких её признаков не было;

- на первом могильнике над несколькими погребениями, попадавшими под бровки, в стратиграфии чётко читались надмогильные холмики – обильные вкрапления белого мелового грунта из выкида в чёрном гумусе, перекрытые делювиальными отложениями;

- в этих условиях следы курганных насыпей не могли не сохраниться, но даже никакого намёка на них нет ни на поверхности, ни в стратиграфии бровок.

Что касается сходной с курганной планировки могильника и наличия ровиков, эти конструкции оформления могильного пространства встречаются не только в курганах, но и на других грунтовых некрополях бронзового века степного Поволжья (грунтовые могильники Смеловка и Калач). Наличие захоронений с прямой стратиграфией в данном случае тоже не является следствием разновременности погребений. Имеются случаи «обратной» стратиграфии. Так, на первом могильнике погр. 5 с юго-восточной ориентировкой костяка

нарушило входную камеру в подбой погр. 6, со скелетом, ориентированным на северо-восток. В свою очередь, погр. 6 врезалось в могильную яму погр. 4 с юго-восточной ориентировкой костяка. К погр. 4 примыкает более глубокое погр. 7 с северо-восточной ориентировкой и, вероятно, пререзает его (рис. 3).

На Белогорском- II могила погребения 12 частично наложилась на парное погребение 13. Все три костяка имели северную ориентировку с небольшим отклонением, но в нижнем погребении руки одного скелета лежали перед лицом, то есть в позе, характерной для срубной культуры, а верхний скелет покоился в позе «скачущего всадника». В п. 12 (стратиграфически более позднем) сосуд имел округлое дно, а в п. 13 (раннем) стоял острорёберный горшок, орнаментированный защипами и «ёлочкой». Анализ стратиграфических наблюдений будет дан ниже, но следует отметить, что и другие случаи прямой стратиграфии Белогорских I и II могильников не дают никаких оснований для их определения в качестве курганных памятников и одновременных комплексов.

Нельзя согласиться также с трактовкой Белогорских I и II могильников как разнокультурных. Все погребения относятся к катакомбной культуре позднего периода, кроме одного средневекового захоронения в Белогорском-II (п. 9), расположенного на периферии памятника в стороне от захоронений бронзового века, и одного раннесрубного погребения (Белогорское- II, п. 2), являвшегося, вероятно, подхоронением в катакомбное погребение 3. Ещё один комплекс могильника Белогорское- II, п. 1 трудно определим в культурном отношении. Устанавливается лишь ориентировка черепом на восток и положение одной руки, направленной к лицу (рис. 8). Сложно определить культурную принадлежность сосуда из этого погребения, так как он сочетает в себе признаки керамики поздней и средней бронзы. Его острорёберная форма типична для срубной культуры, а орнамент из двух парных линий и двух рядов коротких шнуровых вдавлений, образующих зигзаги, в некоторой степени сопоставим с вольско-лбищенской орнаментацией и орнаментом сосуда из Белогорского- I, п. 28. Эти сосуды являются выразительным примером керамики пе-

реходного типа от средней бронзы к поздней. Один сосуд с ушками и кувшин с ручкой свидетельствуют о северокавказских или, скорее, манычских контактах носителей волго-донской катакомбной культуры с южной группой катакомбного населения. На нескольких сосудах улавливаются отдельные черты вольского, абашевского или катакомбного среднедонского влияния. При этом «инокультурная» посуда белогорских могильников очень своеобразна (керамика Белогорского- I, п.п. 2, 9, 12, 15, 28, Белогорского- II, п.п. 1, 13). Для выделения её в самостоятельный тип слишком мало материалов, и не настолько она однотипна, а для идентификации с известными культурами слишком самобытна. В этом и заключается специфика белогорской керамики, что, наряду с типичной позднекатакомбной посудой, имеются экземпляры, сочетающие отдельные черты абашевской, вольской и срубной культур.

На могильнике Белогорское- I на площади около 550 кв. м было выявлено 30 захоронений. Могильные ямы четко фиксировались на глубине около 1 м на материке, состоящем из меловой опоки, которая плавно переходила в сплошную скально-меловую породу. Наиболее глубокие ямы были выдолблены в камне. Материк перекрывался слоем серой супеси, содержащим меловую опоку, и слоем мельчайшей хорошо гумусированной темной супеси. Над некоторыми погребениями прекрасно читались могильные бугорки. Над погребениями 14, 20, 28 зафиксированы расплывшиеся холмики из мелового щебня диаметром 4, 5, 7 м. Над погребениями 9, 10 в бровке на глубине 30 см под слоем гумуса замечена темная прослойка – остатки надмогильной конструкции.

Планировка могильника аналогична планировке курганных захоронений. Четко прослеживаются два основных скопления могил, в центре каждого из которых находится большая глубокая прямоугольная могильная яма со следами перекрытия, а вокруг захоронения в мелких овальных могилах, иногда с подбоями (рис. 2). Некоторые погребения были совершены на небольшой глубине, и могильные ямы не прослеживались. В первом – восточном – скоплении выявлено 11 погребений и 1 кенотаф. С южной стороны фиксировались

остатки ровика и погребения в нем. К северо-востоку могилы расположены так плотно, что накладываются друг на друга. Погребения 7 и 6 прорезают погребение 4, а погребение 5 наложилось на входную яму погребения 6.

Во втором – западном - скоплении сохранилось 14 погребений и 1 кенотаф. С юга эта группа погребений была окружена ровиком в виде полукольца. В северо-восточной части в ровике встречен кенотаф – расширение и углубление в форме могилы, на краю которого лежала жаровня из стенки сосуда. Оканчивался ровик погребением. Над северо-западным участком ровика зафиксировано скопление материкового щебня, а в заполнении ровика – затек. Складывается впечатление, что после того, как ровик заплыл, он был окончательно засыпан и над ним были сложены камни. Наиболее плотно захоронения расположены к востоку от центральной могилы, причем погребения 24 и 25 перекрыли погребение 26, костяк в котором не сохранился.

Характерно, что в восточной группе могил со скелетом в центральном погребении, ориентированным на северо-восток, остальные погребения концентрируются наиболее плотно к северо-востоку от центральной могилы, а в западной группе, где костяк в центральном погребении ориентирован головой на восток, окружающие захоронения концентрируются к востоку от центральной могилы.

Одно погребение и один кенотаф (погребения 24, 28) расположены посередине между этими группами могил, а ещё одно захоронение (п. 3) – далеко к северу от всех остальных погребений. Вероятно, здесь была окраина еще одной группы захоронений, разрушенных оврагом.

Погребальный обряд чрезвычайно многообразен, как по конструкции могил (ямы, ямы со ступеньками, подбои), ориентировкам, так и по позе погребенных. Погребения совершались в могилах различной формы, конструкции и глубины. Наиболее мелкие из них находились в гумусе на глубине 40 – 50 см. Самые глубокие достигали 180 см (п. 14) и 155 см (п. 23). Подавляющее большинство могил имело глубину в материке от 40 до 80 см.

Наиболее распространенная форма ям – овальная и подпрямоугольная.

Три захоронения (п. 1, п. 6 и п. 20) и два кенотафа (п. 8, п. 28) были с подбоями; могилы имели различные варианты ступенек: по всему периметру могильной ямы (п. 14); с одной – восточной – стороны; вдоль длинных сторон, а также вдоль длинных сторон с дополнительной ступенькой с одной стороны (п. 16). Входные ямы в могилах с подбоями заканчивались ступеньками. Конструкция кенотафа погребения 28 настолько оригинальна, что заслуживает подробного описания. Могила имела почти круглую форму 85 x 100 см. На глубине 35 см от уровня материка в южной части было зачищено дно ступеньки шириною 55 см. В северной части могила уходила вглубь, приобретала овальную форму и уходила подбоем под первую ступеньку, оставляя вторую ступеньку по периметру на глубине 60 см от материка шириною от 8 до 20 см (рис. 6). Дно зачищено на глубине 80 см в материке. Здесь встречены угольки, сосуд, но костей не обнаружено. Аналогии этой конструкции мне неизвестны.

Поза погребенных разнообразна, но в пределах обрядовых традиций катакомбной культуры. В 22-х определенных случаях скелеты лежали на левом боку, в 3-х случаях на левом боку с завалом на спину (п. 2, п. 9, п. 17), один скелет покоился на правом боку (п. 21). Руки протянуты к коленям или к тазовым костям у 15 погребенных, а у 3-х согнуты в локтях и положены кистями перед лицом.

Ориентировка погребенных не устойчива: головой на север или с незначительными отклонениями - 6, на северо-восток - 10, на восток или с незначительными отклонениями - 4, на юго-восток - 3, на юг – 1, на северо-запад - 2. Юго-западные и западные ориентировки отсутствовали. Заметно предпочтение восточного сектора круга западному и северо-восточного направления - всем остальным.

Уголь встречен в 8 погребениях (п. 9, п. 10, п. 11, п. 14, п. 15, п. 20, п. 22, п. 28). Как правило, в заполнениях могил и на дне встречались лишь отдельные угольки, но в погребениях 14 и 15 собрано по полулитровой банке угля.

Охра прослежена лишь в 3-х захоронениях. В погребении 9 комочек 0,5 см диаметром лежал на локте правой руки. В погребении 1 замечено 2 пят-

нышка под костями скелета, в погребении 15 - пятнышко под черепом.

Подстилки выявлены в погребении 2 - следы древесной коры на дне могилы и в погребении 15 - тлен камыша или травы.

Перекрытия сохранились лишь в погребении 14 - в виде древесного тлена на ступеньках, в погребении 15 – как мелкие кусочки дерева в заполнении и в погребении 23 – в виде остатков бревен от поперечного перекрытия.

В нескольких захоронениях черепа имеют незначительное уплощение лобной кости, являющееся, вероятно, прижизненной деформацией (погр. 1, 11, 17). Кости животных найдены в погребении 11 – нога барана, в погребении 12 – птичьи кости в горшке и в погребении 15 – кость ноги барана.

Могильник имеет два скопления могил. Восточная группа была, по всей вероятности, ограничена с юго-востока ровиком, в конце которого располагалось п. 13. Эта часть берега была размыва Волгой, поэтому сохранилось лишь окончание ровика. В центре этой группы погребений располагалась наиболее крупная могила с захоронениями 9, 10. Остальные могилы находились вокруг неё. Западная группа погребений также была ограничена ровиком, но с юго-запада. В центре этого погребального комплекса, как и в восточной группе, располагалась самая крупная могила 23. Для характеристики погребального обряда и планиграфии этого памятника принципиальное значение имеют центральные захоронения (п. 9, 10 и п. 23).

Погребения 9, 10 совершены в могиле 210 x 150 см глубиной 26 см в материке (130 см от современной поверхности). В заполнении встречались угольки, на дне лежали 2 скелета. В центре находился скелет взрослого человека на спине с поворотом влево. Череп лежал лицевой частью вниз на позвонках и ребрах в области живота. Нижняя челюсть находилась на 5 см выше локтя правой руки, сломана в древности. Ребра с левой стороны сломаны. Обе ключицы сдвинуты, правая рука отчленена. Шейные позвонки сдвинуты, но не разъединены. Фаланги пальцев правой руки разбросаны и лежат на 7 см выше дна могилы. Ноги были согнуты коленями влево. На локте правой руки лежал комочек охры диаметром 0,5 см. Между локтем левой руки и стенкой могилы

стоял сосуд. Возле северо-восточной стенки могилы на дне покоился скелет взрослого человека на левом боку головой на юго-восток. Правая рука согнута в локте и кистью направлена к коленям. Левая рука положена выше правой и направлена кистью к тазу, то есть руки скрещены. Колено правой ноги упирается в шейные позвонки центрального костяка.

Могила была вырыта для центрального скелета в погребении 9. Покойник был положен на левый бок, головой на северо-восток. Во время захоронения второго костяка, имевшего юго-восточную ориентировку (п. 10), в эту же могилу, первый попытались отодвинуть. При этом он завалился на спину, череп и правая рука отчленились. Тем не менее, скелет не развалился, следовательно, соединительные ткани еще не полностью истлели. В связи с этим, наиболее вероятный хронологический разрыв между погребениями 9 и 10 составляет не более года, и могила первоначально не была засыпана, являясь склепом. После дохоронения второго скелета яма была засыпана, и сооружен надмогильный холмик, который читался в бровке. Этот комплекс является ярким примером того, что даже прямая стратиграфия не гарантирует правильности выводов о культурно-хронологическом соотношении погребений по позам и ориентировкам костяков. Сама могила и помещённый в неё умерший (п. 9) имеют погребальные признаки ямной культуры (большая подпрямоугольная яма, северо-восточная ориентировка, положение с завалом на спину, руки вытянуты вдоль туловища). Впущенный скелет (п. 10) притиснут к северо-восточной (короткой) стенке так, чтобы полностью не сдвигать предыдущего погребённого. Дохороненный погребённый был положен по катакомбному обряду – положение скорченно на правом боку, юго-восточная ориентировка, руки протянуты к ногам. Если бы эти костяки находились в разных могилах в кургане, то по обрядовым признакам их следовало бы отнести и к разным культурам (п. 9 – к ямной, п. 10 – к катакомбной раннего или среднего периода), и к разным этапам бронзового века – к ранней и средней бронзе. Однако сосуд с высоким отогнутым венчиком и округлыми боками из этой могилы может быть сопоставлен с поздней среднедонской, абашевской (покровской), а по орнаменту - с

бахмутской керамикой (рис. 4) в могильнике Северского Донца, например, Александровск, к. 2, п. 6 (Санжаров С.Н., 1988. С. 142, рис. 2, 1).

В западной группе захоронений, ограниченной с юго-запада ровиком, центральным являлось погребение 23. Оно совершено в могиле, ориентированной по линии восток – запад, размерами 140 x 195 см, глубиной до 170 см в материке (2,5 м от современной поверхности). В заполнении встречались угли. Около северной стенки на глубине 50 - 100 см от уровня материка вертикально располагались кости ног, руки, тазовая кость человека. Непосредственно под ними находились крупные куски дерева от перекрытия. Возможно, погребение было ограблено или покойник был расположен на перекрытии, которое впоследствии обрушилось, и кости оказались переотложены. Ниже до самого дна встречались отдельные куски бревенчатого перекрытия, а около южной стенки – кости от другого скелета. В заполнении найдены 4 фрагмента керамики не менее чем от двух сосудов и отщеп из черного кварцита. Захоронение на дне оказалось сильно разрушенным деятельностью животных. На дне, на глубине 150 см от уровня материка, лежал череп и несколько позвонков взрослого человека. Судя по ним, покойник был положен головой на восток. Дно могилы неровное, череп покоился на небольшом возвышении. Западная стенка могилы имела небольшой подбой, возможно, это результат деятельности грызунов.

Керамика могильника представлена 12 целыми формами и фрагментами от 6 сосудов. Одна боковина горшка использовалась как жаровня. Примеси в глине - шамот. Один сосуд из сборов имеет ушки для подвешивания (рис. 3) и еще один, в форме кувшина, - небольшую ручку (рис. 3, п. 8). Пять сосудов имеют простую баночную форму низких, средних и высоких пропорций (рис. 3, п. 5, п. 6; рис. 5, п. 19; 6, п. 30; рис. 8, п. 4), и три сосуда баночной формы характеризуются плавно отогнутыми венчиками (рис. 3, п. 2; рис. 7, п. 3). Форма четырех горшков отличается характерным желобком с внутренней стороны венчика (рис. 4, п. 9, п. 15, п. 12; рис. 5, п. 28). Один фрагмент из культурного слоя имеет отгиб венчика и орнаментацию «жемчужинами», типичную для позднего этапа репинской культуры (рис. 3). Орнаментация на посуде

выполнена преимущественно оттисками веревочки или перевитого шнура (рис. 3, п. 2; рис. 4, п. 12, 15; рис. 6, п. 21, 28; рис. 8, п. 1). Встречаются также прочерченные линии (рис. 3, п. 5, 6; рис. 4, п. 9; рис. 5, п. 9), оттиски лопаточки (рис. 4, п. 9) и овальные вдавления (рис. 3, п. 6). Орнаментальные сюжеты – параллельные горизонтальные линии, свисающие треугольники, вертикальные и горизонтальные «елочки», а также их сочетания. Расположение орнамента разнообразное: в верхней части, в придонной или по всей поверхности. Как в орнаментации посуды, так и в ее формах прослеживаются различные культурные традиции.

Погребальный инвентарь памятника представлен костяными пронизками (рис. 5, п. 19), остатками деревянного сосуда с бронзовой обоймой по венчику (рис. 5, п. 20), отщепом и окаменелой раковинной – грифеей (рис. 5, 9).

Грунтовый могильник «Белогорское- II» (рис. 7-9). (Дремов И.И., 1996. С. 109-118).

Расположен в 250 м к северу от первого могильника на размываемом Волгой берегу. Поверхность памятника ровная с едва заметным уклоном к реке. Вскрыта площадь около 500 кв. м. Из 13 обнаруженных захоронений 10 относятся к катакомбной культуре, 2 – к срубной и 1 – к эпохе средневековья. Курганной насыпи не было. Все могилы были углублены в материк, залежавший под гумусированным слоем мощностью 20-40 см, и располагались одним скоплением. В отличие от первого могильника, центральное погребение здесь выделить сложнее, ровик отсутствовал. Значительная часть памятника разрушена Волгой, что затрудняет делать выводы о его планировке.

Из 10-ти захоронений средней бронзы 6 совершено в ямах и 4 - в подбоях. Ямы имели подпрямоугольную (ближе к подовальной) форму (погр. 5, 8, 10, 12, рис. 8, Б, Г, Д, Ж, Е, рис. 9, Б). Одна могила имела подовальную входную яму и подовальный в плане подбой (погр. 6), у одной могилы был подпрямоугольный вход и подпрямоугольный подбой (погр. 11). Входная яма заканчивалась ступенькой и была полностью заложена материковым щебнем, закрывающим вход в катакомбу. Еще две могилы имели почти круглую в плане

форму, причем половину круга составляла входная яма, а вторую половину круга - подбой (рис. 6, п. 28; 8, п. 4).

Череп некоторых погребенных имели отчетливые признаки прижизненной деформации (погр. 4 - оба скелета, п. 8, 12).

В заполнениях могил встречались отдельные угольки, в погр. 11 на дне - пятно охры, в погр. 13 - комок охры, в погребении 3 - череп и ноги барана, в погр. 12 - кость ноги барана.

В двух погребениях скелеты лежали на левом боку (погр. 6, 10), в двух – на левом боку с завалом на спину (погр. 7, 11), в двух – на правом боку (погр. 3, 12) и в двух – на правом боку с завалом на спину (погр. 5, 8). Два захоронения являлись парными. В погр. 4 оба скелета лежали на левом боку с завалом на спину лицом к выходу из подбоя, в погр. 13 - лицом друг к другу. Почти у всех погребенных руки протянуты к коленям или к тазовым костям. Но в погр. 10 и 13 кисти рук направлены к лицу, как в комплексах эпохи поздней бронзы. Скелеты ориентированы головой во все стороны, кроме запада.

На втором Белогорском могильнике инвентарь представлен керамикой. Найдено 5 целых сосудов и две жаровни из днища и из боковины горшка. Все они орнаментированы «ёлочным» узором, нанесенным зубчатым штампом. Два сосуда украшены, кроме того, пальцевыми защипами по венчику и один из них - по тулову. В глине всех сосудов примесь шамота.

Не меньший интерес представляют найденные на могильнике захоронения срубной культуры, относящиеся к ее раннему этапу. В одном из них (погр. 1, рис. 8, А, 1) стоял остросереберный сосуд с высоким плечиком, с примесью шамота в глине, орнаментированный рядами оттисков веревочки и овальными вдавлениями, образующими зигзаг. Погребение 2 врезалось во входную яму катакомбной могилы. Яма имела подпрямоугольную форму 220 x 150 см и была заглублена в материк на 15 см. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку с завалом на грудь. Руки направлены кистями к лицу, рядом стоял баночный сосуд с примесью раковины в глине (рис. 7), около него лежал бронзовый нож длиной 74 см с раскованным лезвием (рис. 7). В области чере-

па зачищено бронзовое украшение, состоящее из пяти медных дисков толщиной 0,5 мм и диаметром 34-36 мм. Все диски украшены рельефным орнаментом и имеют по 4 пары отверстий для нашивки. Между бляшками располагались ребристые трубочки из свернутой листовой меди или бронзы шириною 7-8 мм (рис. 7,1). Внутри трубочек сохранился желтоватый тлен от материала, на который они нашивались. Следы такого же тлена прослеживались на затылочной части черепа. Трубочки были нашиты по 3 вместе, но в нижней части украшения и на височных костях сохранился след от четвертой пронизки. Часть украшения разрушена грызунами, поэтому можно лишь предполагать, что бляшки располагались симметрично парами, расходясь от одного нижнего диска (рис. 7, 9). На височных костях под диском и около него найдены 4 пастовые бусины диаметром 3-4 мм. Под черепом лежала сильно раздавленная бронзовая подвеска в 1,5 оборота (рис. 7,3). Туловище погребенного лежало на заполнении катакомбного погребения 3 и просело в него на 10-15 см. В заполнении катакомбы найдено еще несколько фрагментов головного украшения.

Прямая стратиграфия на этих могильниках была встречена в нескольких случаях. На могильнике Белогорское- I погр. 6 и 7 с северо-восточной ориентировкой костяков нарушили п. 4 с юго-восточной ориентировкой. При этом погребение 6 с северо-восточной ориентировкой костяка было частично перекрыто погребением 5 с юго-восточной ориентировкой. Эта стратиграфическая ситуация интересна тем, что она указывает на отсутствие зависимости ориентировки погребённых с их хронологической позицией на этом памятнике. Соотношение погребения 4, имеющего юго-восточную ориентировку скелета, с погребениями 7 и 6, ориентированными на северо-восток, выглядит вполне закономерной, так как северо-восточная ориентировка распространена в погребальном обряде срубной культуры и в катакомбных комплексах считается поздним обрядовым признаком, а юго-восточная – ранним. В то же время погребение 5 с юго-восточной ориентировкой костяка легло во входную яму подбойной могилы 6 с северо-восточной ориентировкой, так как в ином случае стопы скелета и находившийся в ногах сосуд были бы разрушены при соору-

жении погр. 6 (рис. 3). Погребение 6 имеет подбой, уходящий под погр. 4. Могильная яма погребения 5, вероятно, легла на входную яму погр. 6 и нарушила её. Интересно, что северо-восточная стенка могильной ямы погр. 5 имеет уступ, скорее всего, являющийся остатками ещё одного разрушенного захоронения с северо-восточной ориентировкой умершего. В другом случае погребение 10, ориентированное на юго-восток, что считается ранним признаком, было впущено в могилу п. 9 с северо-восточной, типологически поздней ориентировкой погребённого, и нарушило его.

Ещё один случай стратиграфии свидетельствует, что юго-восточную ориентировку тоже нельзя считать более поздней по отношению к северо-восточной. Скелеты из погребений 24 и 25, имеющие северо-восточную ориентировку, легли на могильную яму погр. 26, ориентированную по линии СЗ-ЮВ, и, вероятно, разрушили содержащееся в нём захоронение.

Погребение 10, имевшее юго-восточную ориентировку, было впущено в могилу п. 9 с северо-восточной ориентировкой и формально являлось более поздним. Однако, как было рассмотрено выше, хронологический разрыв между ними был не более 1 года. На втором могильнике встречено ярусное погребение. Захоронение 12 с костяком в позе адорации, ориентированное черепом на север, перекрывало парное п. 13 – со скелетами черепами на север в позе «скачущего всадника». Характерно, что в верхнем погребении имелась круглодонная миска, а в нижнем находился плоскодонный острорёберный горшок, украшенный щипами и «ёлочкой». В ряде случаев стратиграфические ситуации на Белогорских могильниках являются случаями подхоронений.

Следует отметить, что случаи дохоронений отмечены и на других памятниках конца средней – начала поздней бронзы, а для катакомбных погребений, являвшихся склепами, они вполне естественны. Отметим, что на Смеловском грунтовом могильнике срубной культуры встречен целый ряд подхоронений, в том числе и в могилы с подбоями (Лопатин В.А., 2010. С. 125-130). Особенно ярко этот обряд выражен в Великентских и Каякентских бескуранных могильниках эпохи бронзы на Северном Кавказе. Здесь в одну катакомбу в тече-

ние длительного времени хоронили до нескольких сотен человек (Магомедов Р.Г., 2000). Являясь по сути своей склепом, катакомба, как и всякий склеп, могла использоваться неоднократно. Дохоронение в яму, если она засыпана, а тем более находится под насыпью кургана, технически труднее осуществимо. Поэтому дохоронения в катакомбу могут восприниматься как одновременные погребения, а в могилу с ямной конструкцией – как случаи прямой стратиграфии между не связанными между собой комплексами.

Стратиграфия Белогорских I и II могильников так же, как и планиграфические наблюдения, свидетельствует, что всё многообразие погребальных обрядов, встреченное здесь, существовало в одно время. В данном случае ни ориентировка, ни поза погребённых, ни наличие подбоев или ступенек не являются решающими хронологическими признаками.

Погребальный обряд и керамика этих памятников вариативны, но преобладание таких поздних признаков, как С и СВ ориентировки (21 скелет), левобочность в сочетании с позой адорации и С, СВ ориентировками (3 скелета), поза адорации с отклонениями от погребального стандарта срубной культуры (2 скелета), проявления бахмутских, абашевских и вольских признаков в керамике, наличие деревянного сосуда с окантовкой бронзовой проволокой венчика указывают на позднекатакомбную датировку Белогорских могильников. Стратиграфия и планиграфия этих памятников могут свидетельствовать о хронологическом единстве погребений этих могильников и служить хронологическими индикаторами для катакомбных памятников конца средней бронзы степного Поволжья.

Грунтовый могильник «Калач-2» (рис. 10) (Тихонов В.В., 1996. С. 37-52).

Недалеко от впадения р. Малый Иргиз в Волгу на севере Саратовского Заповольжья в 1988 году было исследовано 3 погребения эпохи средней бронзы. Первое погребение находилось в небольшой округлой яме, сильно разрушенной береговым обрывом. Детский скелет лежал головой на север-запад скорченно на левом боку, руки протянуты к коленям. Два взрослых захоронения

располагались в больших глубоких прямоугольных ямах с уступами по всему периметру могилы. Оба скелета покоились скорченно на спине с поворотом на правый бок, головой на восток-северо-восток. По конструкции могил и положению костяков эти погребения одновременны и относятся к ямно-катакомбному типу. Однако сосуды в них настолько различны, что в случае их нахождения на разных памятниках, тем более в курганах, по типологическим признакам они должны были быть определены как разновременные. Сосуд из погребения 2 с уступчатым плечом и богатой орнаментацией до дна близок позднеямной или полтавкинской керамике, а острорёберный горшок из погребения 2, украшенный только в верхней части, имеет более поздние признаки и ближе к катакомбной керамике. С учётом того, что эти погребения не имели курганной насыпи и по погребальному обряду практически идентичны, по совокупности признаков грунтовый могильник Калач-2 можно отнести к периоду формирования волго-донской катакомбной культуры.

Грунтовый могильник «Шумейка» (рис. 10) (Баринов Д.Г., 1996. С. 84-97; Сергеева О.В., 2005. С. 3-4).

Могильник расположен в 10 км вверх по Волге от г. Энгельс близ с. Шумейка Энгельсского района. Памятник находится на большом острове, образованном протоками Волги, на низком, но не затапливаемом берегу. В средние века на этом месте располагался золотоордынский поселок, что усложняет идентификацию некоторых углублений в материке. На площади 112 кв. м Д.Г. Бариновым в 1991-1993 годах было найдено 8 захоронений (Баринов Д.Г., 1996. С. 95-96), О.В. Сергеевой в 2002 г. на 52 кв. м ещё два, но этим памятник не исчерпан, и границы его не установлены. Поэтому говорить о его планиграфии преждевременно. Несколько погребений разрушены поздними перекопками. Из 10 погребений 8 совершены в простых ямах, 2 - в подбое. В пяти случаях скелеты лежали на спине скорченно, в одном – на спине вытянуто, в одном – на правом и в одном – на левом боку в позе «скачущего всадника».

В погребениях найдена выразительная керамика различных форм – грушевидный сосуд, горшок с приострѐнным дном и слегка выделенным венчи-

ком, три круглодонных сосуда, фрагмент чаши или миски с плоским дном и два плоскодонных горшка. Два первых украшены свисающими треугольниками и горизонтальными рядами оттисков веревочки, плоскодонный горшок орнаментирован рядами оттисков тесьмы и шагающей гребенки. Кроме того, имеется бронзовая булавка с крестовидным упором. Круглодонная керамика вполне соответствует преобладающему здесь ямному погребальному обряду, причем три сосуда: круглодонный, грушевидный горшок и плоскодонная миска одновременны, так как происходят из одного погребения. Наличие примесей раковины или дресвы не является в данном случае хронологическим показателем, так как в глине одного из круглодонных сосудов содержалась раковина, другого – шамот. И та и другая примесь имелась в керамике, происходящей из одного комплекса. В связи с этим нет оснований для хронологического отчленения погребения 8, совершенного по ямному обряду, но с плоскодонным горшком, украшенным «шагающей» гребенкой, от катакомбных комплексов, тем более, что в погребении 6 с подбоем содержался аналогичный сосуд. Особенно показательна керамика из погребения 9. Здесь находились совместно круглодонный и плоскодонный сосуды, причём плоскодонный украшен орнаментом, выполненным штампом, и имеет внутреннее ребро. Погребённый лежал скорченно на левом боку. Если бы эти горшки в кургане были встречены в разных захоронениях, такие комплексы, без сомнения, были бы отнесены к разным эпохам – к ранней и средней бронзе, причём с вероятностью датировки плоскодонного сосуда, не имеющего близких аналогий в катакомбной или полтавкинской керамике, ранним – бережновским горизонтом срубной культуры. Случаи сочетания типологически ранних и поздних сосудов в закрытых комплексах накапливаются. Грунтовый могильник у с. Шумейка имеет одновременно и ярко выраженные ямно-катакомбные, и более поздние признаки.

Грунтовый могильник «Сабуровка» (рис. 11) (Малышев А.Б., 2008. С. 16-37).

Могильник находится в устье р. Курдюм в 30 км к северу от Саратова. Он

исследовался небольшими прирезками к береговой полосе, в которой были видны обнажения костей, поэтому цельной картины памятника представить пока невозможно. Выявлены остатки двух погребений, содержащих катакомбные сосуды, включая жаровню из придонной части (погр. 4, 5). Также катакомбная керамика найдена на берегу. В культурно-хронологическом отношении эти погребения сопоставимы с материалами курганного могильника Усть-Курдюм, расположенного на противоположном берегу р. Курдюм.

Одинокое грунтовое погребение у с. Светлое Озеро (рис. 9) (Раскопки В.А. Лопатина. Дремов И.И., 1995. С. 113-14)

Полуразрушенное грунтовое захоронение содержало баночный сосуд, орнаментированный в верхней части «ёлочным» узором, выполненным штампом.

Курганный могильник у с. Советское (рис. 40) (Баринов Д.Г., 1995. С. 84-95).

Памятник находится в Заволжье. В 4-х раскопанных курганах выявлено 21 погребение средней бронзы. Могильник интересен тем, что в 3-х раскопанных курганах фиксировалось по несколько основных и впускных захоронений, причём в инвентаре и в погребальном обряде и тех и других прослеживались как ямные, так и катакомбные черты. Имеется коллективное погребение (к. 2, п. 8), погребение в подбое (к. 2, п. 11) и захоронение, аккуратно впущенное в угол существующей могилы, не потревожившее ни лежавшего здесь костяка, ни стенок могилы (к. 2, п.1, 2).

Ближние керамические формы и орнаментация встречаются как во впускных, так и в основных могилах. В инвентаре имеется плоскодонная керамика баночной формы (к. 2, п. 2; к. 1, п. 1); плоскодонные горшки (к. 2, п. 2, п. 3, п. 10, п. 14; к. 3, п. 2, п. 4); сосуды с небольшим приплюснутым дном (к. 2, п. 7; к. 3, п. 5); круглодонные сосуды (к. 1, п. 2; к. 3, п. 5) и один остродонный горшок с выделенным плечом под венчиком (к. 1, п. 1). Характерно, что здесь встречено сочетание круглодонной и плоскодонной посуды (к. 1, п. 1), круглодонной и с приплюснутым дном (к. 3, п. 5), круглодонной и плоскодонной.

«Ёлочная» орнаментация также встречена как на керамике с круглым, так и с плоским дном. Подобная ситуация встречалась в Шумейском грунтовом могильнике. По набору керамики и её сочетанию памятники близки и, вероятно, относятся к одному времени.

Кроме керамики, в погребениях найдены бронзовый нож и шилья, имеющие широкие аналогии в катакомбных комплексах (Шилов В.П., 1975. С. 40, рис. 39, 3). Каменный клиновидный топорик близок предметам из курганов новосвободненского этапа майкопской культуры (Иессен А.А., 1951. С. 193; Марковин В.И., 1960. С. 40-51). Каменный пест, бронзовое тесло, костяная молоточковидная булавка, кремнёвые отщепы, выпрямитель древков стрел имеют широкий круг аналогий в памятниках ямной и катакомбной культур (Сафронов В.А., 1973. С. 76; 1979. С. 66-67; Марьина З.П., 1983. С. 24-25; Мерперт Н.Я., 1974. С. 72, рис. 25, 26; Латынин Б.А., 1967. С. 15, 21, рис. 2, 3, 11).

Несмотря на разнообразие погребального обряда и инвентаря, встреченного на этом могильнике, комплексы представляются хронологически близкими и могут быть отнесены к средней бронзе – к ямно-катакомбному или ямно-полтавкинскому типу. Особняком стоит погребение 14 из кургана 2. Скелет лежал на правом боку скорченно, черепом на восток в поле кургана, в стороне от основной группы захоронений. Сопровождающий сосуд имел отогнутый венчик с валиком и сложную орнаментацию. Ему находят близкие аналогии в Белогорском- I могильнике, п. 11, п. 28. Не случайно в классификации А.В. Кияшко эти сосуды попали в одну группу (Кияшко А.В., 2002. С. 197, рис. 115). Можно предположить, что п. 14 из кургана 2 было более поздним по отношению к основной группе погребений средней бронзы в курганах у с. Советское. Впрочем, не исключено, что в степном Заволжье, на периферии катакомбного мира, такие комплексы доживали и до более позднего времени.

Курганная группа «Мессер V», курган 4 (рис. 11) (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2006. С. 23-43; Археологические памятники..., 2010. С. 16-42).

Курганная группа расположена в Красноармейском районе в правобережье Волги. Курганы 1, 2 содержали типичные погребения срубной культуры.

В кургане 3 найдены погребения покровского типа рубежа средней и поздней бронзы – начала поздней бронзы. В кургане 4 выявлены 2 коллективных позднекатакомбных погребения с выразительным инвентарём. В погр. 1 имелось два подбоя с восточной и западной стороны общей входной ямы, содержавшие 3 детских скелета. Один из двух скелетов в западном подбое был расчленён и пакетирован. В погр. 2 также фиксировались 2 подбоя, расположенных в одной – западной стенке. Могила была частично разрушена грабительским раскопом, но установлено, что здесь находились останки 6 скелетов. В погребениях найдено по 2 сосуда, украшенных верёвочным орнаментом и штампом. Сосуды из первой могилы имели сложную орнаментацию оттисками тройной тесьмы. Горшки из второго погребения украшены штампом, образующим «ёлочный» орнамент. Остальной инвентарь состоял из деревянного ковша с бронзовыми скрепками, костяных бусин, пронизок, кольца и бронзовых подвесок в 1,5 и 3 оборота.

Этот курган допустимо рассматривать в рамках позднекатакомбного времени, но он может относиться и к предшествующему этапу.

Курган «Суворовский I» (рис. 11) (Тупалов И.В., Африканов Ю.А., 2006. С. 52-58; Археологические памятники..., 2010. С.7-16).

Памятник расположен в правобережье Волги. В кургане обнаружено 4 погребения, расположенных компактной группой в юго-западной поле насыпи. Наиболее ранним являлось детское захоронение 4 с северо-восточной ориентировкой костяка. Скелет, вероятно, лежал на спине и был обильно посыпан охрой. Из инвентаря найдена только речная раковина. Могила 4 не прорезала катакомбное погр. 3 и, следовательно, была сделана раньше.

Скелет взрослого человека в погребении 3 лежал в подбое на спине, колени положены вправо, руки на животе. Подстилка имела сложную конструкцию: внизу меловая подсыпка, выше чёрный органический тлен, сверху охра. В инвентаре содержался бронзовый нож, горшок с острым ребром по плечу, обломок каменного топора и окаменелая раковина. Нож, по классификации В.А. Кияшко, относится к раннедонецкому периоду катакомбной культуры

(Кияшко А.В., 2002. С. 34, рис. 6, 11). Аналогичные ножи отмечены Р.А. Мимоходом и в погребениях «лолинской культуры» финала средней бронзы: Ильинский-I, к. 1, п. 6, Ипатово-3, к. 2, п. 13 (Мимоход Р.А., 2007. С. 148, рис. 4, 67, 68). Сосуд украшен параллельными рядами оттисков шнура и оттисками аммонита в виде горизонтальных рядов «ёлочки». Он имеет аналогии в Бережновке-I, к. 32, п.5 (Синицын И.В., 1959. С. 71, рис. 17, 15). Погребение 2 также было совершено в подбое. Здесь лежали 2 взрослых костяка на правом боку, с сильным завалом на спину, черепами на юго-восток; имелась подстилка из тёмного глина и охры. Инвентарь отсутствовал. Погребение 4 находилось в насыпи над входной ямой погр. 3. Скелет лежал в позе адорации на левом боку, черепом на восток.

По стратиграфии эти погребения распадаются на 3 группы. Отсутствие инвентаря в трёх из них не позволяет с уверенностью относить их к одному времени, но бросается в глаза, что все они расположены компактной группой с большим смещением от центра кургана к юго-юго-западу. По погребальным признакам все они укладываются в параметры волго-донской катакомбной культуры, в материалах которой имеются захоронения с аналогичными позами и ориентировками. По инвентарю этот курган можно отнести к позднекатакомбной культуре, но раньше памятников конца средней бронзы.

Курганный могильник «Светлое Озеро» (рис. 12) (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 157-193).

Памятник расположен глубоко в Заволжье в Озинском районе Саратовской области на водоразделе. Из 179 курганов раскопано 15 насыпей. В них обнаружено 30 захоронений, среди которых авторы публикации выделяют 12 погребений ранней и средней бронзы:

- 4 захоронения относятся к волго-уральской ямной культуре (к. 3, п. 1; к. 6, п. 2; к. 8, п. 1; к. 9, п. 3);

- 2 погребения соответствуют параметрам катакомбной культуры Заволжья эпохи средней бронзы (к. 1, п. 2, к. 7, п. 2);

- 5 комплексов с позднекатакомбными, «криволюкскими» и вольско-

лбищенскими признаками отнесены к завершающей фазе эпохи средней бронзы (к. 1, п. 1; к. 4, п. 1; к. 6, п. 3; к. 7, п. 1; к. 10, п. 2).

Курганы у с. Шумейка (рис. 12) (Юдин А.И., 2007. С. 162-175).

Памятник расположен в Заволжье в 9 км к северо-востоку от г. Энгельс у с. Шумейка. Здесь исследованы 2 кургана, содержавшие погребения эпохи бронзы. В кургане 1 найдено 3 захоронения средней бронзы в простых ямах. Некоторые признаки этих комплексов могут трактоваться как поздние для ямной культуры: северная и северо-восточная ориентировка, левобочность костяков, поза «скачущего всадника», сосуд с отогнутым в верхней части венчиком из погребения 1, украшенный в верхней части «ёлочным» орнаментом. Однако своеобразный сосуд из погр. 4, имеющий аналогии в ранних памятниках эпохи средней бронзы, и подвеска в 3 оборота из погр. 1 дали основания автору раскопок датировать курган ранним – ямно-катакомбным временем (Юдин А.И., 2007. С. 168).

Курганная группа «Чапаевка», к. 3 (рис. 13) (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 96-98, 106, 116, рис. 2, 1-11).

В курганной группе у с. Чапаевка в кургане 3 на р. Малый Караман в Саратовском Заволжье содержалось 8 погребений эпохи бронзы. Шесть из них относятся к катакомбной культуре, 2 – к срубно-покровскому времени. По мнению автора раскопок, курган был возведен в среднем бронзовом веке над основным захоронением № 8. В едином погребальном обряде этот комплекс сопровождали пакеты расчлененных трупоположений №№ 2 и 3, а также детское погребение 4. В конце эпохи средней бронзы в курган были впущены погребения № 5 (полностью разрушенное) и № 6 (разрушенное частично), попавшее в основную могилу (не исключено также, что это подхоронение к основной могиле). На рубеже средней и поздней бронзы в курган было впущено покровское погребение № 1, а в позднем бронзовом веке - срубное безынвентарное захоронение № 7. Такие черты погребального обряда, как трупорасчленение, поза «скачущего всадника», левобочность костяка в основном погребении 8, наличие простых баночных сосудов с «ёлочным» орнаментом, нанесён-

ным штампом, могут указывать на поздний этап средней бронзы Нижнего Поволжья.

Курганная группа «Большая Дмитриевка» (рис. 13) (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995. С. 119-130, 136,137).

Наиболее известным комплексом из Большой Дмитриевки в бассейне р. Медведица является курган 4, где в катакомбном погребении найден богато орнаментированный бронзовый топор, каменный жертвенник, песты, бронзовый нож. В кургане 3 п. 2 содержались курильница, бронзовые пронизи, нож, изогнутая костяная булава, жаровня из стенки сосуда. Упомянутые погребения имеют ямно-катакомбные черты и могут быть датированы относительно ранним временем (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995. С. 122-133). К позднему этапу средней бронзы относится впускное погребение кургана 3, п. 1, содержащее керамику бахмутского типа с сильно отогнутым венчиком и налепным валиком с пальцевыми вдавлениями.

Курганная группа «Новая Квасниковка» (рис. 14) (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989. С. 131-140; Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995. С. 108-119, 129-135).

Памятник расположен на юге степного Заволжья в среднем течении р. Еруслан. Из 8 раскопанных курганов 5 содержали погребения средней бронзы. Наиболее известным комплексом этого памятника является погребение мастера в кург. 4, п. 5, опубликованное в журнале «Советская археология» (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989. С. 131-140). Захоронение совершено в прямоугольной яме, причём, по мнению авторов публикации, на саях. Скелет лежал на спине с согнутыми вверх коленями, черепом на восток, то есть в позе ямника. Инвентарь состоял более чем из 200 предметов: из кремнёвого сырья – крупных желваков, отщепов, заготовок, готовой продукции – наконечников стрел, выпрямителей древков стрел, отбойников, наковаленок и др. Кроме того, здесь имелись два изогнутых шила и два ножа различной формы. Один имел листовидное лезвие и расширяющуюся треугольную пятку черенка, другой – длинный черенок и лезвие в форме неправильного ромба. Поза и ориентировка кос-

тяка, характерная для ямной культуры, обилие охры и форма ножей придают этому комплексу архаичные черты. Однако в этом же кургане находилось ещё одно погребение-кенотаф с неполным набором мастера – погребение 2. Могила углублена в землю лишь на 20 см и, судя по форме, могла иметь не читавшийся подбой (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995. С. 108-119, 129-135). Здесь, как и в погребении 5, имелись кремнёвые желваки, абразивная плитка, пестик и сильно изогнутое шило. Но найденный тут бронзовый нож типологически отличался. Он имел параллельные лезвия и расширяющееся окончание черенка, что позволяет надёжно датировать весь комплекс позднекатакомбным временем. Эти погребения из одного кургана надо рассматривать в комплексе и датировать одним периодом. Более архаично выглядят материалы из Новой Квасниковки к. 1, п. 2; к. 2, п. 5; к. 5, п. 2; к. 5, п. 5, п. 6. В двух случаях характерны своеобразные могильные конструкции – могилы с подбоями по всему периметру входной ямы (к. 1, п. 2; к. 2, п. 5), в одном (к. 1, п. 5) вокруг погребённого был насыпан валик из песка. Сосуды круглодонные и плоскодонные имеют ямные и полтавкинские черты – характерную орнаментацию и уступы под венчиком.

Курганный могильник «Усть-Курдюм» (рис. 15-16) (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 137-158).

Помимо Белогорских грунтовых могильников, массовые материалы катакомбной культуры были получены в 1980-е годы из курганов у с. Усть-Курдюм в правобережье Волги севернее Саратова. Материалы эпохи средней бронзы содержались в 9 курганах. Характерно, что под четырьмя насыпями катакомбные могилы являлись основными и единственными (У-К-1, к. 3, к. 6, У-К-3, к. 2, отдельно стоящий курган), в двух курганах было по три катакомбы при отсутствии других могил (У-К-1, к. 5, У-К-3, к. 4), в двух случаях катакомбные погребения сопровождали центральные основные ямные (У-К-1, к. 2, У-К-2, к. 2), и в одном кургане имелось единственное позднеямное захоронение. Всего здесь было открыто 19 погребений эпохи бронзы, из которых 11 находились в подбоях. Скелеты в позе «скачущего всадника», за исключением

двух случаев, лежали на левом боку, направленные головой на юг или юго-восток. За исключением одного случая, костяки лежали лицом к выходу из катакомбы. Имелись коллективные захоронения. В У-К-1, к. 5, п. 3 находились 4 скелета, в У-К-1, к. 2, п. 2 лежал скелет подростка, перед которым были уложены порубленные на части останки взрослых людей. Инвентарь могильника беден. Здесь найдены 14 сосудов, грифеи, бусины, пест, бронзовый рыболовный крючок. Наиболее архаичным выглядит яйцевидный сосуд с приплюснутым дном из ямного погребения в У-К-1, к. 4. Орнаментация «елочкой» сближает его с катакомбной посудой этого же могильника. Вся остальная посуда плоскодонная с плавно профилированными венчиками или с уступом по плечу. Орнаментация выполнена оттисками тесьмы, мелкозубчатого штампа, ногтевыми вдавлениями и защипами по краю венчика.

Полученные материалы характеризуются большей однородностью, чем белогорские, как по погребальному обряду, так и по инвентарю. Плавно профилированные сосуды, украшенные «елочкой», имеют точные аналогии в Белогорском. Особенно близок баночный сосуд из к. 6 с дном, выделенным закраиной, находке из Белогорского- I, п. 19. Основное различие набора усть-курдюмской керамики заключается в наличии горшков с уступчатым плечом, а в погребальном обряде – в преобладании ориентировок в южном секторе. Культурная близость Белогорского и Усть-Курдюмского могильников не вызывает сомнений. Наблюдаемые различия могут быть объяснены либо проявлениями индивидуальности оставивших их коллективов, либо некоторой разновременностью.

Наиболее архаичным в Усть-Курдюме представляется курган 2 второго могильника. Основное погребение, совершенное по ямному обряду в могиле с уступом по всему периметру, может быть отнесено к позднеямному типу. Среди впускных имеются погребения со скелетами в яме, на спине, головой на восток; в яме со ступенькой, головой на запад, и в подбоях. Обрядовые различия можно воспринимать как эволюцию, но бросается в глаза определенная упорядоченность впускных могил, расположенных по кругу от центральной и

не задевающих друг друга. Эта планиграфия сопоставима с планиграфией Белогорского - I могильника, где так же в центре находились погребения в больших прямоугольных ямах, окруженные могилами различных конструкций. Возможно, что и Усть-Курдюмский курган 2 отражает формирование кладбища вокруг центрального захоронения в течение непродолжительного времени. Судя по аналогиям керамики, эти памятники хронологически близки и условно одновременны. Возможно, могильник Усть-Курдюм появился несколько ранее конца средней бронзы и в какой-то степени отражает процесс перехода от ямно-катакомбных памятников к катакомбным, но в основном он характеризует вполне сформировавшуюся волго-донскую катакомбную культуру.

Курган «Сторожевка» (рис. 17) (Ляхов С.В., 1996. С. 77; 2009. С. 131-146).

Сторожёвский курган расположен в правобережье Волги близ Саратова. Он является уникальным по наличию в нём втульчатого бронзового копья. В квадратной яме погребения 3 находился скорченный на правом боку скелет, череп которого лежал в стороне. В инвентаре, кроме копья, имелся горшок, орнаментированный до дна «ёлочным» узором, кремнёвая ножевидная пластина, роговой молот, бронзовое шило. Поверх этой могилы прослеживалось ещё одно – погребение 2, нарушенное впускным средневековым захоронением 1. Во втором погребении найден горшок покровского типа, бронзовое шило, кремнёвый наконечник стрелы и каменный пест или наковаленка. Этот комплекс соответствует погребениям 2, 3 грунтового могильника Белогорское- II, где раннесрубное погребение является дозахоронением в катакомбную могилу и относится к рубежу средней и поздней бронзы.

Курганная группа «Крутец» (рис. 17) (Раскопки В.А. Лопатина, 1994 г. Тименков Д.М., 1997. С. 128-137.).

Расположена в бассейне р. Медведица. В курганах 2 и 4 имелось по одному погребению в подбоях с выразительным инвентарём: курильницы без дополнительного отделения, сосуды, декорированные «ёлочным» орнаментом, полированный каменный молот с перехватом для привязывания. Автор публи-

кации указывает на ранние аналогии курильницам и сосудам. Эти погребения могут быть датированы одним временем с основной массой погребений из Усть-Курдюма.

Курганная группа «Большие Копёны» (рис. 18) (Проведение охранных..., 2003).

В 2003 году многочисленные материалы катакомбной культуры были получены при раскопках курганов в бассейне р. Медведица в зоне строительства газопровода высокого давления, проходящего через всю Саратовскую область с севера на юг и далее по Волгоградской области. В связи с этим в правобережье Волги были раскопаны все курганы, попадающие в полосу отвода шириной до 500 м. Среди этих материалов имеются выразительные комплексы катакомбной культуры, как в простых ямах, так и в подбоях. В Больших Копёнах встречена целая серия захоронений с керамикой, типичной для позднего этапа среднедонской культуры, орнаментированной налепными валиками. В Больших Копёнах-1, курган 1 исследованы 3 основных погребения с такой керамикой. Интересно, что за пределами насыпи встречено ещё одно захоронение (п. 3) с горшком, характерным для срубной культуры, с северо-восточной ориентировкой костяка, лежащего на левом боку, но с одной рукой, протянутой к коленям, другой – согнутой на груди. Курган относится к позднему этапу средней бронзы степного Поволжья, погребение 3 – к рубежу средней и поздней бронзы.

В кургане 2 найдены четыре захоронения, содержащие сосуды с высокими отогнутыми венчиками и налепными валиками. В кургане 3 имелись три таких погребения, в кургане 4 – одно. В одиночном кургане у с. Б. Копёны в основном погребении в простой яме находились курильница, маленький листовидный бронзовый нож (8,6 см длиной), костяное кольцо. Вокруг располагались впускные погребения срубной культуры, а также тризны, содержащие керамику. В погребении 7 имелся бронзовый нож с намечающимся перекрестием, баночный и острорёберный срубные сосуды. В тризнах находились сосуды срубной культуры и среднедонской катакомбной. При этом в тризнах 2 и 5

встречено их совместное залегание.

Наличие курильницы и листовидного ножа в основном погребении может восприниматься как явное указание на его раннюю датировку, но, как отмечалось ранее, маленькие листовидные ножи, вероятно, ритуального назначения встречаются в погребениях покровского времени, а курильницы доживают на Среднем Дону до конца катакомбной культуры. По всей вероятности, курган возник в конце средней бронзы и продолжал использоваться срубными племенами.

Курганная группа «Горбатый мост» (рис. 19, 20, 21) (Проведение охранных..., 2003).

В курганной группе Горбатый Мост в бассейне р. Медведица погребения средней бронзы встречены в шести курганах. В кургане 21 в центре насыпи находилось захоронение (п. 3) со скелетом в позе адорации, с восточной ориентировкой. Один сосуд из этого погребения был орнаментирован «ёлочкой» из трёх линий, другой - рядами луновидных вдавлений. В северной поле имелись две смыкающиеся могилы. Одна из них (п. 1) содержала орнаментированный биконический горшок срубной культуры, другая (п. 2) – биконический горшок с валиком, оформленным защипами, и бронзовый ножичек (5,5 см длиной) с треугольным лезвием и расширенным окончанием черенка. Скелет лежал на спине (рис. 19). Погребения из этого кургана сочетают в себе признаки средней и поздней бронзы.

В кургане 29 найдены 2 погребения с северо-восточной ориентировкой скелета, лежащего на спине (рис. 19). Парное погребение 1 содержало неглубокую миску, аналогичную находке из катакомбного погребения в Белогорском- II могильнике. В погребении 2 был сосуд с высоким отогнутым венчиком с налепным валиком и защипами. Комплекс датируется концом средней бронзы.

В кургане 50 было ещё одно парное погребение в катакомбе с инвентарём: глиняным «хлебцем» и костяным кольцом (рис 19).

Курган 40 содержал 2 захоронения средней бронзы. Показательно погре-

бение 1 с двумя скелетами, один из которых, детский, был нарушен взрослым подхоронением. Скелет взрослого человека лежал на правом боку с руками, протянутыми к коленям, черепом на северо-запад. Баночный сосуд, сопровождавший его, имел закрытое устье, «личиный» орнамент по тулову и днище с закраиной, что более характерно для срубной керамики, чем для катакомбной (рис. 20).

Престижные погребения средней бронзы содержали курганы 42 (рис. 20) и 45 могильника Горбатый Мост (рис. 21). В кургане 42 в могиле с подбоем имелись бронзовое шило и 5 подвесок, каменная булава и сосуд, орнаментированный «ёлочным» узором. В к. 45, п. 2 был найден каменный вислообушный топор, пест и сосуд с «ёлочным» орнаментом и защипами по краю венчика. В п. 2 находился полированный каменный жертвенник (рис. 21). Эти погребения могут быть датированы поздним этапом катакомбной культуры.

Курган «Жареный Бугор» (рис. 22) (Монахов С.Ю., 1984. С. 241-243, рис. 2, 1).

Это основное и единственное в кургане на окраине Саратова погребение настолько неординарно, что до сих пор вызывает дискуссии об его культурной атрибуции. Скелет лежал скорченно на левом боку головой на восток — северо-восток. Кисти рук положены крест-накрест перед тазовыми костями. Инвентарь представлен костяной круглой пряжкой диаметром 3,1 см и лепным острорезерным сосудом, украшенным наклепными валиками (рис. 22). Важно отметить, что сосуд был разбит, и разные его части находились в заполнении, а в насыпи этого кургана имелся ещё один выразительный фрагмент керамики раннесрубного или покровского облика. Этот обломок имел приострѐнное ребро, что характерно для срубной посуды, и отогнутый край венчика, что может указывать на абашевское или покровское влияние. Человеческих костей при нём не было, но С.Ю. Монахов предположил, что здесь мог находиться полностью истлевший детский скелет. В свете современных представлений данные сосуды близки по времени, если не синхронны, так как раннепокровские памятники синхронизируются с КМК (Малов Н.М., 2007). Культурная

идентификация этого погребения вызывает споры из-за его своеобразия. Инвентарь, положение и ориентация костяка, посыпка могилы мелом, а стоп - охрой позволили автору раскопок «...уверенно отнести данный комплекс к культуре многоваликовой керамики» (Монахов С.Ю., 1984. С. 241-243). Десятилетие спустя Ю.П. Матвеев не менее уверенно отнёс это погребение к среднедонской культуре: «Сейчас, с уточнением представлений о поздних памятниках среднедонской катакомбной культуры, нет сомнений в его принадлежности именно к ней. В пользу такой идентификации свидетельствует поза погребенного (на левом боку с вытянутыми вдоль туловища руками), его ориентировка и, в особенности, характерный горшок с дополнительной обмазкой» (Матвеев Ю.П., 1996. С. 2728).

Р.А. Литвиненко с некоторыми оговорками отнёс этот комплекс к бабинской культуре (Литвиненко Р.А., 1999. С. 70;) или к посткатакомбному культурному образованию, параллельному бабинской культуре (Литвиненко Р.А., 2002. С. 78, 79), а Р.А. Мимоход категорично – к «криволукской культурной группе» (Мимоход Р.А., 2009. С. 34). Культурная идентификация этого комплекса может дискутироваться и меняться в зависимости от критериев, с которыми подходят авторы, но его хронологическая позиция на рубеже средней и поздней бронзы хорошо определяется по костяной пряжке и многоваликовому сосуду.

Курганная группа «Паницкое-б» (рис. 22) (Мимоход Р.А., 2009).

Памятник расположен в Правобережье Волги в бассейне р. Медведица. Это один из немногих объектов, исследованных с применением методов естественных наук и имеющих датировки по радиоуглеродным анализам. Весь могильник относится к средней бронзе, кроме одного энеолитического погребения. Самый ранний горизонт представлен основными захоронениями во всех курганах, с которыми было связано сооружение ритуальных кольцевых ровиков (к. 2, п. 1; к. 3, п. 3; к. 4, п. 2; к. 5, п. 1). По характерной керамике, ямной конструкции могил и их ориентировке по направлению северо-восток — юго-запад Р.А. Мимоход относит эти погребения к концу развитого этапа средне-

донской катакомбной культуры, ее левобережного варианта. Следующим по времени является погребение 2 в кургане 2, которое было впущено в насыпь. В культурно-хронологическом отношении оно близко горизонту основных погребений, но его более поздняя позиция в пределах этапа подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Далее по времени следует погребение 1 кургана 4, которое по левобочному положению его скелета, северо-восточной ориентировке и валиковому сосуду в инвентаре может быть датировано поздним этапом среднедонской катакомбной культуры. Замыкает хронологическую колонку погребение 3 кургана 4, которое Р.А. Мимоход относит по характерной многоваликовой посуде «...к посткатакомбному культурному образованию Нижнего Поволжья, к криволукской культурной группе, хотя в конечном итоге нельзя исключать и бабинскую атрибуцию этого комплекса» (Мимоход Р.А., 2009. С. 35).

Отдельные катакомбные погребения с поздними признаками средней бронзы известны также в курганах степного Заволжья у с. Надеждинка, Тамбовка, Питерка и др.

Значительное количество памятников позднего периода средней бронзы, преимущественно катакомбной культуры, расположено в пограничье степи и полупустыни – в зоне сухой степи к югу от места наибольшего сближения Волги и Дона. Здесь многие комплексы имеют ярко выраженные катакомбные признаки как в погребальном обряде, так и в инвентаре (рис. 23-24).

Таким образом, к настоящему времени в степном Поволжье накоплен значительный объём материалов, позволяющий детализировать культурные и хронологические характеристики погребальных комплексов позднего этапа средней бронзы.

§ II. 2. Характеристика памятников позднего этапа средней бронзы

Выделение материалов конца эпохи средней бронзы степного Поволжья требует специального решения. Как уже отмечалось в историографической части, по этому вопросу имеются значительные разногласия. К концу средней

бронзы относят позднеполтавкинские погребения (Качалова Н.К., Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. и др.) и позднекатакомбные (Мельник В.И., Пятых Г.Г., Юдин А.И. и др.). В соответствии с традиционной схемой, средняя бронза заканчивается с появлением сейминско-турбинских бронзовых изделий, с началом сейминского хронологического горизонта, которому в Нижнем Поволжье соответствуют раннесрубные памятники и материалы покровского типа.

Такой подход объективно отражает границу между двумя эпохами, так как именно на рубеже средней и поздней бронзы наиболее заметны принципиальные различия между традициями предшествующих и последующих культур. В это время происходит смена источников поступления бронзы с кавказского металлургического очага на уральский, меняются погребальный обряд, материальная культура, включая орудия производства, керамику и украшения. Эти базисные изменения, по всей вероятности, приводят к смене социальной структуры общества и духовной культуры. Мы наблюдаем археологическую смену культур, но причины и последствия этого явления дискуссионны.

При всей очевидности различий между материалами средней и поздней бронзы, вопросы выделения памятников рубежа данных эпох порождают споры между исследователями. За основу решения этой проблемы брались такие признаки, как черты погребального обряда, данные стратиграфии и планиграфии в курганах, различия в инвентаре.

Н.Я. Мерперт, проанализировав погребения ямной культуры, выделил три основных обрядовых группы и, основываясь на стратиграфии нескольких курганов с многочисленными погребениями этого времени, разделил их на три хронологических горизонта. Наиболее поздние, относящиеся к эпохе средней бронзы, характеризовались положением погребенных скорченно на боку в позе «скачущего всадника», малым содержанием охры, отсутствием бревенчатых накатников над могилами (Мерперт Н.Я., 1974).

Н.К. Качалова отнесла к концу эпохи средней бронзы погребения позднего этапа полтавкинской культуры. Исходя из убеждения, что проникновения катакомбников в среду местных полтавкинских племен были лишь эпизодиче-

ским явлением, не повлиявшим на основной культурный массив, она пришла к выводу, что полтавкинская культура дожила до конца средней бронзы и явилась основой для сложения срубной культуры (Качалова Н.К., 1965; 1968; 1992). Эти выводы были подтверждены и развиты И.Б. Васильевым, П.Ф. Кузнецовым, А.П. Семёновой (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П., 1992. С. 66-68; 1995. С. 5-37), но подвергнута критике Г.Г. Пятых и В.И. Мельником, считающими, что в конце средней бронзы в степном Поволжье существовала катакомбная культура, послужившая одной из основ сложения срубной культуры (Мельник В.И., 1985. С. 5; 1990. С.104; Пятых Г.Г., 2000. С. 11-25). В.В. Отрощенко отрицает возможность происхождения срубной культуры как от полтавкинской, так и от катакомбной. По его мнению, полтавкинская и катакомбная культуры сменяются предсрубными – абашевской, культурой многоваликовой керамики, новокумакского горизонта, памятниками синташтинско-потаповского круга, которые сыграли решающую роль в формировании срубной культуры. В связи с тем, что полтавкинская культура отделена от срубной культурами новокумакского горизонта, со срубной она не соприкасалась, поэтому сторонники генетической линии от катакомбной культуры к срубной, по мнению В.В. Отрощенко, сталкиваются с теми же проблемами, что и сторонники полтавкинской версии (Отрощенко В.В., 1990. С. 108, 111, 112; 2001. С. 43-46).

После раскопок Потаповского могильника в Среднем Поволжье была выделена потаповская культура, которая, по мнению авторов исследования, синхронна позднеполтавкинским памятникам и предшествует срубным (Васильев И.Б., Кузнецов, П.Ф., Семенова А.П., 1994).

Такое различие мнений во многом обусловлено трудностями интерпретации погребений из курганов Нижнего Поволжья. Традиционно считается, что в Среднем Поволжье курганы с большим количеством захоронений являются родовыми кладбищами и содержат близкие по времени комплексы, а нижне-волжские курганы формируются в течение долгого времени и содержат разновременные и разнокультурные погребения, которые отражают их формирова-

ние в течение долгого времени. Различия в погребальных обрядах и инвентаре, тем более при наличии стратиграфии или соотношения основных и впускных погребений, воспринимается как указание на одновременность исследуемых погребений.

Находки последних десятилетий позволяют взглянуть на данную проблему под иным углом зрения. Особое значение при этом приобретают исследованные грунтовые могильники, так как массовость имеющихся на них комплексов позволяет надеяться на их относительную хронологическую компактность.

Имеющиеся комплексы содержат в инвентаре и погребальном обряде признаки катакомбной культуры позднего этапа средней бронзы. При этом в ряде памятников характеристики позднего этапа средней бронзы выражены по всему комплексу признаков, а некоторые объекты могут иметь более широкую датировку. Анализ катакомбных и позднеямных погребений с катакомбными признаками, имеющих выразительный инвентарь, позволяет выделить из них материалы позднего этапа волго-донской культуры и погребения непосредственно предшествующего хронологического горизонта, послужившие основой для появления памятников рубежа средней и поздней бронзы. Комплексы, имеющие в погребальном обряде и инвентаре черты, характерные как для катакомбной, так и для срубной культур, позволяют трактовать их как памятники рубежа средней и поздней бронзы.

К наиболее поздним могильникам в рамках средней бронзы относятся следующие памятники:

- грунтовые могильники «Белогорское- I и II» – 46 погребений;
- курганный могильник «Большие Копёны» – в 4-х курганах 12 погребений позднего этапа среднедонской катакомбной культуры с керамикой, орнаментированной налепными валиками;
- курганный могильник «Горбатый мост». В 4-х курганах содержалось 8 погребений позднего этапа катакомбной культуры среднедонского типа;
- курганная группа «Паницкое-6»;

- курган «Сторожевка». По имевшемуся в нём копьё и остальному инвентарю относится к предсрубному времени. В основном погребении было дохоронение покровского времени.

Материалы Белогорских могильников с уверенностью можно относить к позднему этапу катакомбной культуры. Около 30 % ям на первом и 40 % на втором могильнике имели подбои различных конструкций, около половины могил имели ступеньки. На памятнике встречаются черепа с искусственной деформацией, в положении погребенных преобладает поза «скачущего всадника», ориентировки захоронений и формы могильных ям разнообразны. Посыпка охрой на могильниках не встречается, отмечены лишь отдельные пятна или комочки красной краски.

Наличие в инвентаре жаровен, грифеев и деревянного сосуда с обоймой из бронзовой проволоки также характерно для памятников катакомбного круга.

По всей вероятности, в это время как в инвентаре, так и в погребальном обряде проявляются новые черты и сохраняются старые традиции, а также ощущается влияние соседних регионов. Никакой зависимости между ориентировкой, позой погребенных, конструкцией могил и инвентарем не прослеживается. В керамическом комплексе проявляется несколько культурных традиций, но на хронологические различия они не указывают. Ряд сосудов первого могильника обладает чертами, характерными для более поздних - покровских (срубно-абашевских) памятников. Эти сосуды имеют отогнутые венчики и могут рассматриваться в качестве прототипов керамики покровского типа. Острорёберный горшок, орнаментированный защипами и «ёлочкой» из погр. 13 второго могильника, по своей форме близок раннесрубному горшку из погр. 1 этого же могильника, но имеет более низкие пропорции, ещё больше сближающие его с острорёберными срубными горшками, от которых его отличает только орнамент. В то же время орнаментация срубного горшка, выполненная веревочкой, имеет много общего с орнаментацией некоторых сосудов первого могильника - те же горизонтальные ряды отсков шнура и заключенные между ними и под ними оттиски в виде зигзага.

Найденный в Белогорском инвентарь позволяет относить оба могильника к позднекатакомбному времени. Особенно показательна в этом аспекте посуда с инокультурными проявлениями, возможно, являющаяся импортной.

В керамическом комплексе имеются два сосуда, типичных для катакомбных памятников Северного Кавказа: горшок с ушками для подвешивания и кувшин с ручкой (рис. 3,2,5) из п. 8, который имеет многочисленные аналогии на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье (Кияшко А.В., 2002. С. 148, рис. 116-120) и датируется позднекатакомбным временем. Для ранних погребений ямно-катакомбного времени такая керамика нехарактерна. В комплексах, относящихся к периоду формирования катакомбной культуры, которые приводит А.В. Кияшко, имеется несколько сосудов с ушками, но они находятся не на шейке кувшина, а непосредственно на венчике и определяются исследователем как амфоры (Кияшко А.В., 1999. С. 132, 136, рис. 76-80). В западной части могильника, в п. 2 (рис. 3, п. 2) был найден сосуд, практически идентичный горшку из позднекатакомбного погребения бахмутского типа с правобережья Северского Донца у г. Краматорск к. 2, п. 10, сопровождавшийся бронзовым черешковым ножом «с прямым лезвием, слегка сужающимся к раскованному и заточенному острию» и бронзовым восьмёрковидным украшением (Санжаров С.Н., 1993. С. 22, рис. 1). Такие сосуды отнесены С.Н. Братченко к группе «В» отдела III, а нож – к типу пиковидных ножей, наиболее характерных для маньчской культуры и поздних северо-кавказских комплексов (Братченко С.Н., 1976. С. 95. 143). Сосуд из Белогорского-1, п. 9 орнаментирован рядами параллельных линий, образующих свисающие усечённые треугольники с круглыми вдавлениями, что не характерно для Поволжья, но находит точные аналогии в бахмутской керамике Северского Донца, например, в могильнике Александровск, к. 2, п. 6 (Санжаров С.Н., 1988. С. 142, рис. 2, 1).

Один фрагмент венчика из культурного слоя характерен для позднего этапа репинской керамики Среднего Дона (рис. 3, 4), и 4 сосуда имеют отогнутые венчики с внутренним желобком, что также характерно для среднедонских

катакомбников (рис. 4, 1,2; 6,2). Однако пропорции этой посуды и, особенно, орнаментация настолько оригинальны, что подобрать им точные аналогии на катакомбных памятниках непросто. Наиболее близкой им по форме является более поздняя керамика покровских погребений. Орнаментация некоторых сосудов может ассоциироваться с керамикой вольского типа, но и от вольской она отличается по целому ряду признаков (рис. 4, п. 15; рис. 6, п. 28). Один сосуд со второго Белогорского могильника, орнаментированный по венчику и по тулову защипами, находит аналогии в среднедонской катакомбной культуре (рис. 9, п. 13). Несколько сосудов как с первого, так и со второго могильников, орнаментированных «ёлочным» узором, оттиснутым штампом, имеют аналогии среди широкого круга памятников эпохи средней бронзы (рис. 5, п. 19, 23; 7, п. 3; 8, п. 4; 9, п. 12).

В центральном погребении 23 западного скопления могил в Белогорском-I и в п. 19 найдена керамика с «ёлочной» орнаментацией и фрагмент с оттисками тесьмы. Появление на керамике оттисков тесьмы А.В. Кияшко относит к рубежу раннего и развитого катакомбного времени (Кияшко А.В., 2002. С. 132, 134). В дальнейшем эта традиция сохранялась, но определение её верхнего рубежа требует дополнительных изысканий. Не противоречит поздней датировке этих памятников находка в культурном слое Белогорского-I могильника фрагмента керамики с репинскими традициями. Один обломок венчика был украшен «жемчужинами» и имел «репинскую» профилировку. Бедность орнаментации и незначительное количество толченой раковины в глине позволяют сопоставлять этот фрагмент с позднерепинской керамикой, доживающей до распространения на Среднем Дону катакомбной культуры, причём, по мнению А.Т. Синюка, «репинские традиции находят продолжение и во II тыс. до н. э. в материалах донской абашевской культуры» (Синюк А.Т., 1981. С. 17-18).

Наличие в керамическом комплексе Белогорских могильников проявлений бахмутской и северокавказской керамики свидетельствует об очевидных контактах с западными и юго-западными территориями или о продвижении на Волгу через Нижнее Подонье отдельных групп позднекатакомбного населе-

ния.

Белогорская керамика представлена также серией баночных сосудов с «ёлочной» орнаментацией, круглодонной миской, биконической банкой и ост-рорёберным горшком с зашипами (не считая двух жаровен). Зашипная техника нанесения орнамента, хотя и появляется как исключение на раннекатакомбной посуде (Кияшко А.В., 2002. С. 131), широкое распространение получает в позднекатакомбной среде (на Среднем Дону она синхронна многоваликовой орнаментации). «Ёлочная» орнаментация на западе признана поздним проявлением более восточных влияний (Смирнов А.М., 1996). Остальной инвентарь беден, но наличие деревянной чаши, оформленной по краю венчика бронзовой обоймой, как прототипа деревянных чаш с бронзовой накладкой по краю венчика покровского времени тоже указывает на позднюю для средней бронзы датировку памятника.

Таким образом, стратиграфия, планиграфия и инвентарь свидетельствуют, что все погребения Белогорских могильников относятся примерно к одному времени, и раскладывать их на различные хронологические этапы бесперспективно. Разумеется, могильник возник не за один год, он должен был формироваться десятилетиями, но определить направление его развития не представляется возможным. Он мог развиваться и на всех трех участках одновременно, будучи оставлен разными родственными группами одного коллектива, но возможна и последовательная смена участков кладбища. В любом случае в рамках исторического процесса этот памятник представляет собой один хронологический срез.

В погребениях курганной группы Большие Копёны, к. 1, 3, 4 встречена керамика с налепными валиками, в которой легко опознаются сосуды позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (рис. 18). Бронзовый нож с намечающимся перекрестием имеет близкие аналогии в позднекатакомбных материалах. Не противоречит поздней датировке наличие в основном погребении в кургане 2 небольшого листовидного ножичка и курильницы, так как подобные ножи иногда встречаются и в погребениях раннесрубного времени. Например,

в Берёзовском кургане ритуальный ножичек находился вместе с бронзовым копьём сейминского типа, псалями и другим инвентарём (Дрёмов И.И., 1997 В. С. 153, 156, рис. 3, 9). Такая же посуда найдена в курганных могильниках Горбатый Мост, Большая Дмитриевка, Паницкое-6.

Таким образом, 67 захоронений катакомбной культуры по комплексу признаков относятся к позднему этапу катакомбной культуры и предшествуют срубной культуре.

Кроме того, 34 погребения в 10 курганах из 8 памятников относятся к позднекатакомбному времени. Они близки по времени Белогорским могильникам, но имеют более выраженные атрибуты катакомбной культуры в погребальных обрядах и не содержат заметных переходных признаков срубной или абашевской культур, позволяющих считать их непосредственной подосновой раннесрубных памятников:

- курганный могильник «Усть-Курдюм» (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 137-158). В 9 курганах выявлено 12 погребений средней бронзы. В четырёх насыпях катакомбные могилы были основными и единственными, в 2-х курганах имелось по 3 катакомбных захоронения и еще в 2-х катакомбные погребения сопровождали ямные. 10 погребений позднекатакомбных и 2 ямно-катакомбных, вероятно, близких по времени;

- грунтовый могильник «Сабуровка» – 2 погребения позднего этапа катакомбной культуры;

- курган «Суворовский I» – 4 погребения, 2 в подбоях и одно в насыпи. Погребения по катакомбному обряду, относятся к позднему этапу катакомбной культуры, одновременны Усть-Курдюму;

- курганная группа «Чапаевка», к. 3. Найдено 6 погребений позднекатакомбных и 2 покровских;

- курганная группа «Новая Квасниковка», 2 погребения мастеров из кургана 4 (п. 5, п. 2) относятся к позднекатакомбному времени, хотя имеют и ямно-катакомбные черты в погребальном обряде. По ножу с параллельными лезвиями в п. 2 датируются концом эпохи средней бронзы;

- курганная группа «Крутец». 2 погребения с престижным инвентарём позднего этапа катакомбной культуры;

- курганная группа «Большая Дмитриевка». К. 3, п. 2 с бронзовым топором – ямно-катакомбное и, вероятно, относится ко времени, непосредственно предшествующему концу средней бронзы. К позднему этапу средней бронзы относится впускное погребение кургана 3, п. 1, содержащее керамику бахмутского типа с сильно отогнутым венчиком и налипным валиком с пальцевыми вдавлениями;

- курганная группа «Мессер V», курган 4 – 2 коллективных погребения, совершённых по катакомбному обряду, с выразительным инвентарём. Этот курган можно рассматривать в рамках позднекатакомбного времени.

Материалы курганного могильника Усть-Курдюм характеризуются большей однородностью, чем белогорские, как по погребальному обряду, так и по инвентарю. Плавно профилированные сосуды, украшенные «елочкой», имеют точные аналогии в Белогорском. Особенно близок баночный сосуд из кургана 6 с дном, выделенным закраиной, находке из Белогорского- I, п. 19.

Основное отличие набора усть-курдюмской керамики от белогорской заключается в наличии горшков с уступчатым плечом, а в погребальном обряде – в преобладании ориентировок в южном секторе. Культурная близость этих могильников не вызывает сомнений. Наблюдаемые различия могут быть объяснены либо проявлениями индивидуальности оставивших их коллективов, либо некоторой разновременностью.

Наиболее архаичным в Усть-Курдюме представляется курган 2 второго могильника. Основное погребение, совершенное по ямному обряду в могиле с уступом по всему периметру, может быть отнесено к позднеямному или ямно-катакомбному типу. Среди впускных имеются погребения в яме со скелетами, лежащими на спине головой на восток, в яме со ступенькой – головой на запад и в подбоях. Обрядовые различия можно воспринимать как эволюцию, но бросается в глаза определенная упорядоченность впускных могил, расположенных по кругу от центральной и не задевающих друг друга. Эта планиграфия

сопоставима с планиграфией Белогорского- I могильника, где также в центре находились погребения в больших прямоугольных ямах, окруженные могилами различных конструкций. Возможно, что и Усть-Курдюмский курган отражает формирование кладбища вокруг центрального захоронения в течение не продолжительного времени. Судя по аналогиям керамики, эти памятники хронологически близки и условно одновременны. Для однозначного решения вопроса недостаточно имеющихся в них материалов. Возможно, могильник Усть-Курдюм появился несколько раньше и в какой-то степени отражает процесс перехода от ямно-катакомбных памятников к катакомбным, но в основном они относятся к позднему этапу катакомбной культуры.

Аналогичны им и материалы располагающегося на противоположном берегу р. Курдюм грунтового могильника Сабуровка, а также и курганных могильников Чапаевка и Крутец, к. 2, к. 4.

Погребения из кургана Суворовский 1, по мнению авторов раскопок, распадаются на 3 группы. Отсутствие инвентаря в трёх из них не позволяет с уверенностью относить их к одному времени, но бросается в глаза, что все они расположены компактной группой с большим смещением от центра кургана к юго-юго-западу. По погребальным признакам все они укладываются в параметры волго-донской катакомбной культуры, в материалах которой имеются захоронения с аналогичными позами и ориентировками скелетов. Найденный здесь нож, по классификации А.В. Кияшко, относится к раннедонецкому периоду катакомбной культуры (Кияшко А.В., 2002. С. 34, рис. 6, 11). Аналогичные ножи отмечены Р.А. Мимоходом и в погребениях «лолинской культуры» финала средней бронзы Ильинский-I, к. 1, п. 6 и Ипатово-3, к.2, п.13 (Мимоход Р.А., 2007. С. 148, рис. 4, 67, 68). Сосуд из Суворовского кургана украшен параллельными рядами оттисков шнура и оттисками аммонита в виде горизонтальных рядов «ёлочки» и имеет аналогии в Бережновке I, к. 32, п.5 (Синицын И.В., 1959. С. 71, рис. 17, 15). По инвентарю курган Суворовский 1 можно отнести к позднему этапу средней бронзы, но раньше памятников рубежа средней и поздней бронзы.

Погребение мастера из курганной группы Новая Квасниковка, кург. 4, п. 5 имеет ямно-катакомбные черты и датировано авторами публикации концом III тыс. до н.э. с возможным выходом во II тыс. до н.э. Эта датировка основана на аналогиях сосуду в материалах из кургана у с. Соломенка в Кабардино-Балкарии (Марковин В.И., 1960. С. 40, 41) и в могильнике Ажиновский-1, п. 5 на Нижнем Дону (Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974. С. 14). Найденные в к. 4, п. 5 из Новой Квасниковки погребении ножи имеют аналогии на всём протяжении средней бронзы и даже в раннесрубных памятниках. В этом же кургане было встречено ещё одно погребение – кенотаф с неполным набором мастера, содержащим кремнёвые желваки и отщепы (к. 4, п. 2). Найденный здесь нож с параллельными лезвиями и расширяющимся окончанием клинка характерен для позднекатакомбных памятников, а сосуд с приострѣнным ребром, вертикальным венчиком и «ёлочным» орнаментом по ребру имеет полную аналогию с сосудом из комплекса в Первомайском I, к. 4, п. 4, отнесѣнным А.В. Кияшко к позднедонецкому периоду (Кияшко А.В., 2002. С. 227, табл. XXIX). Само погребение из Новой Квасниковки к. 4, п. 2 он отнес к финальному этапу волго-донской культуры (Кияшко А.В., 2002. С. 227, табл. XXXII, 1-8). Погребения 2 и 5 объединяет не только наличие производственных комплексов, но и содержащиеся в них одинаковые бронзовые крюки из изогнутого прута, квадратного в сечении. В связи с этим оба комплекса из кургана 4 можно отнести ко времени, непосредственно предшествующему переходному периоду от средней бронзы к поздней.

Погребения из Новой Квасниковки к. 1, п. 2; к. 2, п. 5; к. 5, п. 2; к. 5, п. 5, п. 6 выглядят более архаично. Типологически эти материалы более ранние, чем в кург. 4, но по аналогии с Шумейским грунтовым могильником, погребениями из Советского и другими захоронениями, сочетающими плоскодонную и круглодонную керамику, можно предположить, что хронологическая разница между ними и позднекатакомбными материалами может быть невелика.

Курган 4 могильника Мессер V выделяется наличием коллективных погребений с престижным инвентарѣм. Обе найденные здесь могилы имели по 2

подбоя с тремя и шестью костяками. Коллективные погребения нередко встречаются в катакомбных культурах различных территорий. Ближайшим аналогом является коллективное захоронение четверых подростков из погребения 3 кургана 5 в могильнике Усть-Курдюм-1 (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993, С. 148, рис. 7). Наличие коллективных погребений в катакомбах не удивительно, если их рассматривать как склепы. Нередки случаи, когда в могилах сохранялись деревянные плашки, перекрывающие вход в катакомбу или подбой. В Белогорском- I могильнике, как отмечалось выше, погр. 10 было добавлено в существующую могилу к погр. 9. При этом, чтобы уместить впущенного покойника, череп лежавшего здесь скелета был переложен ему на грудь. Если бы могила была засыпана, так аккуратно поставить череп на кости грудной клетки было бы невозможно (Дрёмов И.И., 1996. С. 105, рис. 4 А).

В комплексах Мессер V, к. 4 выявлены четыре глиняных сосуда - два однотипных в западной камере 1 погребения 1 и два в южном подбое могилы 2 (рис. 11). Их синхронность в культурно-временном пространстве подтверждается близостью форм и орнаментации, характерных для волго-донского и отчасти донецкого вариантов катакомбной общности. В погребениях Усть-Курдюмского курганного могильника были обнаружены почти подобные экземпляры сосудов средних пропорций, украшенные комбинациями оттисков тройной тесьмы и зубчатого штампа (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 143, рис. 4, 2, 4, с. 153, рис, 10, 3). Такие сосуды совершенно не характерны для Предкавказья, Ставрополя и Маныча, где определяющие доминанты в развитии керамического комплекса катакомбников формировали кавказские культуры.

Во втором погребении Мессер V, к. 4 была выявлена компактная серия украшений, изготовленных из костей рыбы, птицы и, возможно, мелкого рогатого скота (рис. 11). Костяные кольца, бусы, пронизи, наряду с бронзовыми вариантами таких же изделий (Кореневский С.Н., 1990. С. 161, рис. 42, 27, 28), распространены во всем ареале катакомбной общности (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 155, рис. 11, 5; С. 146, рис. 6).

Довольно часты в женских погребениях катакомбных культур височные кольца и спиралевидные пронизи (подвески), изготовленные из бронзы (меди), серебра, сурьмы. Такие подвески встречаются, например, в погребениях, относимых Р.А. Мимоходом к «лолинской культуре» конца средней бронзы (Мимоход Р.А., 2007. С. 148, рис. 4, 54). Несколько фрагментов спиралевидных пронизей из того же второго погребения из к. 4 Мессер V украшали головной убор, на некоторых сохранились обрывки кожи. Установлено, что шнуровые или тесемчатые подвязки, налобные кожаные ремни, шапки и капюшоны часто украшались самыми различными предметами металлической фурнитуры, в том числе спиралями и кольцами (Шишлина Н.И., 2004. С. 75, рис. 1). По имеющимся признакам курган Мессер V может относиться к позднекатакомбному времени.

Приведённым комплексам катакомбной культуры, близким Белогорским могильникам, но не имеющим убедительных индикаторов конца средней бронзы, непосредственно предшествуют комплексы ямно-катакомбного типа, сочетающие признаки ямной и позднего этапа катакомбной культур. Некоторые из них, возможно, синхронны с позднекатакомбными комплексами. На 5 памятниках встречено 46 погребений:

- грунтовый могильник «Шумейка» – 10 погребений ямно-катакомбного типа;
- курганный могильник «Шумейка» – 3 погребения из одного кургана;
- грунтовый могильник «Калач-2» – 3 ямно-катакомбных погребения;
- одиночное грунтовое погребение «Светлое Озеро»;
- курганная группа «Светлое Озеро» - 12 катакомбных и ямно-катакомбных погребений;
- курганный могильник «Советское» – 21 катакомбное и ямно-катакомбное погребение в 4-х курганах.

Характерной чертой погребений из Шумейского грунтового могильника является сочетание круглодонной и плоскодонной керамики и наличие могил с

подбоями. Возможность сосуществования круглодонной ямной и плоскодонной посуды не вызывает сомнений. Такая встречаемость в одних комплексах отмечена в Ровном, к. 8, п. 5, в Скатовке, к. 5, п. 3, Степана Разина, к. 3, п. 3, Березняках, к. 14, п. 1, Стан, к. 7 (Турецкий М.А., 1988. С. 85; Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995). Не вызывает сомнений и достаточно широкое распространение катакомбного погребального обряда в позднеямное - полтавкинское время. Полтавкинская керамика найдена в подбойных погребениях низовий Поволжья и Подонья, сводка которых представлена А.В. Кияшко (Кияшко А.В., 1998. С. 26, рис. 5). Как обряд, так и инвентарь Шумейского могильника характеризуются сочетанием ямных и катакомбных признаков. Преобладает северо-восточная ориентировка костяков, что не вяжется с их ямно-катакомбной характеристикой. Четыре сосуда имеют округлое дно, что соответствует первой технологической группе, по А.В. Кияшко, два сосуда с плоским дном принадлежат ко второй технологической группе (Кияшко А.В., 2002. Рис. 68, 69). Один из них, из п. 8, относится к сосудам со слабопрофилированной верхней частью тулова и округлым плечиком. Он орнаментирован оттисками тесьмы и «шагающей» гребёнки, что характерно для полтавкинской керамики. В п. 9 имелись круглодонный и плоскодонный сосуды, причём плоскодонный, украшенный оттисками штампа, принадлежит к типу к раструбошейных сосудов, характеризующих позднекатакомбное время Нижнего Поволжья (Кияшко А.В., 2002). По отдельности керамику Шумейского могильника по типологическим и технологическим признакам следует относить к разным периодам средней бронзы. Однако, учитывая совместное залегание сосудов разных типов, памятник относится ко времени зарождения позднекатакомбных признаков и, возможно, так же, как и курганы у с. Советское, стыкуется с позднекатакомбными памятниками.

Одинокое грунтовое погребение Светлое Озеро содержало сосуд, орнаментированный «ёлочкой» в верхней части (рис. 9). Этот признак является диагностирующим для керамики конца средней - начала поздней бронзы. Аналогичные сосуды, сочетающие признаки средней и поздней бронзы, встречены в

кургане 21 Горбатый Мост (рис. 19). Такая же посуда имеется и на раннесрубных сосудах (грунтовый могильник Смеловка, п. 73, 97 и др.).

Курганный могильник Светлое Озеро (рис. 12) представляет широкий хронологический диапазон погребений эпохи средней бронзы. Наиболее ранние из них относятся к позднеямной культуре (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 157-193). Они совершены в простых ямах, скелеты черепом на восток лежат на спине коленями вверх и на правом боку, с охристой посыпкой и комками охры. Керамика имела баночную форму с зауженным устьем и небольшим днищем. Орнаменты выполнены шнуром или коротким штампом. Построение декора выдержано в ямных (горизонтальные линии, свисающий зигзаг) или катакомбных традициях («ёлочка»). Отмечается, что катакомбный стиль «ёлочки» отличен от волго-уральского: узор более плотен и симметричен (Мочалов О.Д., 2008. С. 61). Сосуд с «ёлочным» орнаментом имеет полные аналогии в могильнике Усть-Курдюм-1, к. 4, п. 4 (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 144, рис. 5, 2) и в Утёвке-I, к. 1, п. 1, интерпретируемом М.А. Турецким как раннеполтавкий или ямно-полтавкий (Васильев И.Б., 1980; Турецкий М.А., 1988; Кузнецов П.Ф., 1989).

Катакомбные погребения в могильнике Светлое Озеро по обрядовым признакам близки позднеямным. Среди них также имеются положения костяков на правом боку, ориентировка восточная или с небольшим отклонением к северу. Наряду с простыми прямоугольными ямами встречаются могилы с заплечиками, посыпка или комки охры. Архаично выглядит листовидный нож с упором из кургана 1, п. 2. Аналогичные предметы встречаются в I, II периодах позднеямного, катакомбного времени, по А.В. Кияшко (Кияшко А.В., 2002. С.150, рис. 94). В то же время найденные вместе с ними шилья с упорами имеются в поздних комплексах, например, в могильнике Тамар-Уткуль-VII, к. 4 с вольско-лбищенской керамикой (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994; Богданов С.В., 1998. С. 37, рис. 11, 1, 11). Такие же ножи встречаются в материалах выделяемой Р.А. Мимоходом «лолинской культуры» – в погребениях Цаган-Усн VII, к.4, п.27; Цаган-Усн III, к 1, п. 5; Новопалестинский II, к.2, п.5;

Кривая Лука II, к.1, п. 13 (Мимоход Р.А., 2007. С. 148, рис, 4, 1-6), что может свидетельствовать о долгом существовании таких предметов. Листовидные ножи с несколько более широкими черенками нередко имеются и в погребениях срубной культуры, например, в Натальино II, к. 10, п. 1; Покровск, Ю-В группа, к. 16, п. 1; Покровск, Ю-В группа, к. 7, п. 3 (Памятники срубной культуры... 1993. С. 133; табл. 3, 24; табл., 14, 29; табл. 15, 46).

В женском погребении Светлое Озеро, к. 7, п. 2 наиболее диагностичны округлобокий сосуд с «ёлочной» орнаментацией в средней части тулова и характерные многовитковые подвески из бронзы (рис. 7, 4, 6-10), которые могут быть датированы в широком диапазоне памятников эпохи средней бронзы. В ближнем пространстве такие захоронения отмечены, например, в Бережновке-I, к. 32, п. 5 (Синицын И.В., 1959) и Кривой Луке XXXV, к.1, п. 21 (Кияшко А.В., 2002. Табл. XXVI, 4-6). Довольно близок комплекс детского погребения из Дубенцовского-III могильника, к. 1, п. 18, исследованного в Нижнем Подонье, в котором усматриваются восточные культурные признаки (Кияшко А.В., 2002. С. 84; рис. 66, 6-8). Здесь выявлены такая же подвеска и очень похожий сосуд, украшенный «ёлочкой» в среднем и нижнем отделах тулова. Примечательно, что эти погребения находились в простых ямах (иногда с заплечиками), где умершие ориентированы в восточные сектора курганов.

К позднекатакомбному типу отнесено погребение из Светлого Озера, к. 6, п. 3, где зафиксирована левобочная скорченность, восточная ориентировка, поза «скачущего всадника», кости мелкого рогатого скота, височные подвески (бронзовая и серебряная), обломок кварцитового наконечника и металлическая обкладка деревянного сосуда. В инвентаре наиболее диагностичны подвески – округлые, откованные из овальных в сечении прутков и свернутые узкой спиралью в 1,5 оборота. В целом они характерны для катакомбных культур довольно глубокого хронологического интервала и широко распространены. Подобные вещи известны в захоронениях донецкого типа из Волго-Донского междуречья (Антонов, к. 6, п. 1) и Нижнего Подонья (Кастырский-VI, к. 4, п. 12; Кастырский VIII, к.3, п. 10) (Кияшко А.В., 2002. Табл. XXVI, 7; XXIV, 4, 5, 14)

(рис. 24). На близлежащих территориях они отмечены именно в позднекатакомбных материалах степного Приуралья (Илекшар-I, к. 5, п. 3). Примечательно, что в Илекшаре имеется также листовидный нож (Ткачев В.В., 2006. С. 59, рис. 14, 3, 5), почти идентичный светлоозерскому экземпляру из катакомбного правобочного захоронения к. 1, п. 2, что, видимо, подтверждает широкий временной диапазон этого типа изделий. В остальном погребение 3 кургана 6 из Светлого Озера обнаруживает заметную близость с позднекатакомбными комплексами степей Нижнего Поволжья и Волго-Донья (простая яма, левобочная поза «скачущего всадника», восточная ориентировка, бедность инвентаря, кости МРС перед умершим).

Ещё два погребения в Светлом Озере В.А. Лопатиным и А. И. Жемковым предположительно отнесены к «криволукскому типу» (к. 4, п. 1, к. 10, п. 2), но одно из них сильно разрушено, другое не содержало инвентаря (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 157-193).

Сопоставляя материалы погребений ямно-катакомбного и катакомбного типов, мы наблюдаем, что некоторые типологически ранние категории инвентаря, появившись в начале поздней бронзы или ещё раньше, продолжают существовать параллельно с новыми образцами. Известна серия погребений с круглодонной и плоскодонной керамикой, нередко орнаментированной «ёлочным» узором. Разумеется, такие комплексы не могут датироваться концом средней бронзы, но они могут являться непосредственными предшественниками позднекатакомбных захоронений. Возможно, что подвески в несколько оборотов продолжали существовать в позднекатакомбное время. Ножи листовидной формы и с треугольным лезвием клинка, появившись в период ранней и в начале средней бронзы, доживают до финала катакомбной культуры, а небольшие листовидные ножички – до раннесрубного времени. Они не могут служить безукоризненным индикатором ранней датировки, хотя и являются типологически ранними формами. Лишь в сочетании с прочими признаками и сопутствующими им комплексами можно их датировать более убедительно. Вероятно, ямная культура в Поволжье доживает до более позднего периода,

чем это принято считать, в течение некоторого времени сосуществует с волгодонской катакомбной культурой и является подосновой памятников конца поздней бронзы.

Кроме позднекатакомбных памятников, на позднем этапе средней бронзы в степном Поволжье встречаются памятники вольско-лбищенского типа. Большинство материалов вольско-лбищенской группы представлено поселенческими находками. Они располагаются на высоких труднодоступных мысах, удобных для защиты (Вольское городище, Утес Степана Разина, Танавское и Хлопковское городища, Каменная Коза, Лбище, Царев курган), хотя известны поселения на берегах рек и находки на дюнах (Гундоровка, Лебяжинка, Чесноковка, Моховое, Орошаемое, Кара-Худук, Кошалак). Наиболее крупные памятники - это Вольское городище («Попово блюдечко») в Саратовской области, давшее значительную коллекцию керамики, но, к сожалению, полностью разрушенное карьером (Степанов П.Д., 1956), а также поселение Лбище на Самарой Луке в Самарской области (Васильев И.Б., Матвеева Г. И., Тихонов Б.Г., 1987). На погребальных памятниках степного Поволжья вольская керамика в чистом виде не встречается. Её признаки проявляются лишь в орнаментации керамики, но их наличие указывает на контакты степняков с лесостепным населением Средней Волги. Поэтому информативны даже те немногочисленные её проявления, которые изредка отмечаются на памятниках средней бронзы степной зоны Поволжья.

Керамика вольско-лбищенского типа своеобразна и четко отличается от глиняной посуды всех известных к настоящему времени в Волго-Уралье археологических культур. Наиболее характерные ее черты – обильная примесь раковины; разнообразные формы утолщенных венчиков («воротнички», грибовидные утолщенные валики с широкими желобками между ними; треугольно скошенные срезы венчиков); орнамент, нанесенный гребенчатым штампом в виде зигзагов, рядов наклонных и горизонтальных отпечатков штампа, «елочки» с разделителями, меандра, «бахромы».

Вещевой инвентарь, характерный для памятников вольско-лбищенского типа Среднего Поволжья, своеобразен. Это медные изделия: более крупные, чем абашевские, очковидные подвески, спиральные подвески с раскованным иволистным или завернутым в спираль концом, пластины-бляшки с отверстиями; лунницы, подвески в полтора оборота архаичных форм, ножи с перекрестиями и без них - архаичных (но уже не ямных) форм, без змеевидных рукояток. Встречено медное тесло полтавкинского типа. Распространены кремневые наконечники стрел иволистной формы с усеченным основанием. Найдены топоры фатьяновско-балановского типа, булава катакомбного типа (Васильев И.Б., 2003. С. 107-115).

Погребальный обряд – бескурганый, однако к настоящему времени стали известны отдельные впускные погребения в курганах ямного времени (Богданов С.В., 1998). Наиболее полное представление о погребальном обряде дал грунтовый Алексеевский могильник в Саратовской области (Пестрикова В.И., 1979), отнесенный автором к фатьяновской культуре. Характерно скорченное на боку (редко на спине) положение погребенных, причем как на правом, так и на левом боку, с самой различной (кроме южной) ориентировкой; с сильной и слабой степенью скорченности; руки согнуты перед грудью, вытянуты к ногам (иногда одна рука), поперек груди, между колен. В лесостепной зоне известна группа впускных погребений вольско-лбищенского типа в насыпи кургана № 4 Тамар-Уткульского VII курганного могильника (Богданов С.В., 1998). Необычна поза погребенных: сильная скорченность («клубком» или «утробная», по выражению автора раскопок), размещение погребённых сидя, в неестественном положении с сильно согнутым (сломанным?) позвоночником, вывернутыми ногами и руками. Свидетельством безусловной связи этих погребений с вольско-лбищенским типом, как совершенно верно отмечает С.В.Богданов, является характерный сосуд из погребения № 5, а также другой погребальный инвентарь (крупная очковидная подвеска, лунницы, льячка) (Богданов С.В., 1998. С. 37, рис. 11).

Металлические изделия вольско-лбищенских памятников имеют аналогии в материалах фатьяновско-балановских и более западных культур шнуровой керамики, в первую очередь, среднеднепровской. Это диагностичные предметы, нехарактерные для других культур: очковидные подвески (Алексеевский могильник, дюна Человечья Голова, пещера Братьев Греше), спиральные подвески с раскованным иволистным концом, лунницы, плоские бляшки и т.д.

И.Б. Васильев относит памятники вольско-лбищенского типа к кругу культур шнуровой керамики. Они находят прямые параллели в погребальном обряде и в некоторых типах медных украшений (Васильев И.Б., 1999). В то же время керамика значительно отличается от глиняной посуды фатьяновской, балановской или среднеднепровской культур. Она имеет более тонкие стенки, лощение и иной, отличный от вольско-лбищенской керамики, орнамент (Степанов П.Д., 1950; Бадер О.Н., 1963; Крайнов Д.А., 1972).

Памятники вольско-лбищенского типа в основном занимают территорию поволжской лесостепи и севера степной зоны. По мнению И.Б. Васильева, отдельные находки известны и в степных районах Волго-Уралья и Казахстана (Большой Дедуровский Мар, Тамар-Уткуль VII, Ветлянка, Новая Казанка, Кощалак, Кизыл-Молла, Кара-Худук, Капкан и др.) (Васильев И.Б., 2003. С. 107-115). В степной зоне носители вольско-лбищенского культурного типа вступали в контакт с занимающими на позднем этапе средней бронзы эту территорию позднеямными и катакомбными племенами.

Таким образом, на севере степного и в лесостепном Поволжье имеется своеобразная группа памятников вольско-лбищенского типа, которую невозможно отнести ни к одной из известных к настоящему времени археологических культур бронзового века, но в погребальных комплексах эта керамика представлена очень мало.

Вольско-лбищенское население, видимо, в некоторой степени синхронно раннеабашевскому населению более северных районов, о чем свидетельствуют отдельные близкие черты в керамике: примесь раковины, штриховая зачистка поверхности, отдельные элементы орнамента, а также находки мелких очко-

видных подвесок и близких по форме желобчатых подвесок в полтора оборота на абашевских и вольско-лбищенских памятниках. (Васильев И.Б., 2003. С. 114, рис. 2, 21-33).

В лесостепном и степном Поволжье вольско-лбищенское население, имевшее в основном северо-западные культурные связи, находилось в контакте с населением ямно-катакомбного и катакомбного мира, что видно на материалах курганного могильника Советское и Белогорского- I могильника. Очевидно, что вольско-лбищенские племена существовали в конце эпохи средней бронзы и на рубеже с позднебронзовым веком. Судя по пышной орнаментации керамики, отдельным керамическим формам и погребальному обряду, они могли повлиять на формирование культур позднебронзового века, в первую очередь, памятников покровского типа. Подтверждением этому является поселение Вишнёвое в г. Саратов, где среди срубно-абашевской (покровской) керамики имеются фрагменты с орнаментацией, аналогичной вольской (Дрёмов И.И., 1992. С. 74-86).

Анализ погребальных памятников, имеющих в комплексах инвентарь, датируемый поздним этапом средней бронзы, показывает, что степное Поволжье в конце средней бронзы было заселено преимущественно племенами волгодонской катакомбной культуры. Отличительной чертой нижеволжских погребений является незначительное содержание инвентаря, особенно металлических изделий. Погребальный обряд этих памятников неустойчив. Встречаются захоронения в подбоях и простых ямах, закономерности в ориентировках костяков не прослеживаются, что затрудняет их культурную и хронологическую интерпретацию. Выборочный анализ погребений по отдельным признакам может привести к ошибочным выводам, поэтому особое значение приобретают памятники, содержащие под одной насыпью большие серии захоронений с объединяющими их признаками. Наиболее массовые материалы позднего этапа средней бронзы происходят из Белогорских грунтовых могильников. Наряду с керамикой, широко распространённой в материалах катакомбных памятников Поволжья и Среднего Дона, они содержат отдельные сосуды с

признаками, получившими широкое распространение в керамике начала поздней бронзы: в раннеабашевских и покровских памятниках. Отдельные находки имеют прямые аналогии в материалах конца средней бронзы соседних регионов. Находки, противоречащие поздней датировке Белогорских могильников, отсутствуют. Не выбивается из этого ряда и посуда с элементами орнаментации керамики вольского типа. Планиграфия могильников позволяет объединять их в погребальные комплексы одного хронологического среза, поэтому их можно использовать как некоторый эталон волго-донской катакомбной культуры позднего периода. Кроме того, в последние годы были исследованы погребения с керамикой среднедонской катакомбной культуры позднего этапа, имеющей высокие раструбовидные шейки и орнаментированной налепными валиками. Это курганы могильников Большие Копёны, Большая Дмитриевка, Горбатый Мост, Паницкое-6, Жареный Бугор.

Хронологически примыкают к Белогорским могильникам комплексы из могильников Усть-Курдюм, Сабуровка, Чапаевка, Суворовский I, Крутец, Большая Дмитриевка, Мессер V, к. 4 и, возможно, Новая Квасниковка, к. 4, п. 5, 2. Погребальные обряды и инвентарь этих памятников включают все основные признаки катакомбной культуры, но элементы последующего времени здесь менее выражены. По названию могильника Усть-Курдюм, наиболее содержательного по количеству погребений и однородности материала, подобные погребения можно определить как комплексы усть-курдюмского типа. В них, как и в белогорских захоронениях, проявляются и катакомбные, и позднейшие черты, но наличие отдельно взятых признаков в отдельно взятых погребениях не является определяющим для датировки.

Кроме того, в степном Поволжье встречен ряд памятников с ямно-катакомбными погребениями, содержащими керамику или планиграфические данные, указывающие на возможность их поздней датировки. Так, например, в погребениях грунтового могильника Шумейка находилась и круглодонная, и плоскодонная керамика, причём в одном погребении совместно располагались типично ямный круглодонный горшок и плоскодонный баночный сосуд, кото-

рый вне этого комплекса можно было бы датировать позднебронзовым веком. К разряду ямно-катакомбных погребений с поздними признаками относятся комплексы из курганов и грунтовых могильников Советское, Шумейка, Калач-2, Светлое Озеро. Эти комплексы предшествуют погребениям позднего этапа средней бронзы степного Поволжья и волго-донской культуры, но, вероятно, стыкуются с ними хронологически и генетически.

ГЛАВА III. ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

§ III. 1. Погребальные комплексы начала поздней бронзы

Выделение погребальных комплексов, отражающих процесс формирования срубной культуры, связано с рядом сложностей. Материалы начала поздней бронзы, содержащие инвентарь, датируемый началом сейминско-турбинского хронологического горизонта, часто имеют в своём составе керамику с инородными для срубной культуры признаками. Чаще всего в керамическом комплексе этих памятников проявляются черты абашевской культуры – внутреннее ребро и желобки, выделяющие венчики, примесь толчёной раковины в составе глины. Известны погребения с керамикой, орнаментированной по всей поверхности стенок «ёлочным» узором, нанесённым штампом, что типично для катакомбной традиции. На некоторых памятниках встречаются несвойственные срубной культуре элементы погребального обряда: отклонения от северо-восточной ориентировки, положение скелетов не на левом боку, а на правом, изредка на спине; положение рук (или одной руки) не у лица, а у колен или у пояса; наличие красной краски. Конструкции могил могут иметь нехарактерные для срубной культуры подбои, ямы со ступеньками, бревенчатые перекрытия и др.

Не всегда возможно определить происхождение этих культууроопределяющих признаков. Отогнутые желобчатые венчики с уверенностью можно связывать со среднедонской или средневожской (то есть лесостепной) абашевской культурой, а «ёлочную» орнаментацию на керамике и подбои в могилах - с катакомбным наследием. Но такие признаки, как отклонения в ориентировках и позах погребённых, а тем более примесь в глиняном тесте толчёных раковин, могут быть как проявлением контактов с окружающим абашевским, синташтинско-потаповским, вольским населением, так и проявлением исчезающих традиций катакомбной и, опосредованной через катакомбников, ямной культуры.

В связи с этим ранними признаками в погребениях срубной культуры с

уверенностью можно считать находки ранних типов инвентаря (псалиев, бронзовых изделий и украшений), а также оформление могил подбоями и ступеньками и положение скелетов в позе «скачущего всадника». Иные проявления, встречающиеся в абашевских и синташтинско-потаповских комплексах, могут быть и хронологическими признаками, и чертами культуры, приобретёнными в результате контактов срубных племён с окружающим населением. Степень выраженности таких элементов может указывать не только на датировку комплексов, но и на интенсивность контактов. Поэтому для выделения наиболее ранних памятников начала поздней бронзы из всей массы погребальных комплексов срубной культуры и покровского типа в данной работе особое внимание уделено тем из них, которые имеют надёжные хронологические индикаторы.

По проявлению тех или иных признаков погребальные комплексы начала поздней бронзы степного Поволжья можно условно разделить на 2 группы:

- раннесрубные с катакомбными или синташтинско-потаповскими признаками;
- срубно-покровские с катакомбными и синташтинско-потаповскими признаками.

Вначале рассмотрим раннесрубные памятники с катакомбными или синташтинско-потаповскими признаками:

Грунтовый могильник «Смеловка» (рис. 25-29) (Лопатин В.А., 2010)

Могильник расположен на левом берегу Волги в 30 км к югу от г. Энгельс. Это один из крупнейших в степной зоне бескурганый погребальный памятник бронзового века. В Смеловском могильнике, относящемся к срубной культуре, проявляются черты предшествующего периода в наличии подбоев у некоторых могил и в инвентаре. Здесь исследовано 131 погребение, большинство из которых устроено в материке (109), и только у 22-х из них форма могильных ям не читалась.

По подсчётам В.А. Лопатина, большинство грунтовых могил (45,79%) имело прямоугольные формы, овальные ямы составили 19,62%, квадратные -

4,67%, округлые - 4,67%, трапециевидные - 5,6%, подбойные - 10,28%. Имеются и более сложные конструкции с тамбурами, подбоями, ступенями и заплечиками.

Формы могил в Смеловском могильнике также разнообразны. Преобладают подпрямоугольные конструкции, но встречаются и формы, нетипичные для срубной культуры, однако характерные для катакомбной: овальные, круглые ямы и могилы с подбоями и со ступеньками.

Овальные ямы имеют довольно представительную выборку, составляющую 19,62%. По оформлению стенок они тоже различаются. Кроме типичных вертикальных стенок, имеются могилы со стенками, сужающимися ко дну, и ямы, стенки которых оснащены заплечиками (ступенькой) по всему периметру.

В оформлении могильных ям Смеловского могильника от катакомбной культуры унаследован такой важнейший признак, как оформление могил подбоями и их имитациями в виде расширяющихся ко дну стенок. Последний вариант сравнительно представлен (10,28%). Ямы с классическими подбоями составляют 5,31%. Весьма различны такие могилы по формам входных ям (прямоугольная с округленными углами, овальная, круглая), по размерам и направленности подбоев, по наличию или отсутствию ступеньки и деревянного заклада, разделяющих входную яму и погребальную камеру. Отчетливо различаются 7 вариантов подбойных конструкций: прямоугольная яма со ступенькой и обширным подбоем в западной стене (6); овальная яма с широтной ориентировкой, короткой ступенькой и малым подбоем в северной продольной стене; прямоугольная яма со ступенькой, деревянным закладом и глубоким подбоем в восточной стене; круглая яма без ступенек, со стенками, значительно подбитыми по всему периметру; прямоугольная яма без ступенек, со стенками, значительно подбитыми по всему периметру; прямоугольная яма без ступеньки со значительно подбитой северной короткой стенкой; овальная яма без ступеньки со значительно подбитой восточной продольной стенкой.

Редкими являются круглые ямы (4,67%) и ямы со ступенькой в короткой стенке (2,8%). Ступеньки встречаются в ямах с округленными углами, прямоугольных и овальных ямах. Отличие наблюдается только в ориентировке продольных осей ям, в зависимости от которой местоположения ступенек становятся различными, и если рассматривать данный тип как реминисценцию подбойной конструкции, то это уже разные направления входа в погребальную камеру. Количество ям со ступеньками в продольных стенках невелико - 3,73%, ямы с тамбурами составляют 2,8% .

Сложные типы погребальных конструкций представлены в Смеловке с наибольшим количеством вариантов и, по-видимому, отражают процесс деградации подбойных могил от классических вариантов с подбоями, закладами и ступенями через сокращение размеров подбоя к бесступенчатым ямам с малыми подбоями и их имитациями. Возможно, дальнейшая линия нивелировки подбойной традиции выразилась в появлении простых ям со ступенями и тамбурами.

Ориентировки костяков по сторонам света также имеют большую вариативность. Среди них В.А. Лопатин выделил 13 направлений (Лопатин В.А., 2010. С. 12). Большинство имеет северное направление (29,75%). Далее следуют северо-северо-восточное (23,96%) и северо-восточное (19%), затем северо-северо-западное (9,91%) и северо-западное (5,78%). Менее типичны юго-западное (2,47%), восточное, северо-восточное-восточное, юго-восточное-восточное, юго-юго-восточное (по 1,65%) и еще менее – строго западное, юго-юго-западное и юго-восточное (по 0,82%). В представленной шкале явно преобладают ориентировки в северный и северо-восточный секторы «розы ветров» (в целом 72,71%).

В подавляющем большинстве комплексов были точно установлены положения скелетов. Лишь в единичных случаях, исключительно в детских захоронениях, этого не удалось сделать, в силу плохой сохранности или перемещения костей землероями. В.А. Лопатин выделил в Смеловке 6 основных положений скелетов с различной вариативностью, что также свидетельствует о

неустойчивости погребального обряда. Преобладает положение костяков на левом боку (115). На правом боку погребены 3 умерших, на спине - 1, на груди - 3. В 117 захоронениях скелеты лежали скорченно, и лишь в одном, коллективном погребении № 34, скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине.

Подавляющее большинство в могильнике составляют захоронения со скелетами, скорченными на левом боку (71,29%), а также скорченными на левом боку с завалом на грудь (17,59%). Здесь выделены 5 вариантов, которые различаются только положением рук: классическая для срубной культуры «поза адорации» с руками перед лицом; нарушенная «поза адорации», в которой левая рука перед лицом, а предплечье правой руки лежит на левом плече; нарушенная «поза адорации» - левая рука перед лицом, правая выставлена вперед и протянута кистью к левому локтю; классическая для степных культур средней бронзы «поза скачущего всадника» с руками, подогнутыми в локтях и протянутыми к коленям; нарушенная «поза всадника» - обе руки протянуты к коленям, но их положение имеет различные вариации.

Скорченное положение на правом боку составляет всего 2,77%. Здесь отмечены 2 варианта, различающиеся положением рук.

Скорченное положение на груди также составляет всего 2,77%. Зафиксированы 3 варианта, различающиеся положением головы, рук и ног.

Положение костяков на спине также в процентном соотношении немногочисленно, но вариативно по степени скорченности (от сильной до почти вытянутого положения), а также позициям рук и ног: скорченная поза, при которой руки согнуты в локтях, а кисти перекрещены в области груди, ноги подогнуты в коленях влево; скорченная поза, при которой ноги подогнуты в коленях влево, левая рука у головы, а кисть правой руки протянута вдоль бедра к коленям; вытянутая поза, при которой левая рука протянута вдоль корпуса, правая слабо согнута, кисть на поясе, голени скрещены.

Близкое типам 1 и 2 положение на левом боку с завалом на спину также составляет 2,77% (Лопатин В.А., 2010. С. 55-60).

Такое разнообразие форм и конструкций могил, а также поз и ориентировок погребённых говорит о неустойчивости погребального обряда, что может свидетельствовать о функционировании могильника в период оформления основных, типичных для срубной культуры погребальных традиций. Для сравнения можно привести материалы могильника развитого периода с «классической» острорёберной срубной керамикой у с. Генеральское, где все 7 захоронений имели строго выдержанную «срубную» ориентировку на северо-восток и позу адорации (Памятники срубной... 1993. С. 158).

В керамическом комплексе В.А.Лопатин выделяет:

- острорёберные сосуды с прямым плечом;
- острорёберные сосуды с вогнутым плечом;
- острорёберные сосуды с выпуклым плечом;
- округлобокие сосуды с максимальным расширением в верхней трети общей высоты;
- округлобокие сосуды с короткими вертикальными венчиками, у которых диаметр устья равен диаметру шейки;
- округлобокие сосуды с короткими отогнутыми наружу венчиками, у которых высота венчика меньше высоты плеча;
- округлобокие сосуды с высокими отогнутыми наружу венчиками, у которых высота венчика примерно равна высоте плеча;
- реберчатые (биконические) банки;
- баночные сосуды с вертикальной стенкой и максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова;
- закрытые баночные сосуды, у которых диаметр устья меньше максимального расширения тулова;
- баночные сосуды с максимальным расширением в средней части тулова;
- открытые баночные сосуды.

Прочий инвентарь представлен орудиями труда и украшениями из бронзы, пасты, сурьмы, кости.

К орудиям труда отнесены: бронзовое шило из погребения 35; костяная проколка из погребения 54, набор (7 экземпляров) костяных вязальных спиц из погребения 57; фрагмент бронзовой швейной иглы из погребения 124. Датированных предметов нет.

Украшения представлены бронзовыми браслетами, сурьмяными, пастовыми и костяные бусами, бронзовыми височными подвесками, бронзовыми обоймами; тремя бронзовыми наколками.

К наиболее ранним комплексам автор раскопок относит погребения, выделенные им в 1 обрядовую группу, куда попали могилы овальные, округлые, прямоугольные, с подбоями, со ступенями. Погребённые ориентированы на северо-восток, восток, юго-восток, юго-запад, север, запад. Позы также разнообразны – в основном скелеты лежат на левом боку с завалом на грудь или спину и имеют неустойчивое положение рук. В погребениях только 2 сосуда, три бронзовые обоймы, есть кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади, следы огня. Скучный погребальный инвентарь характеризует указанные комплексы как «аскетичные». Заметна взаимосвязь безынвентарности погребений с нетипичностью погребальных сооружений для срубной культуры (Лопатин В.А., 2010. С. 70-73). Кроме этих комплексов, к наиболее ранним можно отнести погребения с типологически ранней керамикой, украшенной в верхней части «ёлочной» орнаментацией.

Грунтовый могильник «Калач-1» (рис. 30) (Тихонов В.В., 1996. С. 37-52; 1997. С. 63-71; 2003. С. 3-9).

На могильнике выявлено 50 погребений срубной культуры. Большинство из них имеет традиционные срубные черты. Преобладает северо-восточная ориентировка костяков в позе адорации, простые ямы. Здесь встречено одно погребение в подбое, имеются могильные ямы со ступеньками. Могилы расположены не строго выдержанными рядами.

Керамика здесь в большинстве случаев представлена простыми банками без орнамента, но серия профилированных орнаментированных сосудов по-

зволяет относить их к раннему этапу срубной культуры. Некоторым сосудам находятся достаточно близкие петровские и потаповские аналогии.

Курган «Мурманский» (рис. 31) (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. С. 130-139).

Одним из наиболее известных памятников срубной культуры с признаками катакомбной обрядности является Мурманский курган. Все 4 погребения этого кургана имели подбои. При этом остальные элементы обряда – скорченность на левом боку, поза адорации, северная и северо-северо-восточная ориентировки – вполне укладываются в традиции срубной культуры. Найденные здесь баночные сосуды и желобчатые бронзовые подвески также характерны для срубной культуры, но браслеты из плоской ленты без желобков являются наследием катакомбной культуры. Поэтому «...их погребальный обряд и инвентарь указывают на принадлежность к одной из самых ранних групп срубных памятников Заволжья» (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. С. 138).

Курганный могильник «Золотая Гора» (рис. 32) (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006.).

Хорошо известна, благодаря яркому инвентарю и хорошей публикации, курганная группа Золотая Гора (Юдин А.И. и др., 1996. С. 119-139; Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006). Этот памятник имеет особое значение для решения проблемы формирования срубной культуры благодаря содержащемуся в нём богатому инвентарю, включающему псалии, близкие потаповским и синташтинским, в сочетании с типично срубным погребальным обрядом и со срубной керамикой без выраженных абашевско-покровских черт.

Могильник насчитывает 6 курганов, сооружённых в эпоху бронзы. В них содержалось 52 срубных погребения. Каждый курган является однокультурным комплексом с одновременными или хронологически близкими захоронениями. Авторы раскопок и публикации памятника сделали справедливое заключение о хронологическом единстве всего могильника на основании следующих признаков: единая поза погребённых в экстраординарных и рядовых погребениях; преобладание северо-восточной ориентировки, а также структу-

ры насыпи и формы выкида во всех курганах; подавляющая часть погребений – основные, насыпь над ними возводилась в один приём; во всех могилах одинаково располагается инвентарь, совпадает погребальная пища.

Степень скорченности в основном средняя, в 3 случаях сильная и в 2 слабая. Причем все три варианта представлены во взрослых погребениях кургана 3. В крупных могильных ямах скелеты располагались ближе к западной стенке, в остальных залегали по центру. Из 52 погребений взрослым принадлежат 14 (15 скелетов, так как одно погребение парное), т.е. около 28 %, остальные - детям и подросткам.

Ориентировка погребенных разнообразна, но преобладают направления черепов в северо-восточный сектор круга: юго-восток - 1, восток - 4, восток-северо-восток - 4, северо-восток - 26, северо-северо-восток - 7, север - 1, северо-северо-запад - 4, северо-запад - 2, запад-юго-запад - 1, юго-запад - 1.

Встречаются кости животных (барана, кабана, путовые кости лошади), камышовые подстилки, зола, угли и деревянные перекрытия, причём в одном случае надмогильное перекрытие поддерживалось маточными бревнами и 9 опорными столбами.

Найденный в курганах инвентарь: керамика, бронзовые ножи, костяные изделия (особенно псалии) позволяют рассматривать весь могильник как единый раннесрубный комплекс.

Курганный могильник «Кочетное» (рис. 32) (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006).

Материалы курганной группы у с. Кочетное А.И. Юдин и А.Д. Матюхин также относят к раннему этапу срубной культуры. Наиболее выразительным на этом памятнике является курган 7, где найден неординарно большой кенотаф, содержащий два бронзовых ножа, серп и деревянный сосуд в форме лодки (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006).

Далее обратимся к срубно-покровским погребениям с катакомбными и синташтинско-потаповскими признаками:

Курганная группа «Широкий Карамыш-2», к. 4 (рис. 33) (Дрёмов И.И., Тихонов В.В. и др., 2005. С. 20 - 35).

В Широком Карамыше-2, к. 4 содержались выразительные материалы с покровскими и катакомбными признаками. Большинство посуды из данного кургана имеет покровские черты, но здесь же встречены два сосуда, украшенных до дна «ёлочным» орнаментом. Главным своеобразием этого кургана является его планиграфия. Курган обнесён ровиком глубиной до 0,6 м в материке. Все тризны с инвентарем и все погребения с инвентарём расположены в ровике. Во внутреннем пространстве кургана найдены лишь неглубокие небольшие и, вероятно, впускные безынвентарные могилы. В центральной части насыпи фиксировался мощный материковый выкид, происходящий, как выяснилось, из ровика, так как в центре кургана не было настолько крупных могильных ям, чтобы образовать такой мощный выкид. В западной части ровика найдены 4 погребения и 4 тризны. Погребения 6, 8 и 9 представляли собой расширения и углубления в ровике. Они же содержали наиболее престижный инвентарь: 2 ножа, подвеску в 1,5 оборота, обломок каменного топора, посуду. В п. 9 имелись 4 разных сосуда – абашевский сосудик с крышкой, два горшка с внутренними желобками на венчике и округлобокий горшок с закрытым устьем срубного вида, украшенный до дна «ёлочным» орнаментом. Необычно то, что ровик имел ответвление на запад, которое оканчивалось ещё одним погребением (п. 10). В могиле с заплечиками, достигавшей глубины около 2 м в материке, лежал скелет в позе «скачущего всадника» черепом на восток на левом боку. Инвентарь отсутствовал. Типологически данное погребение можно отнести к катакомбной культуре или КМК. По всем признакам это захоронение должно быть наиболее древним и основным в кургане, но оно располагалось за его пределами и было соединено с курганом ровиком. Характерно, что в этом отрезке соединительного ровика располагались три тризны, в двух из которых находились горшки покровского типа (тр. 3, 4), а в одной стоял сосуд, который типологически можно отнести к волго-донской катакомбной культуре (рис. 3, тр. 2). Он орнаментирован под венчиком рядами треугольных наколов, а ниже

«ёлочкой», выполненной зубчатым штампом. В глине шамот.

Данный курган весь можно рассматривать как единый закрытый комплекс. Погребение 10, судя по обряду и конструкции могилы, являлось наиболее древним. Потом был сооружён ровик с погребениями и тризнами и соединен ответвлением ровика с остальным курганом. Весь комплекс был перекрыт единой насыпью, несколько вытянутой в широтном направлении. Неразрывная связь между погребением средней и материалами поздней бронзы здесь представляется очевидной.

Курганная группа «Терновка», курган 4 (рис. 33) (Памятники срубной культуры..., 1993. С. 135, 136, табл. 5, 11-19, табл. 6, 1-15).

Памятник расположен в левобережье Волги. В кургане найдено 18 впускных погребений в насыпи и одно в прямоугольной яме. Все скелеты в насыпи лежали на левом боку, скорченно, один скелет в грунтовой могиле покоился на спине головой на север, левая рука положена к лицу, правая – поперёк туловища. Преобладала ориентировка костяков на северо-восток (7), север (5) и северо-северо-восток (3). Черепом на северо-северо-запад лежал 1 скелет, на юго-восток – 2. Руки, там, где это прослеживалось, положены кистями к лицу (8), в одном случае одна рука у лица, другая у локтя. В целом курган характеризуется стандартным погребальным обрядом для раннесрубных и покровских погребений, но с некоторыми отклонениями в позах и ориентировках. В керамике преобладают баночные сосуды, а также посуда с округлённым ребром и отогнутой верхней частью венчика, но без внутренних желобков.

Три горшка украшены «ёлочкой», выполненной штампом, причём два из них орнаментированы до дна, один в верхней части. Два ножа из п. 8 и п. 10 имеют едва намечающиеся перекрестия. Характерное для абашевских ножей змеевидное или ромбическое окончание черешка отсутствует. В этих комплексах покровские черты проявляются главным образом в отогнутости верхней части венчика. Катакомбные реминисценции заметны в орнаментации посуды «ёлочкой».

Курган «Дубовый Гай» (рис. 34) (Юдин А.И., 2007 А; Археологические памятники..., 2010. С. 134-155).

Ещё один комплекс с псалием, аналогичным потаповско-синташтинским, найден в 2006 г. в кургане у с. Дубовый Гай в Хвалынском районе (раскопки А.И. Юдина). Здесь, кроме псалия, в п. 4 найдены 2 бронзовых ножа, 9 кремнёвых и 1 костяной наконечники стрел, костяные пронизки и керамика покровского типа. В других погребениях содержалась как покровская, так и срубная керамика. Здесь встречена характерная планиграфия – большая могила по центру и три рядовые могилы в стороне, все основные (рис. 34).

Курган Дубовый Гай весьма показателен в плане формирования срубной культуры в Саратовском Поволжье. Этот комплекс по обряду захоронения умерших и погребальному инвентарю является одним из наиболее ранних памятников эпохи поздней бронзы.

Курган у с. Дубовый Гай к концу XX века имел высоту до 3-х метров и диаметр до 50 м, но к моменту раскопок насыпь была уничтожена при строительстве железнодорожного пути. Тем не менее, в процессе исследования кургана было определено, что все четыре погребения являются основными, так как сохранились материковые выкиды на уровне погребенной почвы. Относительная одновременность всех захоронений под насыпью представляется принципиально важной.

Скелет в обширном центральном погребении № 4 (длина могильной ямы 4,4 и ширина до 3,35 м) с бревенчатым перекрытием лежал на спине, вытянуто, что характерно для подобных захоронений доно-волжской абашевской культуры. Два керамических сосуда с характерным желобком по шейке, украшенные по стенкам неровными желобками, совершенно определенно могут быть сопоставлены с керамикой доно-волжской абашевской культуры. Богатый комплекс воинского инвентаря (9 кремневых наконечников стрел, бронзовые ножи и стрекало) свидетельствует о неординарности данного погребения. Такие наборы предметов обычно считаются показателями социально выделенных погребений начального этапа поздней бронзы в широких территори-

альных пределах. Особенно характерно наличие в комплексе рогового щиткового псалия подпрямоугольной формы со вставными шипами и выделенной планкой вкупе с 10 шипами от псалиев и 2 костяными втулками, которые, возможно, происходят от деревянных псалиев. Погребение также сопровождалось жертвенной пищей, берестяным «туеском» округлой формы и др. предметами.

Три остальные могилы имеют «стандартные» размеры. В двух из них вдоль стенок могильных ям сохранились двухвенцовые срубы из колотых бревен и бревенчатые перекрытия, но погребенные лежали уже не на спине, а скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Они, как и в погребении 4, сопровождалась керамикой, находящей аналогии в поздней доно-волжской абашевской культуре. Четыре сосуда из трех погребений кургана Дубовый Гай отвечают всем канонам доно-волжской абашевской культуры: колоколовидность формы, примесь толченой раковины в тесте глины, характерная орнаментация - широкие горизонтальные прочерченные линии и косо-вертикальные борозды.

Но в периферийных погребениях также имеется своеобразие. Это керамика из погребения 2: сосуд с легким уступчиком по плечу и миниатюрный сосудик. Первый сосуд находит широкие территориальные аналогии как в позднекатакомбных памятниках, так и раннесрубных (Юдин А.И., 2007 А). Культурное определение второго сосудика вряд ли возможно вне комплекса. Возможно, он является имитацией миниатюрных острорёберных абашевских сосудов, но в выдержанных срубных традициях. Комплекс кургана Дубовый Гай относится к раннему этапу поздней бронзы (Дрёмов И.И., 2010. С. 153-157)

Курган «Новояблоновка» (рис. 34) (Юдин А.И., 2007 А; Археологические памятники..., 2010. С. 119-133).

Курган содержал захоронения, типичные по погребальному обряду для раннесрубных и покровских памятников. Здесь найдены 3 основных погребения с большим набором инвентаря, включающего раннесрубную и покровскую керамику. Один сосуд был украшен до дна «ёлочным» орнаментом.

Имеющийся в кургане инвентарь позволяет относить его к ранним покровским с катакомбными признаками (Дрёмов И.И., 2010. С. 153-157).

Курганный могильник «Низовка» (рис. 35-37) (Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007. С. 146).

В могильнике раскопано 6 курганов, содержащих погребения с покровской и раннесрубной керамикой. Особенно характерна посуда из кург. 5, погр. 3 Низовского могильника. Это захоронение по своим обрядовым признакам ничем не выделяется из массы срубных погребений с северо-северо-восточной ориентировкой и позой адорации на левом боку. Но найденный в нём инвентарь позволяет уверенно датировать его ранним периодом поздней бронзы. Желобчатые подвески, браслет, а также сурьмяные ромбические и треугольные подвески характерны только для покровских и раннесрубных комплексов (Литвиненко Р.А., 1996. С. 99). Но главным отличием этого памятника является наличие сосуда, орнаментированного подтреугольным валиком, указывающим на позднекатакомбные традиции.

Курган «Советское-Энгельс» (рис. 38) (Дрёмов И.И., Семёнова И.В., 1999. С. 55-63).

Курган расположен в степном Заволжье на границе Советского и Энгельского районов. В нём выявлены 3 погребения эпохи бронзы. В центре насыпи располагалось безынвентарное захоронение в подбое со скелетом, лежавшим в позе «скачущего всадника» с северо-восточной ориентировкой (п. 6). К юго-востоку от него находились 2 погребения (п. 3, п. 4) в простых ямах с северо-восточной ориентировкой в позе адорации. С ними встречены богато орнаментированные сосуды, не имеющие прямых аналогий, но сопоставимые по стилю орнаментации с потаповскими и вольско-лбищенскими.

Приведённое описание памятников не исчерпывает всего объёма погребальных комплексов, относимых различными авторами по тем или иным признакам к раннесрубным или покровским. К раннему этапу поздней бронзы может быть отнесено подавляющее большинство погребений с богатым воинским инвентарём и инсигниями власти. Для поволжских степей характерно,

что в керамике таких комплексов в большинстве случаев проявляются абашевские или покровские черты. Наметившаяся в литературе тенденция вычленять эти материалы из срубной культуры и выделять их в покровскую культуру необоснована, так как по всем основным характеризующим признакам они соответствуют критериям срубной культуры. Естественно рассматривать комплексы покровского типа как погребения выделенной социальной верхушки срубного общества (Пятых Г.Г., 2000. С. 16-20). В связи с этим само по себе наличие в погребениях покровских черт не является обязательным хронологическим показателем, указывающим на их более раннюю по отношению к срубным датировку.

В задачи данной работы не входит создание периодизации памятников поздней бронзы. Такие исследования уже существуют (Качалова Н.К., 1979; 1985; Лопатин В.А., 1992; Малов Н.М., 2001 и др.), а внесение корректив в существующие схемы – это задача отдельной работы, требующей привлечения значительно большего круга источников. Осмыслению памятников покровского типа посвящено большое количество исследований, показывающих, что погребения с престижным инвентарём и покровскими признаками имеют в своём составе как предметы, аналогичные синташтинско-потаповским, так и отличающиеся от них более развитыми формами.¹ Особенно это касается псалиев, часть из которых имеет заметные усовершенствования, по сравнению с синташтинскими, и является парадной формой инвентаря. Это может свидетельствовать об их типологическом развитии и о ритуальном предназначении в погребениях (Дремов И.И., 1999 А). Поэтому характеристика памятников раннего этапа поздней бронзы ограничена объектами, имеющими признаки как предыдущего археологического периода, то есть катакомбной культуры, так и наиболее ранние типы инвентаря эпохи поздней бронзы.

¹ Специальное исследование покровских памятников проведено Н.М. Маловым в обобщающей диссертационной работе, посвящённой этой проблеме, где сведены воедино все важнейшие источники и рассмотрены основные проблемы этой концепции (Малов Н.М., 1992).

§ III. 2. Характеристика и сопоставление погребений начала поздней бронзы

Выделение наиболее ранних памятников эпохи поздней бронзы степного Поволжья и их хронологическое соотношение с комплексами других регионов имеет большую историографию, но до настоящего времени остаётся дискуссионным. Очевидно, что проблема перехода от эпохи средней бронзы к поздней в степной зоне Поволжья напрямую связана с вопросами происхождения срубной культуры и хронологического взаимоотношения полтавкинских, катакомбных, срубных, срубно-абашевских и покровских памятников. Учить и охватить весь круг погребений срубной культуры, покровских и синкретических комплексов становится всё сложнее, так как материалы этого времени увеличиваются с каждым годом. Вектор концепций, порою взаимоисключающих, тоже увеличивается. Основные направления мысли можно свести к нескольким основным позициям:

1 – срубная культура лежит в основе культурогенеза эпохи поздней бронзы, затем появляются синкретические срубно-абашевские памятники, вытесняемые в дальнейшем чисто срубными материалами развитого этапа. В этом случае в качестве подосновы срубной культуры могут выступать полтавкинские, катакомбные, потаповские племена – все предшествующие срубной культурно-исторической общности образования, кроме абашевской. Действительно, для того, чтобы появились синкретические срубно-абашевские памятники, должны были сформироваться как абашевская, так и срубная культуры;

2 – срубная культура сформировалась на основе покровской в результате сложных процессов взаимовлияния культур эпохи средней бронзы, а в дальнейшем развитие покровской культуры привело к сложению срубной. При таком подходе напрашивается вывод, что наиболее ранние памятники покровской культуры будут иметь более выраженные абашевские черты, а в процессе развития они должны размываться. Иными словами: чем больше абашевских элементов на памятнике, тем более ранним временем он должен датироваться, а на развитом этапе срубной культуры эти элементы полностью исчезают;

3 – раннесрубные и покровские памятники появились в одно время, и именно они маркируют начало позднебронзового века в степном Поволжье. Наличие и степень выраженности культурных признаков времени, предшествующего эпохе средней бронзы, связано со степенью участия различных групп населения в возникновении конкретных памятников. Раннесрубные и покровские памятники сосуществуют на первом этапе поздней бронзы, а в дальнейшем абашевские черты изживаются;

4 – на рубеже средней и поздней бронзы существуют памятники переходного периода, послужившие основой сложения срубной культуры. Их выделение затруднено относительной безынвентарностью и редким наличием инвентаря, определяющего культурную и хронологическую принадлежность.

Первая точка зрения была сформулирована Н.К. Качаловой в 70-х годах XX века. Она проанализировала заволжские курганы, содержащие большое количество погребений бронзового века и имеющие сложную систему ровиков, свидетельствующих о достройке насыпей в течение всей эпохи. Рассмотрев горизонтальную стратиграфию таких курганов, Н.К. Качалова выделила бережновский горизонт срубных погребений, предшествующий, по её мнению, покровским памятникам (Качалова Н.К., 1978; 1979). Случаи прямой стратиграфии в степном Поволжье между комплексами эпохи поздней бронзы крайне редки и малоинформационны. Поэтому выделение раннесрубных погребений было основано на примерах горизонтальной стратиграфии. Классификационной основой бережновского горизонта послужили признаки погребально-обрядового обряда, отличные от стандарта срубной культуры, а именно: восточная ориентировка, различия в положении рук, правобочность и др. Особенности инвентаря и наличием в артефактах признаков предшествующих культур эти выводы не подтверждались. Ненадёжность построений периодизации на основании стратиграфических наблюдений без учёта инвентаря уже отмечалась во II главе данной работы при интерпретации грунтовых могильников Белогорское I и II, где были встречены случаи прямой стратиграфии между комплексами хронологически близкими, но с разными обрядовыми признаками.

Вторая концепция обоснована Н.М. Маловым. По его мнению, раннесрубным материалам предшествуют памятники покровской культуры. Он отмечает, что «достаточно давно, в основном, по неопубликованным архивным отчётам, стали накапливаться стратиграфические наблюдения, указывающие на то, что некоторые погребения покровского культурного типа, являющиеся основными, перекрываются срубными или являются впускными по отношению к ним». При отсутствии случаев обратной стратиграфии, отмечается стратиграфическая и хронологическая одновременность отдельных комплексов; делается вывод, что, согласно курганной стратиграфии, покровская культура должна предшествовать срубной, а затем какое-то время поздние памятники покровской культуры должны были сосуществовать с раннесрубными (Малов Н.М., 2007. С. 42).

Третья точка зрения основана на материалах, содержащих такие ранние признаки, как наличие псалиев, аналогичных синташтинским или потаповским, керамики с «ёлочной» орнаментацией до дна, деревянных сосудов, костяных пряжек ранних типов, устройства могил с подбоями и др. Тезис о синхронности раннесрубных и срубно-абашевских погребений Заволжья был сформулирован ещё в 1984 г. Г.Г. Пятых, когда доминировало мнение о приоритете раннесрубных – бережновских памятников над срубно-абашевскими. Сделав вывод о происхождении деревянной посуды в срубных погребениях Поволжья от КМК, он указал на деревянные чаши с бронзовыми обкладками как на индикатор раннего времени для срубных и срубно-абашевских погребений (Пятых Г.Г., 1984. С. 152). Концепция двух параллельных линий развития – срубной и покровской в начале поздней бронзы – подтверждается материалами погребальных комплексов, исследованных в последние годы. На раннем этапе существования срубной культуры мы имеем мозаичную картину. С одной стороны, это инокультурное – абашевское и синташтинско-потаповское влияние, с другой – ряд традиций, унаследованных от предыдущего периода, то есть от катакомбной культуры.

Четвёртая концепция выражена в работах В.В. Отрощенко, Э.С. Шара-

футдиновой и других авторов. В соответствии с ней, на рубеже средней и поздней бронзы существуют памятники переходного периода, которые в силу различных обстоятельств в археологических материалах трудноопределимы (Мимоход Р.А., Отрощенко В.В., Цимиданов В.В., Шарафутдинова Э.С. и др.).

Известен уже целый ряд раннесрубных памятников, которые не имеют покровских (абашевских) черт в керамике или они настолько невыразительны, что их срубная культурная принадлежность не вызывает сомнений. При этом по инвентарю и погребальному обряду эти памятники могут быть отнесены к рубежу средней и поздней бронзы или к началу позднего бронзового века. Среди них есть памятники без покровских (абашевских) элементов в оформлении керамики и с покровскими чертами. Так как в работу включены только объекты с наиболее ранними признаками, которые можно с наибольшей степенью уверенности относить к началу поздней бронзы и срубной культуры, вопрос об их хронологическом соотношении здесь не поднимается. В реальности некоторые из них могли существовать немногим ранее или позднее, но для такой градации имеющиеся источники информации не содержат. Степень выраженности покровских признаков на этих памятниках не является эталоном для определения их относительной хронологической позиции.

Наличие в погребальном обряде и инвентаре индикаторов, определяющих катакомбную культуру, при абсолютном преобладании всех остальных элементов срубной культуры позволяет трактовать их как наиболее ранние памятники срубной культуры начала поздней бронзы.

В Смеловском могильнике, по мнению автора раскопок В.А. Лопатина, ярко проявляется своеобразие местного локального варианта культурогенеза поздней бронзы. Здесь этот процесс рельефно выражается в генетических корнях формирования наиболее ранних материалов срубной культуры, которые представляются автохтонными, а покровский компонент инокультурным, принявшим участие в дальнейшем сложении срубной культуры (Лопатин В.А., 2010. С. 70-77).

В.А. Лопатин, автор исследования этого выдающегося по объёму информации памятника, предполагает его длительное существование и делит развитие некрополя на несколько фаз. Наиболее ранние смеловские захоронения он сближает по времени с погребениями «криволукского типа» и считает, что по данным радиоуглеродного датирования, стык этих генетических компонентов мог произойти не позднее XVII в. до н. э. (по максимально верхним датам криволукского комплекса Паницкое-6, 4/3) (Мимоход Р.А., 2007. С. 38). В этот же период (XVIII-XVII вв. до н. э.) укладывается время появления наиболее ранних (по C14) покровских захоронений в непосредственной близости от Смеловки - в Терновском могильнике (Малов Н.М., 2003. С. 196).

Одной из характерных черт Смеловского могильника является наличие комплексов подхоронений. Это особая категория короткой хронологической преемственности погребений в рамках монокультурной обрядности. Они совершаются целенаправленно на край или в створ предкового погребения с целью максимально приблизить потомка к предку. В Смеловке выделяется ряд таких комплексов, где выявляются случаи подхоронений. Как и в погребениях катакомбной культуры, это не случайное совмещение разновременных погребений по вертикали, не просто прямая стратиграфия, поскольку более поздние подхоронения ни разу не нарушили здесь нижележащие объекты. Учитывая важность данного аспекта погребального обряда, выявленного В.А. Лопатиным в Смеловском могильнике, остановимся на этом подробнее.

Исследованные здесь В.А. Лопатиным случаи подхоронений сводятся к трём разновидностям: подхоронения к центральному в группе могил погребению в подбое; подхоронения в створ могилы; подхоронения к краю могилы (Лопатин В.А., 2010. С. 125-127).

В Смеловском могильнике им отмечены подхоронения к центральному в группе могил погребению в подбое посредством добавления детских погребений (34-Б, В, Г) с расширением котлована (погребения 55 и 56 дохоронены к погребению 54).

Имеются подхоронения в створ предковой могилы: погребение мужчины 18 добавлено к погребению более молодого мужчины 20; парное детское захоронение (п. 108) адресовано женскому погребению 30-40 лет; детское погребение (п. 40) совмещено с мужским погребением 24.

Часть подхоронений на Смеловском могильнике размещена на краю предковой могилы: женское погребение п. 32 в возрасте 20-25 лет адресовано погребению пожилой женщины старше 55 лет (п. 33). Оно частично перекрывает свод неглубокого подбоя старшего захоронения. Детское погребение (п. 77) устроено на краю погребения подростка из п. 78, как и в случае с подхоронением ребёнка из п. 40.

Использование одной и той же могилы для захоронения членов родственного коллектива умерших в разное время известно в Поволжье, как минимум, с энеолита и практикуется в наши дни. Многоярусные погребения Хвалынского энеолитического могильника составляют значительную группу (60 костяков). Половозрастная, имущественная или хронологическая дифференциация между ними не прослеживается (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. С. 63-66). По сути, ярусные погребения Хвалынского могильника являются дохоронениями без нарушения ниже лежащих скелетов.

В эпоху бронзы получила распространение катакомбная конструкция могил. Катакомбы, являющиеся склепами, могли дополняться новыми захоронениями неоднократно. На Северном Кавказе имеются могилы бронзового века, использовавшиеся для погребений многими поколениями на протяжении длительного времени. Среди погребений великентской культуры, поражающих своей величиной и объёмом материала, в некоторых случаях достоверно прослежена катакомбная конструкция погребальных памятников (Магомедов Р.Г., 2000). 1

¹ Этот пример приводится не в плане сопоставления Великентских катакомб с нижневожскими в культурном или генетическом аспекте. Их различия настолько велики, что не требуют комментариев. Поиски происхождения самой идеи строительства катакомб в предгорьях Северного Кавказа как имитации пещер или дольменов давно существуют в археологической литературе (Кияшко В.Я., 1979). Великентские погребения являются самыми южными катакомбами бронзового века Северного Кавказа, и объяснимо желание через них

Иной аспект приобретают подхоронения в могилы ямной конструкции без перекрытий, образующих склеп и в засыпанные катакомбные могилы. В этом случае подхоронение совершается в створ существующей могильной ямы, контуры которой могут быть при этом нарушены.¹

Следует отметить, что ряд погребений Смеловского могильника, по всей вероятности, являлся склепами, сооружёнными из недолговременных материалов. В.А. Лопатин обозначил их как мавзолеи (Лопатин В.А., 2010. С. 106-108). Эти сооружения выделяются своей конструкцией и наличием в них подхоронений. Характерно, что и на Белогорском-I могильнике зафиксирован, как минимум, один комплекс в простой яме, который, безусловно, являлся склепом с несохранившейся наземной конструкцией. Выше, в описании этого памятника, отмечалось, что погребение 10 было помещено в могилу погребения 9, не нарушая её контуров. При этом череп предшествующего погребённого был перемещён ему на грудь, а остальные кости не потревожены. На Белогорских могильниках встречены и другие способы подхоронений, аналогичные смеловским, о чём было сказано выше. Эта черта погребального обряда, как и оформление пространства могильника ровиками, содержащими погребения, объединяет их. Можно согласиться с автором исследования Смеловского могильника, который относит его ранние комплексы (1 обрядовая группа) к начальной фазе культурогенеза срубных племён (Лопатин В.А., 2010, С. 70-77).

Грунтовый могильник Калач-1 также имеет признаки начала поздней бронзы (рис. 30). Во время международной научной конференции, посвящён-

связать катакомбный погребальный обряд с дольменами (Рысин М.Б., 1990. С. 24, 25). Попытка объединения катакомбных культур с культурой дольменов Западного Кавказа в «дольменно-катакомбную общность», как и мысль А.В. Кияшко о параллельности реализации идей (в частности, склепа) в сооружении дольменов и катакомб (Кияшко А.В., 1999. С. 80, 177) подвергнута детальному разбору и критике В.И. Марковиным (Марковин В.И. 2000. С. 36, 37).

¹ Такой процесс можно наблюдать и на современных кладбищах. Когда могильщик копает могилу для подхоронения, он, разумеется, не ставит перед собой задачу выявить и сохранить в неповрежденном виде стенки могилы, как это делал бы археолог. Он стремится к тому, чтобы не разрушить предыдущие останки. Если же дело происходит на давно заброшенном и забытом участке кладбища, то с останками неизвестного покойника он не церемонится.

ной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау, проходившей в Энгельсском краеведческом музее в 1997 г., керамика могильника Калач-1 была выставлена и являлась темой отдельного обсуждения после доклада В.В. Тихонова. Т.М. Потемкина отметила, «...что один из сосудов со Смеловского могильника отражает не просто алакульское влияние... Даже характер его лепки типично алакульский, хотя глина местная. У другого сосуда форма и орнаментация ближе к петровской керамике, хотя манера нанесения орнамента более размашистая - срубная». Она отметила наличие раннеалакульских и петровских признаков, но не признала близости этой керамики к синташтинской посуде (Эпоха бронзы..., 1997. С. 141-142). При этом Т.М. Потёмкина заметила, что петровские и синташтинские древности - не одно и то же. Эти культуры отличаются по ряду показателей, прежде всего, по территориальной локализации и слагающим компонентам, степени участия последних в генезисе культур. Вероятно, и время существования синташтинских и петровских комплексов не совпадает полностью. Становление Синташты относится к более раннему времени. Судя по последним публикациям, первооткрыватель и исследователь классических синташтинских и петровских памятников Г.Б. Зданович также пришел к подобным выводам (Эпоха бронзы..., 1997. С. 141-142).

О.Д. Мочалов указал ряд очень близких аналогий в керамике Потаповского и Утёвского могильников (горшки с вертикальной «елкой» и ромбами), Алексеевского-2 могильника. «Одному сосуду из Калача есть аналогия в Потаповском могильнике. Всё это отражает процесс формирования срубников, то есть покровское время» (Эпоха бронзы..., 1997. С. 142).

И.И. Дрёмов обратил внимание на миниатюрный баночный сосуд с могильника Калач-1. «Погребение, из которого он происходит, находилось в одном ряду с другими срубными могилами, но имело форму Т-образной катакомбы и несвойственную для срубников большую глубину (около 2 м). Если ни у кого не вызывает сомнений, что это срубный сосуд, то мы в очередной раз сталкиваемся с доказательством непосредственной преемственности срубников и катакомбников. Тем более, что раннесрубные погребения в подбоях

уже были известны в Мурманском кургане на Еруслане и встречены недавно на Смеловском грунтовом могильнике» (Эпоха бронзы.., 1997. С. 142-143).

При обсуждении смеловской и калачской керамики Т.М. Потемкина увидела в ней почти прямые аналогии с петровской посудой, причем были подчеркнуты ее значительные отличия от синташтинской. В то же время О.Д. Мочалов эти же сосуды почти напрямую сопоставил с потаповской керамикой. «При этом потаповская керамика считается родственной синташтинской, а не петровской, что и позволяет некоторым исследователям говорить о хронологическом приоритете «потаповцев» над ранними срубниками и петровцами. Это усиливает мою уверенность в том, что среди раннесрубных материалов имеются одновременные покровским, потаповским, синташтинским, петровским, и, следовательно, они отражают не столько хронологические, сколько культурные, социальные и территориальные различия» (Эпоха бронзы.., 1997. С. 142-143).

Могильник Калач-1 относится к раннесрубным памятникам со слабо выраженными покровскими элементами.

Мурманский курган (рис. 31) характеризуется баночной керамикой срубной культуры, позой адорации и северной ориентировкой костяков, характерной для ряда раннесрубных и покровских памятников. Однако катакомбная конструкция могил указывает на реминисценции или даже на непосредственное влияние позднекатакомбной традиции.

Курганные могильники Золотая Гора и Кочетное (рис. 32) авторы относят к числу памятников со слабо выраженными абашевскими традициями (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 70). Однако здесь единственный признак, который можно воспринимать как абашевский, – это сильная отогнутость венчиков у ряда сосудов. Типичные для абашевской керамики желобки, каннелюры, глубокие расчёсы на внешней поверхности здесь отсутствуют, что позволяет говорить о собственно срубной керамике без существенных абашевских признаков. Бронзовые ножи в могильнике имеют слабо выраженную раскованность пятки черенка, но она не оформлена, как у абашевских ножей, в тре-

угольное расширение. А это один из важнейших признаков, наличие которого, по классификации А.Д. Пряхина, отличает абашевские ножи от собственно срубных (Пряхин А.Д., 1976. С. 150).

Основная масса керамики Золотой Горы характеризуется относительно устоявшимися формами баночных и горшковидных сосудов. Она представлена 57 сосудами. Баночные и горшковидные формы распределяются приблизительно поровну. Поверхность нескольких сосудов покрыта глубокими расчесами, в глине 8 сосудов есть примесь толченой раковины, в одном - примесь талька. Орнаментировано 13 сосудов. Орнамент бордюрный (зигзаг, горизонтальные и наклонные линии), выполнен штампом.

В керамике Золотой Горы имеются реминисценции более раннего времени. Сосуд в кургане 1 (рис. 32) находит полные аналогии в катакомбной керамике (отдел 1, группа А по С.Н. Братченко). В собственно раннесрубных комплексах аналогичные банки приобретают вертикальные пропорции с менее прикрытым устьем. В кургане 4 найден сосуд с ушками (рис. 32), что практически неизвестно в срубной керамике, но широко распространено в катакомбной.

Изделия из металла имелись в 10 погребениях (ок. 19 %). Большая часть металлических изделий обнаружена в захоронениях взрослых, но они встречены и в одном погребении подростка, а также в двух детских. В трех последних случаях это украшения. В курганной группе Золотая Гора найдены 3 бронзовых ножа, желобчатые браслеты и подвески в 1,5 оборота. Есть золотые обкладки от них и сурьмяные подвески треугольной и трапециевидной формы. Из трёх найденных ножей два относятся к типу пластинчатых с перекрестьем и перехватом. По морфологическим признакам один из них (из к. 4, п. 1) находит некоторые соответствия среди катакомбных ножей (Мамонтов В.И., 1994. С. 39-40, рис. 11, 6). Еще один нож относится к бесчеренковым типа Н-6 (Черных Е.Н., 1976. С. 114, табл. XXXIV, 7, 8). Все типы найденных ножей имеют широкое распространение в раннесрубных комплексах Нижнего Поволжья и комплексах ближайшего культурного окружения этого же времени - Терновка

4/21, Покровск 8/1 (Памятники срубной..., 1993. С. 136, табл. 6, 8; с. 145. Табл. 15, 17), Неприкский могильник, кург. 3 (Васильев И.Б., 1975 А. С. 37, рис. 6, 1).

Бронзовые браслеты относятся к разряду округложелобчатых с тупыми концами (3 экземпляра). На концах двух из них имеются сквозные отверстия. Четвертый браслет более массивный, полукруглый в сечении. Округлобочный с отверстиями и полукруглый в сечении браслеты впервые встречены в одном комплексе (Золотая Гора, к. 5, п. 7), что свидетельствует об их синхронности.

Треугольные и ромбовидные подвески из сурьмы изредка встречаются на памятниках раннего этапа поздней бронзы в Нижнем Поволжье: Молчановка, СВ группа, кург. 1, п. 7 (Синицын И.В., 1960. С. 126, рис. 35, 3); Иловатка 1, к. 4, п. 2 (Смирнов К.Ф., 1959. С. 222, рис. 8, б) и в сопредельных регионах - на Среднем и Нижнем Дону: Старая Тойда, кург. 1, погр. 2 (Корнюшин Г.И., 1971. С. 79-80, рис. 34, 3, 4); Советское 2, кург. 1, погр. 5 (Саврасов А.С., 1999. С. 87, рис. 3, 8-12); Миус XV, кург. 1, погр. 45 (Ильюков Л.С., 1979. Рис. 6, 8). Подвески из всех регионов отличаются стандартностью форм. Происхождение их связывают с районами Северного Кавказа. Сурьмяные подвески имелись в одном комплексе с сосудом, орнаментированным налепными валиками в кург. 5 погр. 3 у с Низовка в Правобережье Саратовской области (Максимов Е.К., 1979. С. 81),

Бронзовые цилиндрические пронизки, найденные в погр. 5 кург. 5 Золотой Горы, находят аналогии в раннесрубных, покровских памятниках. Они известны в комплексах средней бронзы Предкавказья (Кореневский С.Н., 1990), в средневожских и уральских абашевских погребениях (Кузьмина О.В., 1992. С. 50; Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1985. С. 115, рис. 2) и на памятниках новокумакско-синташтинского типа (Порохова О.И., 1992. С. 95-96, рис. 2, 9).

Среди костяных изделий наиболее диагностичными являются роговые и костяные псалии (5 экз.), встреченные в двух погребениях Золотой Горы. Они широко распространены в лесостепной и степной зонах Восточной Европы, относятся к достаточно узкому хронологическому периоду и имеют хорошо

разработанную типологию (Кузьмина Е.Е., 1994; Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998; Кузнецов П.Ф., 2004). Особый интерес представляет тот факт, что роговые псалии Золотой Горы фиксируют синхронность их нескольких типов, так как курганы 1 и 4, где они были обнаружены, несомненно, составляют единый культурно-хронологический комплекс.

Псалии Золотой Горы представлены: щитковыми орнаментированными экземплярами подпрямоугольной формы с планкой и монолитными шипами; щитковым подпрямоугольным псалием без орнамента; щитковым псалием (без шипов) подовальной формы с выделенной планкой; круглым щитковым орнаментированным псалием с прямоугольной планкой, отсекающей часть окружности.

Последнему псалию имеется большое количество достаточно близких аналогий в потаповско-синташтинских (Потаповский, VI Утевекий, Синташтинский могильники) и доно-волжских абашевских комплексах (Староюрьево, Селезни) (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. С. 133, рис. 33, 2, 3; с. 153, рис. 49, 2. 3; с. 163, рис. 59. б; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. С. 213, рис. 114, 5. 6; Пряхин А.Д., 1972; Моисеев Н.Б., 1996. С. 24-26).

Территориально ближайшие аналогии псалиям Золотой Горы обнаруживаются в покровских комплексах Нижнего Поволжья: Идолга, Старицкое, Бородаевка II (Малов Н.М., 2003. С. 219, рис. 13; Дрёмов И.И., 1991. С. 101-105; Памятники срубной..., 1993. С. 139, табл. 9, 12).

А.И. Юдин и А.Д. Матюхин определяют погребения могильников Золотая Гора и Кочетное как раннесрубные. В.В. Отрощенко раннесрубную культуру характеризует материалами раннего слоя Мосоловского поселения на Дону, первого периода покровской культуры и могильниками покровского горизонта на Северском Донце (Отрощенко В.В., 2001. С. 156). Впоследствии он выделил «покровско-мосоловскую срубную культуру» и отнёс к ней могильники Золотая Гора и Кочетное (Отрощенко В.В. 2003, С. 78-79), с чем исследователи этих памятников А.И. Юдин и А.Д. Матюхин согласны лишь частично – в

плане определения этих комплексов как раннесрубных (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 68). При этом они подчёркивают, что процесс сложения покровско-мосоловской культуры «происходит при трансформации доно-волжской абашевской культуры под влиянием синташтинской», в то время как в Золотой Горе абашевские проявления незначительны, а в Кочетном они полностью отсутствуют. В связи с этим «...и культурная подоснова у них другая – пост(поздне) катакомбная» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 68). Н.М. Малов, упоминая комплексы Золотой Горы и Кочетного, отметил, что авторы не согласны с мнением В.В. Отрощенко и упрекнул их в том, что, «не предлагая новых решений и собственной схемы периодизации памятников ПКТ (покровского культурного типа) и СКИО (срубной культурно-исторической области) Нижнего Поволжья, А.И. Юдин и А.Д. Матюхин придерживаются концептуального подхода, предложенного для обсуждения Н.Я. Мерпертом и А.Д. Пряхиным ещё в 1979 году... Другие схемы периодизаций и интересные выводы, предложенные российскими исследователями, касающиеся нижеволжских ПКТ и СКИО¹, А.И. Юдин и А.Д. Матюхин не анализируют и не используют» (Малов Н.М., 2007. С. 42). В.В. Цимиданов, наоборот, считает, что отнесение этих могильников к покровско-мосоловской культуре является одним из важных тезисов А.И. Юдина и А.Д. Матюхина, и с этим «возникает достаточно очевидная неувязка» (Цимиданов В.В., 2009. С. 53). Соглашаясь с датировкой комплексов по псалям и их синхронизацией с потаповско-синташтинскими, доно-волжскими абашевскими и покровскими памятниками, исследователь делает неожиданный вывод, что на этом основании «погребения из курганов 1

¹ ПКТ, СКИО, ДВАК и ПК – аббревиатуры, которые Н.М. Малов расшифровывает как покровский культурный тип, срубная культурно-историческая область, доно-волжская абашевская культура и покровская культура. Он пишет о керамике с абашевскими чертами: «Сейчас исследователи рассматривают археологические комплексы с такой керамикой, преимущественно, как памятники «покровского культурного типа» (ПКТ), «покровской археологической культуры» (ПК) СКИО, или позднего этапа ДВАК» (Малов Н.М., 2007. С. 34). Замена понятия «срубная культурно-историческая общность» на «срубная культурно-историческая область» позволяет автору рассматривать срубную культуру как категорию не археологического, а географического плана. Смысл этой подмены понятий заключается в том, что благодаря этому памятники покровского типа (покровской культуры) уже не являются частью срубной общности, а лишь находятся на её территории.

и 4 неправомерно рассматривать как раннесрубные, несмотря на то, что по обряду оба захоронения к срубным довольно близки. Псалии заставляют считать данные комплексы предсрубными (подчёркнуто В.В. Цимидановым), ибо к настоящему времени достаточно надёжно установлено, что памятники потаповского типа, синташтинская культура и доно-волжская абашевская культура, с которыми, судя по псалиям, следует синхронизировать погребения курганов 1 и 4, предшествовали по времени срубной культуре (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. С. 133-134; Отрощенко В.В., 2002. С. 13)» (Цимиданов В.В., 2009. С. 53). По логике В.В. Цимиданова, памятник, имеющий керамику, погребальный обряд и металлические изделия срубной культуры, должен считаться предсрубным, так как это не укладывается в те схемы, которые исследователь признаёт правильными. В то же время, если бы в этих комплексах не было датирующих предметов, их принадлежность к срубной культуре не вызывала сомнений, но датировка курганов Золотая Гора и Кочетное считалась бы более поздней.

Исходя из всего комплекса признаков, курганные могильники Золотая Гора и Кочетное следует относить к срубной культуре и датировать раннесрубным временем начала поздней бронзы.

Широкий Карамыш, курган 4 и Терновка, курган 4 (рис. 33) имеет ряд признаков, отражающих наследие катакомбной культуры в начале поздней бронзы. Наиболее ярким из них является найденная в этих курганах своеобразная керамика с «ёлочным» орнаментом. Кроме того, ранние черты здесь имеют бронзовые ножи, которые В.В. Отрощенко недавно включил, вместе со срубными, в первый период так называемой «покровско-мосоловской срубной культуры» (Отрощенко В.В., 2003. С. 78-79, рис. 3,45, 46). Аналоги терновским ножам имеются в Турбине, Канинской пещере и других сейминско - турбинских бронзах (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 92-106, рис. 51, 2, 4, рис. 55, рис. 61,2, 6). Ранний возраст Терновского кургана 4, погр. 21 подтверждается и радиоуглеродной датой древесины перекрытия: 1977-1875, 1837-1817, или 2036-1750 cal BC (Малов Н.М., 2001)

Курганы Дубовый Гай и Новояблоновка (рис. 34) по ряду параметров сопоставимы с потаповскими комплексами лесостепи Средней Волги (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. С. 122-134). В то же время некоторые признаки соответствуют погребальному обряду средней бронзы и раннесрубных памятников. Совпадает организация подкурганного пространства. В Дубовом Гае и Новояблоновке, как в Потаповских курганах и Белогорском, наиболее крупное погребение находится в центральной части насыпи и окружено периферийными. По периметру дна центральной могилы в Дубовом Гае проходит канавка-ровик; положение одного из погребенных на спине, наличие парного захоронения - все эти погребальные признаки фиксируются в потаповских, белогорских и смеловском комплексах.

Погребальный инвентарь из Дубового Гая имеет заметно выраженные абашевские характеристики - с учетом наличия одного сосуда с катакомбной традицией орнаментации. Какие-либо заметные признаки синташтинско-потаповской посуды здесь не проявляются, если не считать, что у сосудов также иногда присутствует характерный для абашевского керамического комплекса отгиб венчиков и внутреннее ребро. Возможно, особенностью керамики Дубового Гая, объединяющей ее с позднекатакомбной и потаповской посудой, является такая деталь, как использование в погребениях сосудов со следами ремонта бронзовыми скобами. Металлические изделия из погребений Дубового Гая и Новояблоновки обнаруживают полное совпадение с потаповскими в таких категориях, как бронзовые ножи со змеевидным окончанием черенка, мелкие круглые и с острыми концами подвески в полтора оборота. Кроме того, для потаповских комплексов отмечено наличие колчаных наборов кремневых наконечников стрел, которые есть и в Дубовом Гае. В погребении 4 найден роговой дисковидный псалий со вставными шипами. Подобные экземпляры также известны в потаповских комплексах, хотя там преобладают псалии с монолитными шипами и без орнамента.

В целом для потаповских памятников отмечена такая особенность, как наличие богатого набора погребального инвентаря не только в центральных, но и

в периферийных погребениях, что не характерно для покровских захоронений (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. С. 132). В Дубовом Гае парное периферийное погребение 2 подростка и ребенка содержало значительное количество инвентаря: три керамических сосуда, два берестяных туюска, бронзовые височные подвески, бронзовую бусину, а также бусы из пасты и стекла.

Подобное совпадение признаков может свидетельствовать о хронологическом соответствии. Для лесостепного Поволжья отмечается скоротечность процесса формирования раннесрубных памятников, вызвавшая ряд комплексов, сочетающих потаповские и покровские черты. Вполне вероятно, что эта скоротечность и вызвала ситуацию, когда на территории юга лесостепи не успел сформироваться самостоятельный тип памятников переходного периода, а в нашем распоряжении оказался ряд смешанных в культурном плане комплексов типа Дубовый Гай или Новояблоновка. Среди степных памятников ближайшими аналогиями им являются Терновка, к. 4 и Широкий Карамыш, к. 4 (Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В., 2005. С. 20-35). Наличие псаля в Дубовом Гае, аналогичного псалю со вставными шипами из Потаповского могильника к. 5, позволяет провести между ними синхронизацию. Для потаповских памятников калиброванные даты укладываются в интервал между XX и XVIII вв. до н.э. (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. С. 129). По калиброванной дате Дубового Гая, полученной по дереву от перекрытия погребения 4, время сооружения кургана синхронно ранней поре потаповских памятников: 2025 – 1944 до н.э.

Если сравнить курганы Дубовый Гай и Яблоновка с наиболее яркими комплексами покровского периода срубной культуры, то мы получим следующую картину. В плане архитектуры погребального сооружения, несомненно, прослеживается много общих черт. В погребальном инвентаре есть широкий круг аналогий в металлических изделиях, каменных и костяных наконечниках стрел, роговых псалях, украшениях. Но все перечисленные находки в той или иной мере характеризуют не только покровские памятники, но и набор погребального инвентаря других синхронных культур.

В погребениях Дубового Гая и Яблоновки отражены составляющие их культурные черты – абашевские и катакомбные. Несмотря на споры о культурной принадлежности памятников начала поздней бронзы в Нижнем Поволжье, позднекатакомбная основа их несомненна, будь то собственно позднекатакомбные комплексы, памятники с многоваликовой орнаментацией или так называемые памятники «криволукского культурного типа» (Мимоход Р.А., 2004). Все исследователи указывают на их хронологическое смыкание и частичное сосуществование с доно-волжскими абашевскими (или ранними покровскими, по другой терминологии). Подобные контакты давно отмечены для Подонья (Матвеев Ю.П., 1998. С. 66-75) и в последнее время хорошо документированы для степного Приуралья (Ткачев В.В., 2006. С. 60-62).

Недавно опубликованный комплекс из Низовки, к. 5, п. 3 (рис. 35-37) был отнесён авторами публикации к позднебабинским, однако Р.А. Мимоход оспорил эту точку зрения. Он считает, что по обрядовым и инвентарным характеристикам этот комплекс «...полностью соответствует раннесрубным памятникам с покровскими чертами. К числу диагностических признаков Покровска относится ориентировка на северо-северо-восток, слабая скорченность костяка, желобчатые подвески и браслет. Эти элементы не характерны для бабинских комплексов» (Мимоход Р.А., 2009. С. 32, ссылка 11). Кроме того, сурьмяные ромбические и треугольные подвески, обнаруженные в низовском комплексе, в степи-лесостепи серийно представлены только в покровских и раннесрубных погребениях (Литвиненко Р.А., 1996. С. 99; Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2005. С. 158) и неизвестны в бабинских захоронениях. В то же время валиковая орнаментация не только не характерна для раннесрубной керамики, но и является уникальным исключением. Поэтому влияние КМК, Бабино или памятников этого круга на низовский комплекс несомненно, что указывает на их одновременность. В то же время по всему набору признаков низовские погребения относятся в культурном плане к срубно-покровским. Они характеризуют переход от средней бронзы к поздней и начало поздней бронзы степного Поволжья.

Курган Советское - Энгельс (рис. 38) характеризуется наличием своеобразной керамики, имеющей признаки начала поздней бронзы. Интерпретация полученных материалов этого кургана осложнена грабительскими разрушениями насыпи и неопределенностью культурной и хронологической принадлежности погр. 2. Могильные выкиды в восточной бровке, лежавшие на древнем горизонте, вероятнее всего, происходят из погребений эпохи бронзы (погр. 3, 4, 6), но, учитывая удаленность от них основной массы выкида и его внушительные размеры по сравнению с объемом могильных ям, можно предположить, что он имеет отношение и к погребению 2. В центральной бровке между п. 6 и п. 2 также имеется слой материковой глины на погребенной почве, но здесь он не прослеживается на всю длину, так как нарушен поздним перекопом.

С большим основанием можно синхронизировать три захоронения эпохи бронзы (3, 4, 6). Керамика из погребений 3, 4, а также фрагмент сосуда из бровки, найденный около п. 6, очень своеобразны и не имеют пока прямых аналогий. Можно отметить лишь некоторые общие черты с покровской посудой, керамикой вольского типа и отдельными сосудами из катакомбных погребений степного Поволжья, что говорит об архаичности керамического комплекса для срубной культуры (рубеж средней и поздней бронзы). Не противоречит этому и остальной инвентарь, представленный сурьмяными, пастовыми бусами и обломками бронзовой желобчатой подвески. Погребение 6, совершенное по катакомбным традициям, - в могиле со ступенькой, скелет в позе «скачущего всадника», - должно бы по обряду предшествовать срубным комплексам. Однако сейчас известен уже целый ряд погребений, бесспорно относящихся к раннесрубному времени, но совершенных по катакомбному обряду. Вероятно, эти погребения синхронны или близки по времени. Таким образом, в составе материалов бронзового века кургана Советское-Энгельс имеется 2 погребения с богато орнаментированной керамикой, указывающей на вольские реминисценции, и близкое им по времени безынвентарное погребение, сооруженное по катакомбному погребальному обряду (Дремов И.И., 1999 Б).

Подводя итог характеристики погребений начала поздней бронзы степного Поволжья, можно отметить, что в своей массе они соответствуют основным признакам срубной культуры. Появившиеся в катакомбной культуре особенности погребального обряда, такие, как положение скелетов скорченно на левом боку, поза адорации, ориентировка в северо-восточный сектор, становятся определяющими, но изредка проявляются и признаки предшествующего времени – подбой, ступеньки в могилах, отклонения от «стандартных» ориентировок, от левобочности костяков и положения кистей рук перед лицом. В керамике раннесрубных комплексов изредка присутствуют катакомбные признаки в виде «ёлочной» орнаментации, выполненной зубчатым штампом, оформлении сосудов ушками для подвешивания и др. Традиции катакомбной культуры в раннесрубных погребениях проявляются лишь спонтанно. Инновационные, собственно срубные элементы культуры, в это время чаще всего дополняются инокультурными – абашевскими (покровскими) признаками, в меньшей степени и лишь на уровне отдельных элементов – синташтинско-потаповскими и вольскими. Можно констатировать заметную генетическую связь между срубной и катакомбной культурой, но говорить о переходном периоде между ними не приходится.

Типологические построения подтверждаются и пока немногочисленными, но показательными радиоуглеродными датами. Для погребения Терновского кургана 4, погр. 21 начала поздней бронзы с керамикой, имеющей срубные, покровские и катакомбные признаки, имеется дата (Ле - 4825) 3580 ± 50 л.н.: 1977-1875, 1837-1817, 1501-1785 cal BC /1a/ или 2036-1750 cal BC /2a/ (Малов Н.М., 2001). Калиброванная дата погребения покровского типа в кургане Дубовый Гай, погр. 4 с псалием, аналогичным синташтинско-потаповским, синхронна времени древнейших потаповских захоронений - (ИТАН 3251) 2025 BC: 1944BC (I o). Близкие к этому и даже несколько более поздние даты получены для погребений конца средней бронзы из могильника Паницкое, к. 4, п. 3: 2050-1870 и 1940-1740 BC; к. 4, п. 1: 2200-2030 BC; к.5, п. 1 (разрушенное): 1780-1580 BC (Мимоход Р.А., 2009).

ГЛАВА IV. ПЛАНИГРАФИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В КОНЦЕ СРЕДНЕЙ И НАЧАЛЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

IV. 1. Планиграфия погребальных памятников и выделение комплексов рубежа средней и поздней бронзы

В степных курганах с большим количеством погребений бронзового века часто встречаются случаи так называемой горизонтальной стратиграфии (Качалова Н.К., 1976 Б; 1978 А; 1979). Центральная могила, нередко являющаяся основной, имеет признаки ямной культуры: большая прямоугольная яма, положение скелета на спине скорченно, наличие охры, отсутствие или бедность инвентаря. В большинстве случаев соотношение основных и впускных погребений, а тем более наличие прямой, то есть вертикальной стратиграфии, - это результат действительно существенных хронологических различий между стратифицированными комплексами. Безусловно, это является основой периодизации для курганных материалов со времён В.А. Городцова. Однако и абсолютизация курганной стратиграфии может привести к некорректным выводам. Очевидно, что в тех случаях, когда между погребениями с типологически близким инвентарём имеется деление на основные и впускные, такое соотношение может быть результатом незначительного хронологического промежутка между ними. Действительно, между основными и впускными захоронениями могут пройти и годы и тысячелетия, а проявляться это будет одинаково. Особенно ненадёжными бывают случаи стратиграфии между комплексами, не имеющими в своём составе датирующего инвентаря, но с различными погребальными обрядами, так как «признаки погребального обряда чаще всего имеют надкультурный характер... Погребальный обряд коренится в религиозной сфере, поэтому его возникновение трудно проследить по археологическим данным. Известно лишь, что территория его распространения была более обширной, охватывала несколько керамических культур...» (Кияшко А.В., 2002. С. 10). Кроме того, погребальный обряд может отражать социальный статус погребённого. Причём это далеко не всегда отражается в богатстве и престиж-

ности инвентаря. Для среднего и особенно для раннего бронзового века распространённое явление, когда основными являются безынвентарные или бедные погребения ямной или катакомбной культуры, а впускные имеют престижный инвентарь. В этом отношении показательно, например, что, по подсчётам С.Н. Санжарова, из 23 погребений мастеров со стрелочными наборами Украины только 9 были определены как основные (Санжаров С.Н., 2008. С. 60), в то время как основными часто оказывались безынвентарные могилы. Ещё один важный аспект погребального обряда – это его традиционность. Поэтому в погребениях отдельных социальных групп он может сохранять устаревшие, но традиционные формы для наиболее значимых членов первобытного коллектива с мифологическим сознанием. Особенно это касается переходных периодов, пограничных или периферийных территорий.

Центральные или основные могилы с более архаичным обрядом не обязательно представляют определенный хронологический срез культуры. Четко выстроенные схемы, основанные на данных курганной стратиграфии и создающие хронологические цепочки от основных могил с вышеуказанными характеристиками к впускным, имеющим отклонения от стандарта в ориентировках, позах погребенных и формах могильных ям, с накоплением и анализом новых материалов могут потребовать значительных поправок.

Ярким примером являются обрядовые группы ямной культуры, подтвержденные не только типологически, но и стратиграфическими наблюдениями. Даже в такой логичной, типологически и фактически верной схеме, как периодизация ямной культуры Н.Я. Мерпертом, есть свои исключения. Напомним, что у него 1 этап – погребения в больших прямоугольных ямах с бревенчатым накатником, скелеты скорченно на спине, черепом на восток, с большим количеством охры и скудностью инвентаря; 2 этап – с отклонениями от стандарта в погребальных конструкциях и в некоторых элементах позы погребённых; 3 этап – положение умерших на боку, уменьшение охры и т.д. (Мерперт Н.Я., 1974). Характерно, что 1 и 3 обрядовые группы, относящиеся к разным хронологическим горизонтам, были подтверждены случаями прямой стратиграфии в

Бережновском II могильнике, к. 9 (Мерперт Н.Я., 1974). Однако в дальнейшем с накоплением археологических материалов и открытием Хвалынского энеолитического могильника именно эти погребения были квалифицированы как энеолитические (Дрёмов И.И., Юдин А.И., 1992. С. 32-26)

Сейчас известно, что основные обрядовые признаки, распространённые в средней бронзе и отражавшие различные этапы развития ямной культуры, имелись уже в курганах эпохи энеолита и в хвалынской культуре (до середины IV тыс. до н. э., по некалиброванным датам) (Дрёмов И.И., Юдин А.И., 1992. С. 18-30). По калиброванной шкале, уже в V тыс. до н. э. имеются все формы погребального обряда, включая позу адорации, и подбои (Политотдельское, к. 9, п. 15 и Мухин II, к. 5, п. 9, к. 5, п. 30) (Смирнов К.Ф., 1959. С. 260-299; Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997. С. 40-57); есть погребения, густо посыпанные охрой, с комками охры и без нее, со скелетом на спине, на левом и на правом боку, с различными ориентировками, формами и глубинами могил. В однокультурном и близком по времени Хвалынском могильнике эпохи раннего энеолита тоже сочетаются различные погребальные обряды. Следовательно, лишь на основании обрядовых признаков твердо отнести то или иное курганное захоронение к конкретной эпохе, а не только культуре, можно не всегда. Погребения с типично ямными обрядовыми признаками существовали практически на всём протяжении средней бронзы параллельно с катакомбными и ямно-катакомбными захоронениями. В то же время, в катакомбной культуре имеются погребения, выполненные по срубному погребальному обряду.

В этом отношении выразительны материалы позднекатакомбного Белогорского- I грунтового могильника, раскопанного на правом берегу Волги. Его планиграфия аналогична курганам с основным ямным и впускными захоронениями средней бронзы. Эти наблюдения перекликаются с находками из курганов у с. Советское в Заволжье (рис. 39). Здесь имелись и типично ямные погребения, и захоронения полтавкинско-катакомбного типов, но соотношение основных и впускных могил указывает на относительную одновременность

материалов средней бронзы с типично ямными (Баринов Д.Г., Дремов И.И., 1990; Дремов И.И., 1997 А. С. 61-69).

Сопоставление грунтовых могильников катакомбной культуры с материалами курганов, считающимися разновременными, выявили такие общие черты, как наличие в центре большой прямоугольной могилы, характерной для ямного обряда, с периферийным расположением погребений, имеющих иные элементы обряда и конструкции могил (Дремов И.И., 1997 А. С. 59-80). Планиграфия грунтовых могильников и курганных захоронений этого времени имеет много общего. В Белогорском- I могильнике встречены два скопления могил, обнесённых ровиками (рис. 40). В центре каждого из них находилась большая могила ямного типа, а по кругу шли погребения, совершённые как по ямному, так и по катакомбному обряду. Подобная планиграфия типична и для курганов степного Поволжья, причём в подавляющем большинстве катакомбные могилы являются впускными и находятся в кургане на периферии по отношению к большой центральной могиле. При этом бывают курганы, в которых имелись по 2 или 3 основных ямных захоронения, а также и насыпи, в которых катакомбные могилы являлись основными (Усть-Курдюм, Б. Дмитриевка, Советское и др.).

Особого внимания заслуживает соотношение основных и впускных погребений эпохи средней бронзы у с. Советское (рис. 39). В большой центральной могиле кург. 1, п. 1 находился плоскодонный сосуд, орнаментированный «шагающей» гребёнкой, и остродонный сосуд с уступом по венчику полтавкинско-го типа. Впускное погр. 2 содержало характерный для ямной культуры круглодонный горшок. В кург. 2 в одном из трёх основных погребений была молоточковидная булавка, а впускные захоронения содержали как круглодонную ямную, так и плоскодонную керамику, близкую белогорской, но с налепными валиками. Среди впускных была и катакомбная могила с каменным топором, пестом и бронзовым теслом. В кург. 3 имелись три основные могилы, которые содержали и круглодонную керамику, орнаментированную в «ёлочку», и плоскодонную, причём один из сосудов украшен налепными шишечка-

ми, а другой по форме и орнаментации близок сосуду из впускного погребения Советское, курган 2 (Баринов Д.Г., 1996. С. 84-97).

В этих материалах ямные и катакомбные признаки переплетаются и присутствуют то в основных, то во впускных погребениях, что может указывать на ненадёжность горизонтальной стратиграфии, а также иллюстрировать относительную одновременность захоронений ямного и катакомбного типов. По-видимому, между основными ямными, ямно-катакомбными погребениями и впускными ямными, ямно-катакомбными и катакомбными захоронениями хронологического разрыва не было. Их формирование происходило в течение нескольких поколений, последние из которых относились к позднекатакомбному времени. Такое же сочетание круглодонной и плоскодонной керамики встречено и на грунтовом могильнике у с. Шумейка (Баринов Д.Г., 1996. С. 96), о чём говорилось в главе II, 2 (рис. 10). В ямном погребении в Ровном, к. 8, п. 5 (Синицын И.В., 1966. С. 47-50) соседствовали круглодонный сосуд, орнаментированный ногтевыми оттисками, с плоскодонным горшком, украшенным с одной стороны одним рядом «елочки», а с другой, как и первый сосуд, — луновидными оттисками. Здесь разнокультурные и разновременные признаки сочетаются даже в орнаментации одного сосуда с разных сторон.

Иначе могут быть интерпретированы некоторые другие курганы, содержащие как ямные, так и катакомбные комплексы, например, курган у с. Надеждинка в Саратовском Заволжье, где были найдены 3 ямных погребения с круглодонным горшком, аналогичным сосудам из Советского, и расположенные на периферии насыпи захоронения средней бронзы с катакомбным инвентарём и сосудом, орнаментированным «ёлочным» узором (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1988. С. 87-96).

В группе Бережновка 1, к. 32 (рис. 38) (Синицын И.В., 1959. С. 91-94) центральная могила с «ямником» на спине и круглодонным горшком, орнаментированным «елочкой», оттиснутой штампом, прорезалась могилой со ступеньками, содержащей скелет в позе ямника с искусственно деформированным черепом. Здесь находился плоскодонный сосуд, также украшенный «елочкой».

Круглодонный сосуд близок керамике из Советского, а «ёлочная» орнаментация круглодонного и плоскодонного сосудов подчеркивает хронологическую близость этих погребений. На фоне других материалов факт рядовой, однако в том же кургане еще одно впускное периферийное погребение содержало круглодонный сосуд, близкий по орнаментации позднеперинским. На первый взгляд, наличие столь архаичного сосуда во впускном погребении может свидетельствовать о древности кургана. Но керамика из основной могилы по форме и орнаменту аналогична керамике средней бронзы из Советского, а идентичность горшка из погр. 5 с белогорскими и наличие в комплексе таких признаков, как деформация черепа, уступ в могиле и сложно закрученные подвески, свидетельствуют о катакомбном времени этих погребений. Причем предшествование «ямных» захоронений по отношению к «ямно-катакомбному» могло быть небольшим. Впускные срубные погребения в этом кургане содержали лишь простые сосуды баночной формы, время существования которых растянуто от средней бронзы до конца позднебронзового века.

Размещение погребений в Иловатке, к. 2 (рис. 41) (Смирнов К.Ф., 1959. С. 213-215) типично для бронзового века: в центре большая прямоугольная могила с перекрытием (п. 20). На дне скелет человека, скорченный на правом боку. Далеко на периферии два ямных захоронения (на спине, скорченно) с такой же северо-восточной ориентировкой. В погребении 1 два детских скелета: один черепом на северо-восток, другой на юго-запад и с ними яйцевидный комок охры. В погребении 2 находились круглодонные сосуды, аналогичные одному из сосудов в Советском, и 6 бронзовых цилиндрических пронизок. Подобные металлические пронизки встречаются в материалах средней бронзы (Кореневский С.Н., 1990), в средневожских, уральских абашевских комплексах (Кузьмина О.В., 1992. С. 50) и в раннесрубных погребениях Золотой Горы, к. 5, п. 5, Кочетного, к. 5, п. 9 (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 49), а также Смеловского грунтового могильника (Лопатин В.А., 2010. С. 93). Безынвентарное погребение 20 со скелетом на правом боку и впускные захоронения 1, 2 в Иловатке, к. 2 можно отнести к средней бронзе. В связи с этим интересно рассмот-

реть в плане преемственности расположенные вокруг центральной могилы захоронения поздней бронзы. Они содержат керамику покровского типа, причем сосуд, происходящий из погр. 13, имеет сложную орнаментацию, включающую «ёлочку», а сосуд из погр. 19 имеет сходство с керамикой воронежской культуры. Несколько сосудов имели абашевские желобки (рис. 38). Сочетание погребений средней бронзы и начала поздней под одной насыпью гипотетически может свидетельствовать об их преемственности и некоторой хронологической близости.

Аналогичный случай имеется в Политотдельском, к. 19 (рис. 42) (Смирнов К.Ф., 1959. С. 275-286). В основе – ямное захоронение с восточной ориентировкой на спине. С востока к нему примыкает, частично нарушая могилу, погребение ямника с северо-восточной ориентировкой. Еще одно ямное погребение с круглодонным сосудом вынесено далеко на восточную периферию кургана. Сосуд может быть отнесен к позднейямным, и данное погребение либо несколько предшествует, либо одновременно содержащимся в этом кургане захоронениям средней бронзы. Погребения 3, 6, 17 содержали полтавкинско-катакомбную керамику. При этом сосуд из погр. 6 близок раннесрубным, а из погр. 17 – позднекатакомбным белогорским и усть-курдюмским. Срубная керамика, помимо простых баночных форм, характеризуется округлобokoстью (погр. 4, 12, 21), что сопоставимо, с одной стороны, с позднекатакомбными сосудами (п. 17), а с другой - с некоторыми сосудами раннесрубных памятников (Калач, Смеловка). Вероятно, и здесь имеется прямая преемственность от позднейямных погребений до раннесрубных в рамках развития одной родовой группы.

Отметим и ещё один случай сочетания под единой насыпью ямного, катакомбного и срубного погребений в Бережновке I, к. 4, который также может свидетельствовать об их эволюции и преемственности (рис. 42). (Синицын И.В., 1959). Основная могила (п. 2) содержала скелет, скорченный на левом боку, и сосуд с округлым дном и отогнутым венчиком. Её перекрывало захоронение в катакомбе с аналогично расположенным скелетом и плоскодонным

сильно профилированным сосудом без орнамента, близким по форме раннесрубным сосудам.

Следует обратить внимание на планиграфию известного кург. 5, Бережновка I (рис. 43) (Синицын И.В., 1959. С. 64-73). Помимо наиболее раннего здесь энеолитического погр. 22, являющегося основным, в кургане встречен целый ряд погребений эпохи средней бронзы. Погр. 16, содержащее сосуд позднейшего или полтавкинского типа с приплюснутым дном и уступом под венчиком, прорезано погребением 17 с типично катакомбным сосудом, украшенным «ёлочкой». Керамика из этих захоронений, то есть из катакомбной могилы 26, из погр. 23 и погр. 9, представляется хронологически компактной по аналогии с другими памятниками. Например, в кургане 3, погр. 9 этого же могильника содержалось два сосуда, один из которых имеет плавную профилировку и «ёлочную» орнаментацию, характерную для катакомбной керамики, а другой, с венчиком, выделенным уступом и украшенным «шагающей» гребёнкой, характерен для комплексов полтавкинского типа. Сосуд из соседнего погр. 6 сочетает в себе и те и другие черты.

Несмотря на заметные различия в материалах эпохи бронзы из Бережновки I, кург. 5, многие черты средней и поздней бронзы из его комплексов перекрещиваются. Сосуд из погр. 11 имеет своеобразный отогнутый венчик с внутренним желобком, но украшен, как и катакомбные сосуды, «ёлочкой». Погребённый лежал с завалом на грудь с вытянутыми вдоль туловища руками. Погр. 15, совершённое по срубному обряду, содержало баночный сосуд, близкий по форме катакомбному горшку из погр. 17. В погребении 10 также сохранился баночный сосуд, но захоронение было совершено в позе сидя, что не характерно для срубной культуры. Здесь же находилась и деревянная чаша с бронзовым окладом, что распространено в раннесрубных и покровских захоронениях.

Отметим группу безынвентарных погребений в насыпи Бережновки I, кург. 5, совершённых как по катакомбному обряду (п. 8), так и по срубному (п. 6, п. 24, п. 1). Костяк погребения 1 при этом имел юго-западную – «катакомб-

ную» ориентировку, а в погр. 6 находилось днище сосуда, являющееся, возможно, катакомбной жаровней. Погребения в насыпи составляли сравнительно компактную группу в ЮЗ поле кургана, что планиграфически совпадает с кург. 14, Бережновка II (рис. 43). Здесь, как и во многих других курганах эпохи бронзы, в центре находилась большая подпрямоугольная могила с восточной ориентировкой, к северу от неё погребение в катакомбе с сосудом, украшенным «ёлочкой», а к юго-западу и югу находилось 14 безынвентарных костяков в насыпи, похороненных по ямному, катакомбному и срубному обрядам.

В целом не вызывает сомнений определённая эволюция захоронений данных курганов от эпохи средней бронзы к поздней, но эти различия, как представляется, отражают непрерывный процесс развития одного родового кладбища в течение нескольких поколений.

Наиболее сложная планиграфия представлена в кург. 4 у с. Политотдельское (рис. 40). Здесь захоронения с различными погребальными обрядами были окружены тремя ровиками (Смирнов К.Ф., 1959. С. 238-250). В центре кургана находилось безынвентарное погребение, совершённое по ямному обряду, с восточной стороны к которому примкнуло и частично перекрыло его еще одно ямное захоронение. С севера от них в ряд расположились 4 погребения (13, 22, 27, 30), объединяемые одинаковым положением костяков – лицом к центральной могиле и наличием в них тушек и ног баранов. Погр. 21 смещено к югу и образует вместе с могилами 27 и 13 полукруг с севера от центрального захоронения. Вероятно, к этому же времени относится и погр. 3 с уступом по всему периметру, вынесенное далеко на восток и перекрытое выкидом из срубного захоронения.

Данная планиграфия во многом совпадает с планиграфией грунтового могильника Белогорское- I (рис. 40). Там погребения располагались двумя группами, в центре каждой из которых находилась большая могила ямного типа с восточной и северо-восточной ориентировкой костяка, а все остальные могилы располагались вокруг и были обнесены ровиками. К северо-востоку от центрального захоронения западной группы погребений, так же, как и в кургане 4

из Политотдельского, располагалась могила с уступом по всему периметру и детским костяком, ориентированным головой на север. В центре восточного скопления погребений также находилась большая могила ямного типа, причем так же, как и в Политотдельском, с восточной стороны было совершено подхоронение, и череп первого костяка сдвинут в сторону. Инвентарь из Политотдельского, курган 4 имеет ярко выраженные признаки конца средней и начала поздней бронзы. В погребении 6, совершённом по срубному погребальному обряду в прямоугольной яме, костяк лежал головой на север, на левом боку в позе адорации. Здесь же находился сосуд с отогнутым венчиком и тремя рядами налепных валиков с насечками. Другой округлобокий горшок имеет аналогии как в срубной, так и в катакомбной посуде. С ними в комплексе была костяная пряжка, хорошо датируемая временем КМК, и пронизка. В сосудах из погребений 2, 5, 11, 29 сочетаются признаки полтавкинской, покровской и срубной культур. Не случайно, имея в поле зрения такие образцы, И.В. Синицын относил погребения полтавского типа к раннему этапу срубной культуры (Синицын И.В., 1959. С. 188-190).

Особенно выразителен курган 4 у с. Ровное (рис. 44) (Синицын И.В., 1966. С. 34-45). Здесь под одной общей насыпью объединено 2 кургана, в одном из которых ямные и срубные погребения располагались вокруг центральной ямной могилы, а в другом срубные - вокруг большой центральной срубной могилы с заплечиками, мощным перекрытием, восточной ориентировкой скелета. Несмотря на наличие в ямном погребении круглодонного сосуда, захоронения ямной группы должны быть отнесены к средней бронзе по аналогии с такой же керамикой из Советского (рис. 39) и из Ровного к 8, п. 5 (рис. 44), где подобный по форме и орнаментации сосуд соседствовал с плоскодонным горшком, сглаженным зубчатым штампом и орнаментированным с одной стороны одним рядом «елочки», а с другой, как и первый сосуд, – луновидными оттисками. Наличие комка охры, а не посыпки в могиле также характерно для средней бронзы.

Курганы с основными ямными могилами и впускными погребениями ка-

такомбного времени, между которыми по инвентарю может быть прослежена хронологическая близость, встречаются сравнительно редко, что обусловлено безынвентарностью большинства погребений ямной культуры. Как правило, в курганах, содержащих ямные и катакомбные погребения, основные могилы с ямными признаками бывают безынвентарными, а информационные материалы содержатся во впускных комплексах.

Естественно стремление исследователей относить захоронения с различными погребальными обрядами, регулярно встречаемые в курганах в соотношении основных и впускных, не только к разным культурам, но и дифференцировать хронологически. Однако редкие случаи синхронизации ямных и катакомбных комплексов свидетельствуют, что соотношение основных ямных и впускных катакомбных погребений не всегда является индикатором относительной хронологии (основные погребения ранней бронзы, впускные – средней). Такая последовательность захоронений может в некоторых случаях отражать социальные различия между погребёнными. В центре помещалась могила патриарха рода, захороненного с соблюдением древних традиций, а вокруг в течение некоторого времени дохоранивались сородичи с различным социальным статусом и функциями по различным, соответствующим им погребальным обрядам. Вероятно, в катакомбах погребались представители культовой деятельности, т.к. в них чаще встречается искусственная деформация черепа, трупорасчленения и прочие отклонения от нормы, курильницы, жаровни и т.д. Безынвентарные погребения в позе адорации можно рассматривать в этом контексте как захоронения некоторой социальной группы населения рубежа средней и поздней бронзы. Возможно, что под влиянием этой социальной группы и складывалась срубная культура, достигшая в дальнейшем развитии высшей унификации как в погребальном обряде, так и в инвентаре захоронений (Дрёмов И.И., 1997; Dryomov I.I., 2002. P. 296-313).

Восстановление событий при сооружении курганов может выглядеть следующим образом: первой в некрополе появлялась центральная – основная могила патриарха рода - главы семейства. Над ней обычно возводилась первона-

чальная насыпь, а затем дохоранивались его сородичи, имевшие различные социальные функции и статус. После смерти следующего старейшины возникал новый курган.

Традиция погребения в центре кургана патриарха рода с ямными чертами в обряде (большая прямоугольная могила с восточной, северо-восточной или северной ориентировкой, с перекрытием, охрой на дне и т.д.) сохраняется и в срубное время. Эти признаки могли восприниматься как индикаторы раннего периода, что послужило выделению бережновского хронологического горизонта, предшествующего покровскому (Качалова Н.К., 1978. С. 28-30). В дальнейшем распространилась точка зрения, что архаичные черты в срубных погребениях отражают не только хронологические, но и социальные аспекты (Отрощенко В.В., 1991. С. 30-32; Дрёмов И.И., 1997 А; 1997 Б).

Анализ широкого круга материалов приводит к выводу, что к началу поздней бронзы относятся как комплексы с чисто срубной, так и с покровской посудой. Бросается в глаза, что керамика всех этих относительно одновременных комплексов сильно различается между собой. В Покровском могильнике сильно выражены абашевские черты, в Бородаевке абашевские, но с заметным восточным влиянием, в Ровном, как и в Золотой Горе, хорошо датированной синташтинским временем по псалям и иному инвентарю, покровские – абашевские черты почти не проявляются. Сильная профилировка сосудов при отсутствии внутреннего ребра сопоставима с потаповской керамикой, но в орнаментации никаких синташтинско-потаповских черт не улавливается. Имеется несколько срубных погребений с керамикой, украшенной до дна «ёлочным» орнаментом, неотличимым от катакомбной посуды – курган Новояблоновка, п. 2 (рис. 34); Широкий Карамыш, к. 4, п. 9, тризна 2 (рис. 33); Терновка, к. 4, п. 10, 11 (рис. 33). Анализ материалов рубежа средней и поздней бронзы позволяет выделить некоторые керамические индикаторы этого времени (Дрёмов И.И., 1997. С. 40-56) (рис. 46).

§ IV. 2. Культурогенез в конце средней и начале поздней бронзы степного Поволжья

Традиционно считается, что памятники эпохи средней и поздней бронзы связаны между собой генетически. Это убеждение основано на многочисленных соответствиях в керамике и другом инвентаре, однако синкретических катакомбно-срубных или катакомбно-покровских памятников нет. Срубная культура сформировалась на местной основе, но переходные памятники не выявлены, как если бы она была привнесена со стороны. Но и на других территориях мы застаём срубную культуру в уже сформировавшемся виде. В то же время накапливается материал, свидетельствующий об очень быстрой смене катакомбных погребений раннесрубными и покровскими. Имеется ряд случаев, когда раннесрубные погребения накладывались точно на могильную яму с погребением катакомбного времени или на входную камеру катакомбы (Дрёмов И.И., 1997)

На грунтовом Белогорском-II могильнике было встречено погребение срубной культуры, которое легло точно во входную камеру катакомбной могилы (рис. 45) (Дрёмов И.И., 1996. С. 98-118). Срубное погребение сопровождалось выразительным инвентарём: баночным сосудом, бронзовым ножом без перекрестия и с раскованным краем лезвия, близким по форме позднекатакомбным ножам, а также пастовыми бусами, бронзовой подвеской в 1,5 оборота и головным украшением ябалаклинского типа из бронзовых блях и пронизок. Такая же бляха с пронизками известна в кургане 26, п. 6 Бережновского I могильника (Синицын И.В., 1959. С. 89). Им сопутствовали покровский и срубный горшки высоких пропорций.

Ранняя датировка белогорского комплекса в рамках срубной культуры не вызывает сомнений по всему набору инвентаря, причём не исключено, что подобные бляхи являются продолжением традиций кавказских блях, украшенных пуансонным орнаментом, которые датируются по ближневосточным аналогиям XIX – XVIII вв. до н.э. (Рысин М.В., 1990. С. 24). Всё это позволяет относить белогорское погребение к рубежу средней и поздней бронзы. Если

учесть, что рядом находилось ещё одно срубное захоронение с горшком, близким по форме и орнаментации катакомбным сосудам этого же могильника, вывод о ранней датировке комплекса с украшениями становится более вероятным. Тазовые кости скелета просели на 10 см во входную камеру катакомбной могилы, в которой лежал костяк в позе «скачущего всадника», сопровождаемый инвентарём – двумя сосудами с «елочной» орнаментацией и жаровней из днища крупного сосуда. По краю венчика одного из сосудов имеются защипы, что лишний раз подчёркивает позднюю для катакомбного времени датировку этого комплекса.

На первый взгляд, сочетание срубного и катакомбного погребений кажется случайным, но есть основания полагать, что в грунтовых могильниках захоронения более компактны в хронологическом отношении. Вероятность случайного попадания более поздних погребений непосредственно на предшествующие с течением времени сокращается. Следует отметить, что принцип подхоронения типичен как для ямных, так и для катакомбных погребений. На Белогорских грунтовых могильниках, кроме приведённого случая, имеются ещё 4 примера дохоронений катакомбников в могилу или во входную камеру катакомбы. На Смеловском грунтовом могильнике срубной культуры В.А. Лопатин отмечает 10 случаев дохоронений (Лопатин В.А., 2010. С. 127). Думается, что факты подхоронений срубников в катакомбные могилы так же, как и приведённые выше данные планиграфии, могут говорить об их генетической преемственности.

На хронологическую близость катакомбных и срубных погребений Белогорских могильников могут указывать и такие черты погребального обряда катакомбных комплексов, как преобладание северной и северо-восточной ориентировок, редкое использование охры, преобладающая левобочность, наличие в нескольких случаях позы адорации. Своеобразием керамики Белогорских могильников, как и большинства волго-донских катакомбных погребений, является отсутствие многоваликовой орнаментации, характерной для позднекатакомбных памятников Дона и встречающейся на поселениях Нижнего Повол-

жья. В правобережье саратовского Поволжья, в междуречье Волги и Дона, в последние годы был исследован ряд комплексов с посудой, украшенной налипными валиками (в могильниках Горбатый Мост, Большие Копёны и др).

Керамика с валиками и без валиковой орнаментации - это две разные линии развития и традиций. К западу от Поволжья поздний этап средней бронзы характеризуется развитием многоваликовой орнаментации и приводит к появлению КМК, памятников маёвского типа и др. В степном Поволжье между катакомбными памятниками с многоваликовой орнаментацией и раннесрубными существуют катакомбные памятники с керамикой, для которой валиковая орнаментация нехарактерна. В этом случае катакомбные памятники, подобные Белогорским, можно рассматривать как один из элементов подосновы сложения срубной культуры в Поволжье. Поэтому на раннесрубной керамике валиковая орнаментация почти полностью отсутствует.

В настоящее время в Поволжье известны раннесрубные погребения в подбоях, в могилах сложной конструкции с длинной входной ямой и со ступеньками, в круглых ямах (Памятники срубной культуры...1993. С. 140, табл. 10, рис. 28-33, с. 153, табл. 23, рис. 31; с. 144, табл. 14, рис. 17-24). Это говорит о продолжении существования самого главного элемента катакомбного погребального обряда – подбойной конструкции могил в период формирования срубной культуры. Кроме того, давно отмечено, что все основные черты погребального обряда и инвентаря срубной культуры встречаются уже в позднекатакомбное время, что является ярким свидетельством их генетической преемственности (Пярых Г.Г., 1983. С. 81-95; Пярых Г.Г., 1989. С. 136-137).

На материалах Среднего Дона в последнее время обстоятельно разработана и аргументирована мысль, что на рубеже поздней и средней бронзы на недолгом отрезке времени одновременно сосуществовало несколько культур, включая катакомбную, абашевскую, срубную, воронежскую и др., и приводятся случаи обратной стратиграфии (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. С. 66-69). На нижневолжских памятниках точно установленных случаев обратной стратиграфии между катакомбными и срубными или покровскими памятника-

ми не известно, но есть данные, свидетельствующие об их хронологической близости.

Решение вопроса о хронологической неразрывности катакомбных и раннесрубных памятников остается гипотетическим, но есть основания полагать, что смена культур на рубеже средней и поздней бронзы в Нижнем Поволжье произошла очень быстро, может быть, в течение нескольких поколений. В кургане у с. Сторожевка (рис. 45) (Ляхов С.В., 1996; 2009) в основном погребении найдены кованое бронзовое копьё - прототип покровских копий и сосуд, аналогичный горшку погребения 3 из Белогорского- II. Так же, как и в Белогорском могильнике, в Сторожевском кургане непосредственно над катакомбным погребением находилось раннесрубное – покровское захоронение. В соседнем кургане 2 у с. Сторожёвка погребение 2 содержало псалии с треугольной планкой, аналогичные синташтинско-потаповским, и посуду, близкую керамике из кургана 1 этого же могильника. Наличие в катакомбном захоронении копья, маркирующего начало сейминского горизонта, а также псалиев этого же времени в погребении с керамикой покровского типа свидетельствует об их синхронности между собой и с синташтинско-потаповским кругом памятников.

Известны и другие случаи залегания раннесрубных погребений непосредственно над захоронениями средней бронзы на поволжских памятниках. В курганах это может быть объяснено случайным совпадением, но в грунтовых могильниках, как правило, захоронения более компактны в хронологическом отношении, чем в курганах, так как надмогильные сооружения над ними не сохраняются долго, и вероятность попадания более поздних погребений непосредственно в скопление более ранних с течением времени сокращается.

В данном случае мы сталкиваемся с фактом непосредственной хронологической близости и преемственности захоронений конца катакомбной и начала срубной культур, что позволяет сделать вывод об очень быстром широком распространении срубной культуры, сменившей в Нижнем Поволжье культуры средней бронзы в течение нескольких поколений.

Кроме кургана у с. Сторожёвка с наличием катакомбного и покровского погребений в одной могиле, сочетание захоронений в одной могиле с катакомбным и срубным сосудами известно в кургане 2 Бережновка II (п. 2, 8, 9) (рис. 45). Это погребение также можно рассматривать в комплексе, а не как случайное наложение одного погребения на другое. Здесь срубное захоронение с баночным сосудом находилось в заполнении могилы, не нарушая её контуров. На дне могилы лежал скелет ребёнка с сосудом, орнаментированным «ёлочкой» (Синицын И.В., 1959. С. 120) и идентичным по форме сосуду из срубного погребения Белогорского- II могильника. Вероятность случайной «накладки» здесь невелика, так как эти погребения находились в поле кургана далеко от остальных могил. Сходный случай был зафиксирован и в кургане Жареный Бугор в Саратове (рис. 45), где на краю могильной ямы, в инвентаре которой присутствовали многоваликовый сосуд и костяная пряжка раннего типа, находилось погребение с покровским сосудом (Монахов С.Ю., 1985. С. 241-243).

Бросается в глаза, что во всех этих случаях керамика катакомбных погребений коррелирует между собой. Она имеет «ёлочную» орнаментацию и характерна для позднекатакомбного времени. Копьё из Сторожёвки относится к позднекатакомбному и абашевскому времени и является предшественником покровских копий. Кованые копья распространены в Подонье в памятниках абашевской и катакомбной культур. Подборка подобных предметов насчитывает здесь более десятка (Рогудеев В.В., 2007. С. 40-43). В то же время срубные погребения, сопутствующие катакомбным, по инвентарю датируются раннесрубной (покровской) эпохой.

Вероятно, что к этой же категории подхоронений относится и курган 20 Бережновка I. Здесь по центру располагалась могила со ступеньками, а на дне скорченно на спине лежал скелет с искусственно деформированным черепом. Сосуд с округлым дном имел типичную для катакомбного времени «ёлочную» орнаментацию. К северу и востоку от скелета на уровне ступенек покоились два детских костяка на левом боку, один в позе адорации, другой – «скачущего

всадника» (Синицын И.В., 1959. С. 81, 82).

Учитывая, что такие дохоронения встречаются на грунтовом могильнике и в поле кургана, причём катакомбные погребения относятся к позднему этапу, а срубные - к раннему, случайное совпадение представляется маловероятным. Эти погребения могли совершаться в коротком хронологическом интервале, фиксируемом памятью современников или ближайших потомков. Материалы погребальных комплексов приводят к выводу, что в конце средней бронзы в степном Поволжье сложилась мозаичная картина сосуществования различных культур и культурных традиций, включая ямную. Позднеямные погребальные обряды захоронения – это явление не столько культурного и хронологического порядка, сколько социального. Ямная культура почти доживает до срубной и отделена от неё не столь значительным хронологическим интервалом, как это принято считать, возможно, лишь несколькими десятилетиями (Дрёмов И.И., 1997 А. С. 40-56).

Кроме памятников финала катакомбной культуры и раннего этапа срубной, на рубеже эпох существовали памятники вольско-лбищенского и «криво-лукского» культурных типов.

Вольский культурный тип, по Н.М. Малову (Малов Н.М., 1979. С 82-83; 2007. С. 38; 2008. С. 77-78; Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г., 2009), или вольско-лбищенская культурная группа, по И.Б. Васильеву (Васильев И.Б., 1999), тяготеет к северу степного Поволжья и лесостепи (Васильев И.Б., 2003. С. 107-115). К сожалению, эта своеобразная керамика представлена преимущественно фрагментарными материалами с городищ, селищ, грунтовых могильников и, изредка, из курганов. В некоторых случаях вольско-лбищенские традиции проявляются на уровне отдельных элементов на позднекатакомбной и покровской керамике. Элементы вольской традиции в оформлении венчиков сосудов и орнаментации прослеживаются в керамике Белогорского- I могильника из п. 15, 28 (Дрёмов И.И., 1996. С. 105, рис. 4,3; 108, рис. 6, 2), в кургане 3, п. 14 могильника Советское (Баринов Д.Г., 1996. С. 92, рис. 3, 4), в керамическом комплексе покровского типа селища Вишнёвое в Саратове (Дрёмов

И.И., 1985. С. 145-146. Дрёмов И.И., 1992. С. 74-86). Имеется группа впускных погребений в насыпь кургана № 4 Тамар-Уткульского курганного могильника, среди которых показательны сосуд и украшения вольско-лбищенского типа из погребения 5.

К вольско-лбищенской культурной группе И.Б. Васильев отнёс грунтовый могильник Алексеевка III на севере Саратовского правобережья Волги. О его хронологической позиции на рубеже средней и поздней бронзы свидетельствуют украшения в виде спиралевидных очковидных подвесок, плоских подвесок в полтора оборота, бляшек и др. (Васильев И.Б., 2003. С. 107-112). Однако отсутствие керамики не позволяет с уверенностью проводить культурную идентификацию этого памятника.

Выделенная в последние годы так называемая «криволукская культурная группа» находится в непосредственной связи с вольско-лбищенским и бабинским типами памятников (Мимоход Р.А., 2004; 2005; 2009. С. 31-35; Лопатин В.А., 2010, С. 74-75). В отличие от вольско-лбищенских, криволукские материалы представлены преимущественно погребальными комплексами. Их объединяет аскетичность в инвентаре, небольшая глубина могил, зачастую в насыпи, скорченность костяков на правом, на левом боку или на спине при отсутствии погребального стандарта в положении рук и ориентировках погребённых. При этом вольско-лбищенская группа характеризуется своеобразной и вполне самостоятельной керамикой,¹ в то время как криволукские комплексы обычно бескерамичны или имеют весьма размытые и инокультурные признаки.

Недавно Р.А. Мимоходом сделана попытка выделения пласта памятников переходного периода от средней бронзы к поздней в Нижнем Поволжье на основании так называемой «криволукской культурной группы». В данную группу, которая, по его мнению, заполняет интервал между катакомбной и срубной

¹ Именно керамика является отличительным признаком вольско-лбищенских памятников. Не случайно эта керамика была названа «загадочной» (Степанов П.Д., 1956; Васильев И.Б., 1975. С. 76-83; Малов Н.М., 1979. С. 82-83).

культурами, исследователь выделил ряд погребений, имеющих сочетание обрядовых признаков катакомбной и срубной культур, а в некоторых случаях инвентарь и керамику рубежа средней и поздней бронзы (Мимоход Р.А., 2004, 2009. С. 32-35).

Некоторые археологи уже оперируют термином «криволукская культура» (Сухорукова Е.П., 2006. С. 85; Кияшко А.В., Хабарова Н.В., 2007. С. 50, 78, 93; Рысин М.Б., 2007. С. 194). Другие исследователи пользуются термином «криволукская культурная группа» (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 109). Эти погребения сочетают в погребальном обряде признаки, характерные для рубежа средней и поздней бронзы, и отдельные предметы этого времени. Керамический комплекс не определён.

Большая часть сосудов из погребений, отнесённых к криволукским, имеет разнокультурные черты. Почти вся посуда с признаками других культур происходит с периферии очерченного Р.А. Мимоходом «криволукского ареала», где носители посткатакомбной традиции (по терминологии Р.А. Мимохода) вступали в контакты с постшнуровыми культурными группами лесостепи. В северной части степной зоны в захоронениях с «криволукской обрядностью» он отмечает сосуды вольско-лбищенского облика (Боаро F 6/7, Белогорское- I, 1/15, Советское 1/24) (Rau P., 1928. Abb. 4, A; Дремов И.И., 1996. Рис. 4, 3; Баринов Д.Г., 1996. Рис. 3, 4). Р.А. Мимоход считает, что «криволукскими» являются и кенотафы с вольско-лбищенской посудой, обнаруженные в курганах (Барановка-1, 10/7; Белогорское- I, п. 28) (Сергацков И.В., 1992. Рис. 1, 4, 5; Дремов И.И., 1996. Рис. 6, 2). На северо-восточной периферии в посткатакомбных комплексах так называемой «криволукской культурной группы» обнаружена посуда воронежской культуры (Губари 4/1, Липовка-1, 5/1 и, возможно, Чурилово-1, 3/3) (Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1996. Рис. 1, 4, 5; Акимова С.В., 2006; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. С. 19, рис. 5, 3, 5).

Три погребения с воронежской керамикой совершены по «криволукской обрядности», и их, как полагает Р.А. Мимоход, «более правомерно рассматривать в данном посткатакомбном контексте» (Мимоход Р.А., 2009. С. 32-33).

Еще три захоронения с воронежской посудой, по его мнению, демонстрируют бабинский погребальный обряд (Матвеевский 1/1, Павловский 3/1, Хохольский 1/3) (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1983. Рис. 3, 2; 4, 1; Синюк А.Т., 1983. С. 37-39). Остальные же комплексы не представляют сколько-нибудь устойчивого погребального обряда воронежской культуры. Здесь присутствуют вытянутые и скорченные погребения, захоронения в ямах и колодах, с различными векторами ориентировки (Беседин В.И., 1986. С. 71-75).

В «криволукскую культурную группу», по Р.А. Мимоходу, попадают и захоронения с вольско-лбищенской керамикой: «При наличии выразительной серии поселенческих комплексов известно только пять достоверно вольско-лбищенских погребений в кургане 4 VII Тамар-Уткульского могильника, совершенных в необычной сидячей позе (Богданов С.В., 1998. С. 22, рис. 10, 11). В то же время с вольско-лбищенским культурным образованием связывается ранняя группа Алексеевского грунтового могильника (Васильев И.Б., 1999. С. 69-71; 2003. С. 108) и грунтовые захоронения на поселении Лбище (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. С. 44, 45)». По мнению Р.А. Мимохода, в остальных случаях вольско-лбищенская посуда обнаружена в подкурган-ных захоронениях «криволукской культурной группы», что четко документирует верхнюю границу такого явления, как Вольск-Лбище в пределах финала средней бронзы (Мимоход Р.А., 2009. С. 33-34).¹

Р.А. Мимоход считает, что собственный керамический комплекс Кривой Луки может быть представлен многоваликовой посудой, близкой к бабинской. На определенную близость бабинской и «криволукской» культурных традиций, по его мнению, указывают случаи обнаружения костяных пряжек бабин-

¹ Отметим, что отдельные черты вольской традиции можно наблюдать не только на белогорских и тамар-уткульских сосудах конца средней бронзы, но и в посуде из кургана начала поздней бронзы Советское-Энгельс, и в керамике с поселения покровского типа Вишнёвое в Саратове. При нашей публикации материалов Вишнёвого вольская керамика оставалась «загадочной» и рассматривалась разными авторами в хронологических пределах от неолита до средней бронзы (Васильев И.Б., 1975; Малов Н.М., 1979). Заметное сходство между этими различными керамическими комплексами подтверждало предположение Н.М. Малова о датировке вольской керамики средней бронзой и уточняло верхнюю дату рубежом средней и поздней бронзы (Дремов И.И., 1985; 1992; Дремов И.И., Семёнова И.В., 1999).

ских типов в «криволукских» захоронениях (Монахов С.Ю., 1984. С. 241-243, рис. 2, 1; Синюк А.Т., 1989. Рис. 5, 7, 8; Кияшко А.В., 2003. Рис. 2; Мимоход Р.А., 2004. Рис. 1; Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., 2006. Рис. 10, 5; 11. 6). Некоторые находки костяных пряжек Р.А. Мимоход считает не только бабинскими (Жареный Бугор 3/1, Власовский-1, 7/1, Линево 6/6), но и собственной «криволукской» модификацией ранних кольцевых пряжек (Верхний Балыклей к. 4, п. 4, Большая Дмитриевка II к. 1, п. 6, Дмитриевка, к.1, п. 1, Евстратовский II к. 3, п. 2, к. 4, п. 3).

В связи с неясным характером керамического комплекса пласт посткатакомбных или предсрубных захоронений в Поволжье был назван автором не культурой, а «криволукской культурной группой» (Мимоход Р.А., 2004; 2009. С. 32-35).

Представляется, что не имеет значения, как квалифицировать эти памятники – культурой или культурной группой. В любом случае для археологической культурной характеристики важнейшим признаком является керамика. Отсутствие самостоятельного керамического комплекса позволяет говорить, в лучшем случае, об обрядовой или обрядово-хронологической группе. Но и для этого требуются признаки, характерные конкретно для данной группы, а не для других известных культур. Таким образом, «криволукская культурная группа» не имеет ни самостоятельного погребального обряда, отличающего её от известных археологических культур, ни своеобразной керамики или иного инвентаря, ни территории распространения. В неё включены разнокультурные комплексы с позднекатакомбной, КМК (бабинской), воронежской, вольско-лбищенской и др. керамикой (Мимоход Р.А., 2004; 2009. С. 32-35).

Без наличия реперных памятников, содержащих серии одновременных погребений с набором погребальных признаков и своеобразным инвентарём, к вновь выявляемым культурно-хронологическим образованиям следует относиться осторожно. Таким методом, например, из Белогорских могильников и из курганов у Советского произвольно вычлняются из общего комплекса те погребения, которые, по мнению автора, являются посткатакомбными, а, сле-

довательно, «криволукскими» (Мимоход Р.А., 2009. С. 32). Такая интерпретация не обоснована ни планиграфией, ни стратиграфией, ни характеристиками инвентаря. Нет никакой уверенности в том, что и другие погребения этого типа не являются лишь одной из обрядовых групп, отсортированной из общей массы погребений позднекатакомбного времени. Думается, что это не только возможно, но и неизбежно, так как большинство захоронений позднекатакомбного периода либо безынвентарны, либо обладают недостаточно информативным инвентарём для их точной культурной и хронологической идентификации. С одной стороны, многие безынвентарные или трудноопределимые погребения, совершённые по срубному обряду, могут оказаться предсрубными, с другой стороны, этим же населением могут быть оставлены и такие малоинформативные захоронения, которые невозможно отнести по обряду к «криволукской группе». В связи с этим нет никаких оснований считать, что предсрубный период степного Поволжья может характеризоваться памятниками «криволукского культурного типа», так как в своей основе они являются позднекатакомбными с включением комплексов других культур с переходными обрядовыми признаками. Если даже будут найдены эталонные памятники этого времени, то, во-первых, маловероятно, что они будут обладать признаками только «криволукской» обрядовой группы, а во-вторых, ими не может исчерпываться весь спектр культурных образований предсрубного времени, равно как это не может свидетельствовать о наличии переходного периода от катакомбной культуры к срубной.

Можно констатировать, что попытки выделения памятников переходного типа на базе «посткатакомбных образований» в степном Поволжье пока не подтверждаются археологическими памятниками. Все имеющиеся на настоящее время материалы говорят, что смена катакомбной культуры срубной произошла в степном Поволжье очень быстро – в течение нескольких десятилетий. Этим можно объяснить почти полное отсутствие обратной стратиграфии и синкретичных материалов или памятников переходного типа. В начале поздней бронзы сохраняется культурная многокомпонентность в виде срубных,

покровских, синташтинско-потаповских и иных проявлений. Процесс формирования и сложения срубной культуры отражается не памятниками переходного типа, а многочисленными и весьма многообразными комплексами начала поздней бронзы.

К настоящему времени круг погребальных памятников конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья позволяет наметить некоторые керамические индикаторы этого времени (рис. 46). Наиболее представительные серии керамики катакомбной культуры происходят из Белогорских грунтовых и Усть-Курдюмских курганных могильников. Оба памятника могут служить эталонами, характеризующими волго-донскую катакомбную культуру степного Правобережья Волги, так как они почти не содержат разнокультурных и разновременных материалов и оставлены одним населением в течение некоторого отрезка средней бронзы. Как Белогорские, так и Усть-Курдюмские могильники характеризуются погребальными обрядами и керамикой, широко распространёнными в катакомбных культурах различных регионов, что объединяет их. Оба могильника содержат плавно профилированные сосуды средних пропорций, орнаментированные «ёлочкой», нанесённой штампом, иногда в сочетании с верёвочным или шнуровым орнаментом. Но есть и заметные различия. В белогорской керамике имеется серия сосудов с трудно определимым культурным своеобразием, возможно, бахмутского и вольского происхождения: с пышной орнаментацией, с внутренним ребром, с отогнутыми, иногда желобчатыми венчиками. Усть-Курдюмская посуда выглядит более монокультурной, но в её наборе имеется керамика с уступчатым плечом, что не встречается в Белогорском, но сближает её с полтавкинской культурой. Керамика из Усть-Курдюма выглядит типологически более ранней благодаря полтавкинским реминисценциям, а белогорская – более поздней по встречающимся бахмутским аналогиям. Являются ли эти различия хронологическими, или отражением индивидуальных особенностей более южного (белогорского) и

более северного (усть-курдюмского) населения, ответить сложно из-за отсутствия радиоуглеродных дат и датирующих предметов.¹

В начале поздней бронзы керамика в массе своей сильно отличается от катакомбной, но один из главных её показателей – «ёлочная» орнаментация – встречается и на раннесрубных памятниках. Значительные керамические серии этого времени могут иметь сильно выраженные абашевские (покровские) черты (Покровск, Дубовый Гай, Широкий Карамыш, Бородаевка, и др.), почти не иметь их (Терновка, Новояблоновка и др.), либо составлять практически чисто срубные керамические комплексы, в которых лишь с натяжкой некоторые, слегка отогнутые венчики, можно принять за косвенное абашевское или покровское проявление (Золотая Гора, Смеловка, Калач-1 и др.).

Покровские и раннесрубные материалы появляются в одно время, покровская керамика наследует абашевские традиции, срубная – катакомбные. Это две линии развития, имеющие различные истоки, но одно продолжение – срубную культуру. И абашевская, и катакомбная культуры приняли участие в сложении срубной, как это отмечал Г.Г. Пярых (Пярых Г.Г., 1990. С. 113-117), но в процессе развития срубной культуры абашевские черты нивелировались и в развитой срубной культуре были практически полностью изжиты.

Наиболее ранние памятники собственно срубной культуры в степном Поволжье оказываются синхронными с КМК, Синташтой, абашевцами Среднего Дона и т.д. Вероятно, срубная культура появляется здесь несколько раньше, чем на других территориях, быстро распространяется, изживает инокультурные компоненты, включает в себя и ассимилирует местные культуры соседних территорий, в результате чего в короткий срок достигает удивительной стандартизации и унификации на огромном пространстве степной и лесостепной зоны от Урала до Днепра.

В свете накопленных за многие десятилетия материалов иначе выглядит и проблема происхождения срубной культуры. Катакомбные погребения из давно введённых в научный оборот комплексов Старой Полтавки, Бережновки,

¹ Расстояние между ними около 100 км.

Политотдельского в течение долгого времени рассматривались как полтавкинские или в контексте полтавкинской культуры. Многие из них в результате накопления источниковедческой базы стали определяться как несомненно катакомбные со своей местной спецификой погребального обряда и инвентаря (Мельник В.И., 1979. С. 53; он же, 1985. С. 12-14; Турецкий М.А., 1992. С. 64-79). В системе древностей средней бронзы за полтавкинской культурой закрепились место в одном хронологическом диапазоне с позднеямными и ямно-катакомбными памятниками (Турецкий М.А., 1992; Мельник В.И., 1979; Пятых Г.Г., 2005; Сухорукова Е.П., 2008). Накопившиеся материалы свидетельствуют, что в постьямное и предсрубное время степное Поволжье занимали племена волго-донской катакомбной культуры. Сейчас известны не только отдельные погребения, но и грунтовые могильники и курганные комплексы, такие, как Усть-Курдюм I-III (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993), Крутец (Тименков Д.М., 1997), Б. Дмитриевка (Матюхин А.Д., 1992), Низовка (Максимов Е.К., 1979), Рыбушка (Четвериков С.И., 1989), Белогорское- I и II (Дремов И.И., 1996), Сторожёвка (Ляхов С.В., 1996), Старая Яблонка (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1997).

Не только в правобережье Волги, где наличие катакомбной культуры не отрицалось и ранее, но и в Заволжье катакомбная культура представлена значительной серией погребальных памятников, не вызывающих сомнений в их культурной принадлежности: Надеждинка (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989); Новая Квасниковка (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992), Советское (Баринов Д.Г., 1996), Кумыска II (Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н., 2002) и др.

Открытия последних десятилетий убедительно свидетельствуют не о спорadicком проникновении в степное Поволжье отдельных групп катакомбного населения, как это представлялось ранее, а о существовании здесь вполне сформировавшейся к концу средней бронзы катакомбной культуры с присущими ей признаками и характеристиками (Мельник В. И., 1985; Дремов И.И., 1996; Юдин А.И., 1997; Кияшко А.В., 2002; Сухорукова Е.П., 2008). Ката-

комбное население оставило как погребальные, так и поселенческие памятники не только в Правобережье, но и глубинных районах Заволжья. Можно с полной уверенностью считать, что в эпоху средней бронзы в северной части Нижнего Поволжья развивалась одна из культур катакомбного круга. Понятие «волго-донская катакомбная культура» не является эквивалентом термина «полтавкинская» или «катакомбно-полтавкинская» культура, так как полтавкинские памятники считаются продолжением местных – ямных традиций, а появление катакомбной культуры – результатом привнесённых в Поволжье внешних культурных компонентов.

Катакомбное население испытало влияние катакомбных культур донецкого, среднедонского, предкавказского регионов. Однако и проникновение волго-донских элементов культуры отмечается на соседних территориях. Например, распространение керамики с «ёлочной» орнаментацией в западных регионах считается результатом более восточного – волго-донского влияния (Смирнов А.М., 1996).

В.И. Мельник, обративший внимание на своеобразие поволжских катакомбных погребений, трактовал их как доно-волжский вариант катакомбной общности (Мельник В.И., 1985). Дальнейшее расширение материалов позволило этим памятникам занять равноправное место в ряду культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья, а за самой культурой закрепилось название «волго-донская катакомбная культура» (Кияшко А.В., 2002. С. 210-212; Сухорукова Е.П., 2008). Наиболее близкими по времени и по составляющим признакам к раннесрубным погребениям, как выяснилось, оказались катакомбные памятники. Наиболее последовательно и аргументировано точку зрения о катакомбной культуре как одной из подоснов срубной культуры отстаивает Г.Г. Пятых, который произвел критический разбор гипотезы о полтавкинской подоснове срубной культуры Поволжья (Пятых Г.Г., 2000. С. 11.14; он же, 2005).

Только в материалах позднего этапа волго-донской катакомбной культуры содержатся все культууроопределяющие признаки, получившие дальнейшее развитие и стандартизацию в срубной культуре, что было сложно проследить

прежде из-за ограниченности источниковедческой базы (Юдин А.И., 1996 А. С. 51-54). Это относится к форме могильных ям, позе погребенных и их ориентировкам. Например, в Заволжье среди катакомбных погребений Бережновки I можно назвать погребения 6 и 8 из кургана 3, погребение 17 из кургана 5 (рис. 40), в которых умершие положены в подпрямоугольные ямы скорченно на левом боку, руки протянуты к ногам. Асимметричный сосуд из к. 5, п. 17 вполне сопоставим по форме и пропорциям с раннесрубной керамикой (Синицын И.В., 1959. С. 59, 60, 70, рис. 17, 6). Если первые единичные случаи совпадения погребального обряда катакомбных захоронений со срубным можно было воспринимать как нечто случайное и нетипичное, то накопление данных всё больше указывает на катакомбные истоки происхождения срубной культуры. Полная идентичность ориентировки и позы погребённого со срубным обрядом была зафиксирована в погребении 10 из кургана 2 могильника Бережновка II: простая яма, северо-восточная ориентировка, положение погребенного на левом боку скорченно, кисти рук перед лицом (Синицын И.В., 1959. С. 122). Погребение 4 из кургана 9 этого же могильника отличается только положением рук умершего – правая вытянута к ногам, левая согнута в локте (Синицын И.В., 1960. С. 14). В аналогичной позе совершено погребение 5 из кургана 3 в Политотдельском (Смирнов К.Ф., 1959. С. 234-235). Среди впускных катакомбных захоронений кургана 3 в Ровенском могильнике погребение 1 также отличается «срубной» позой и северо-восточной ориентировкой (Синицын И.В., 1966. С. 28, 29). Этими же чертами характеризуется и катакомбное погребение 5 из кургана у с. Надеждинка – северо-восточная ориентировка, скелет на левом боку скорченно с руками перед грудью и в прямоугольной яме (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989. С. 90). Крупные прямоугольные ямы, северо-восточная ориентировка и положение умершего на левом боку с руками, протянутыми к ногам, отмечены в основных катакомбных погребениях (2 и 5) кургана 1 у с. Шумейка (Юдин А.И., 1998).

В позднекатакомбных памятниках Правобережья Волги также встречаются все основные признаки погребальной обрядности, характерные для срубной

культуры. В Белогорских могильниках, например, положение на левом боку и ориентировка в северо-восточный сектор круга являются преобладающими (Дрёмов И.И., 1996. С. 98-118). Здесь же встречены погребения в позе адорации, характерной для срубной культуры. Анализ поздних катакомбных погребений Саратовского Правобережья выявил совпадение погребального обряда с раннесрубным по многим параметрам. Это преобладание захоронений в простых ямах (при наличии подбоев и катакомб). Умершие лежали на левом боку скорченно, руки протянуты к ногам, но иногда и к лицу; головой ориентированы, в основном, в северной части круга.

Следует отметить, что срубные черты погребального обряда встречаются лишь в отдельных погребениях того или иного памятника. Здесь ещё нет системы, эти признаки необязательны, и обряд чрезвычайно вариативен. Было бы заманчиво рассматривать процесс перехода от катакомбной культуры к срубной как постепенное увеличение и накопление необходимых признаков. В этом случае предсрубные погребения должны обладать всем основным набором погребальных признаков срубной культуры, но с некоторой степенью вариативности.

Следует отметить ещё одну важную деталь погребальной обрядности, часто встречающуюся на памятниках конца средней и начала поздней бронзы, но не характерную для других периодов. Позднекатакомбные и раннесрубные комплексы степного Поволжья объединяют такие характерные признаки, как наличие ровиков, ограничивающих группы погребений, в центре которых находятся могилы с более архаичными обрядовыми признаками, и наличие погребений в ровиках. Причём это не случайно попавшие в ровик более поздние захоронения, а могилы, являющиеся частью погребальной конструкции. Захоронения имеют ориентировки, совпадающие с направлением ровика в месте нахождения могилы, иногда они находятся в месте его окончания и являются конструктивным завершением. В срубно-покровском кургане 2 Широкий Кармыш все основные погребения с инвентарём занимали ровик, в то время как за его пределами, в центре насыпи, крупные грунтовые могилы отсутствовали

и, вероятно, были впускными. Кроме того, захоронения в ровиках являлись частью планировки грунтовых могильников Белогорское- I, Смеловка, курганов Кочетное и др. Общей чертой позднекатакомбных и раннесрубных комплексов является большая вариативность в конструкциях могил, позах и ориентировках костяков. Как в грунтовых, так и в курганных могильниках рубежа средней и поздней бронзы встречаются случаи подхоронений близких по времени потомков в могилу предков. Эти специфические черты погребального обряда позднекатакомбных и раннесрубных захоронений могут свидетельствовать об их культурной преемственности и хронологической близости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрены погребальные памятники степного Поволжья, имеющие признаки, позволяющие относить их к концу средней и поздней бронзы. На основании проведённого анализа можно сделать некоторые выводы.

Катакомбная культура в степном Поволжье доживает до конца средней бронзы. Конец средней бронзы представлен преимущественно погребениями волго-донской катакомбной культуры, происходящими из грунтовых могильников и курганов. Кроме комплексов местной волго-донской катакомбной культуры, известных ещё со времени становления археологической науки, в степном Поволжье выделяется ряд погребальных комплексов почти не фиксировавшейся здесь ранее среднедонской катакомбной культуры с валиковой керамикой. Их непосредственной подосновой являются позднеямные и ямно-катакомбные памятники, стыкующиеся по времени с позднекатакомбными. Есть косвенные указания, что некоторые из них могли существовать и в позднекатакомбный период, а на уровне проявлений в погребальной обрядности и отдельных элементов в инвентаре – доживать даже до рубежа средней и поздней бронзы. С большей степенью вероятности и аргументированности можно говорить о том, что генетически опосредованно через катакомбную культуру позднеямные и ямно-катакомбные племена могли принять участие в сложении срубной культуры (рис. 46).

В погребениях средней бронзы чаще всего встречается керамика волго-донской катакомбной культуры, самым распространённым и характерным видом орнаментации которой является вертикальная «ёлочка». В четырёх могильниках правобережья Волги на реках донского бассейна имела среднедонская керамика, орнаментированная налепными валиками. Еще один сосуд с многоваликовой орнаментацией обнаружен в кургане Жареный Бугор на окраине Саратова. Этот спорный комплекс относят и к КМК, и к бабинской культуре, и к среднедонской, и к памятникам «криволукского типа». При любой интерпретации погребений с многоваликовой керамикой, в степном По-

волжье они немногочисленны и не представляют собой основного ядра позднекатакомбной культуры этого региона. Все памятники с погребениями, содержащими керамику с валиковой орнаментацией, встреченные в степном Поволжье, располагаются на реках донского бассейна и являются результатом проникновения сюда катакомбного населения с запада, из лесостепных территорий Среднего Дона, в то время как волго-донские захоронения проявляют в основе местные корни. Позднекатакомбные памятники степного Поволжья характеризуются неустойчивостью погребального обряда и бедностью инвентаря. В погребальном обряде прослеживаются такие тенденции позднебронзового века, как положение на левом боку, иногда с северо-восточной ориентировкой костяков. Есть погребения в позе адорации. При этом доминируют такие основные признаки катакомбной культуры, как наличие могил с подбоями, со ступеньками по краю или всему периметру могил, поза «скачущего всадника».

Катакомбная культура является одной из генетических основ культур эпохи поздней бронзы степного Поволжья. Среди надёжно датированных по инвентарю памятников начала поздней бронзы имеются и комплексы покровского типа с заметными доно-волжскими абашевскими признаками, и погребения со слабо выраженными покровскими проявлениями, и раннесрубные памятники без покровских признаков. В последнее время наметилась тенденция все памятники, имеющие признаки начала поздней бронзы, интерпретировать как покровские. Между раннесрубными и покровскими комплексами не существует резкой границы. Лишь между крайними проявлениями этих культурных групп наблюдаются чёткие различия, заметные невооружённым глазом. С одной стороны, встречаются памятники с керамикой, имеющей ярко выраженные отогнутые венчики с внутренним желобком, обильной примесью раковины и расчесами по поверхности, которые при всём желании невозможно посчитать срубными. С другой стороны, есть и срубные памятники без этих признаков, но с катакомбными реминисценциями в керамическом декоре, в наличии подбоев или с инвентарём, хорошо датированным синташтинско-потаповским временем. Но чаще всего покровские черты на срубной керамике

проявляются лишь в виде слабо выраженных элементов: небольшая отогнутость венчиков, примесь раковины в глине или наличие расчёсов на поверхности некоторых сосудов. Степень выраженности покровских или абашевских признаков может объясняться как степенью контактов между срубным и покровским населением, так и различиями хронологического порядка, но обе эти группы памятников отражают начало эпохи поздней бронзы. Они содержат отдельные погребения с такими признаками предшествующего периода, как наличие могил с подбоями и со ступеньками. Распространены ровики и захоронения в ровиках. Планиграфия грунтовых и курганных могильников совпадает в тенденции создавать центральное погребение с более архаичными, нередко ямными погребальными традициями, а вокруг – могилы с другими, более вариативными признаками. В инвентаре катакомбное наследие проявляется в редких, но показательных сосудах с «ёлочной» орнаментацией, в одном случае с наlepным треугольным в сечении валиком (Низовка), в ранних формах ножей и другого инвентаря.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что между катакомбной и срубной культурами нет существенного хронологического разрыва. На могильниках конца средней и поздней бронзы встречаются случаи совместного залегания в одной могиле, но на разных уровнях, погребений с признаками конца средней и начала поздней бронзы. Учитывая, что такие комплексы встречаются и в грунтовых и в курганных могильниках, а также, принимая во внимание их датировку рубежом средней и поздней бронзы, можно рассматривать их не только как случаи прямой стратиграфии, но и как факты подхоронения потомка в могилу предка и, следовательно, прямой преемственности катакомбной и срубной культур.

Совпадение планиграфии грунтовых и курганных могильников с центральными погребениями в больших прямоугольных ямах и архаичными поздняямными реминисценциями в погребальном обряде, а также случаи раннесрубных подхоронений к позднекатакомбным свидетельствует о генетической связи этих культур и об отсутствии между ними хронологического раз-

рыва. На позднекатакомбных памятниках, имеющих чёткую идентификацию по инвентарю, встречаются практически все основные элементы срубной культуры, а в культурно определимых и уверенно датированных ранним временем раннесрубных и покровских погребениях прослеживаются признаки катакомбной культуры. Такие комплексы имеют переходные признаки от памятников средней бронзы к поздней и свидетельствуют не о наличии переходного периода, а о быстрой смене культур средней бронзы культурами позднебронзового века.

Кроме хорошо определимых в культурном отношении погребений с позднекатакомбной, раннесрубной и покровской керамикой, в степном Поволжье имеются отдельные захоронения с посудой, в орнаменте которой проявляются черты керамики вольского типа. Такие проявления в позднекатакомбных комплексах, наряду с ярко выраженными абашевскими традициями в покровской группе погребений и распространением в начале поздней бронзы металла из уральского металлургического очага, свидетельствуют о сильном влиянии и культурной инфильтрации лесостепных культур в степной регион Нижнего Поволжья с позднеямными и катакомбными традициями.

Кроме культурно определимых памятников конца средней – начала поздней бронзы, в степном Поволжье имеется группа погребений с элементами погребального обряда, в котором в могильных конструкциях, позах или ориентировках погребённых сочетаются признаки позднеямной, катакомбной, абашевской и срубной традиций. Не всегда можно точно установить источник таких черт погребального обряда. Например, наличие мощных деревянных перекрытий, положение погребённых на спине в покровских захоронениях может быть как реминисценцией ямной погребальной традиции, передавшейся через катакомбное население, в среде которого эти формы погребального обряда не исчезли, так и результатом восприятия абашевского обряда.

Имеющиеся в степном Поволжье комплексы, сочетающие признаки конца средней и начала поздней бронзы, позволяют пока говорить о погребениях переходного типа, но не о переходном периоде от средней бронзы к позднеброн-

зовому веку. И не только по причине их малочисленности, но и в силу недостаточности керамического материала, отличающего их от известных культур. К погребениям с переходными признаками можно применять различные термины: посткатакомбные, прото- или предсрубные, памятники позднеполтав-кинской культуры, «криволукской культурной группы», но в большинстве своём это бескерамические, а ещё чаще безынвентарные комплексы. В тех же случаях, когда в погребениях имеются керамика и датирующий инвентарь, практически все погребения конца средней и начала поздней бронзы становятся узнаваемыми как памятники катакомбного, срубного или покровского круга. Есть отдельные погребения с чертами керамики вольского типа, но именно с элементами, а не с типично вольской керамикой, которая настолько своеобразна, что, если её видеть в оригинале, а не на иллюстрациях, то спутать ни с чем невозможно. Есть группа погребений с обрядовыми признаками, сочетающими элементы катакомбной и срубной культур, но если в них содержится посуда, то это либо позднекатакомбная, либо раннесрубная и срубно-покровская керамика.

Если даже принять во внимание гипотетическую «криволукскую культурную группу» памятников, этих материалов слишком мало, чтобы на их основе могло сформироваться столь колоссальное явление, как срубная культурно-историческая общность. Также не подходят на эту роль вольские или лбищенские памятники, не только в силу своей малочисленности и неопределённости погребального обряда, но и потому, что эти памятники относятся к кругу шнуровых культур, к которым ни срубная, ни покровская керамика не принадлежат.

Таким образом, имеющиеся на данный момент материалы позволяют с уверенностью говорить о наличии в конце средней – начале поздней бронзы в степном Поволжье основного массива позднекатакомбных и раннесрубных культур. Волго-донская катакомбная культура, являясь периферией катакомбного мира, сохранила местные ямные и полтавкинские традиции, опосредованно воспринятые населением степного Поволжья в срубно-покровское вре-

мя. Основным компонентом сложения срубной культуры явилась катакомбная культура. Отсутствие в степном Поволжье памятников, отражающих крупное культурное и хронологическое образование переходного типа, свидетельствует об отсутствии длительного переходного периода от культур средней бронзы к поздней и о формировании срубной культуры на основе катакомбной при активном участии лесостепных культур в короткое по археологическим меркам время.

Самые ранние погребения срубной культуры синхронны раннепокровским, синташтинско-потаповским памятникам и материалам позднего этапа культуры многоваликовой керамики. Погребальные памятники не дают оснований для объяснения причин смены культур на рубеже средней и поздней бронзы степного Поволжья в результате нашествия и привнесения срубной культуры извне. Причиной быстрого перехода от катакомбной культуры к срубной может быть смена источников поступления металла. Недостаток в бронзе постоянно испытывался населением степного Поволжья на протяжении ранней и средней бронзы и в силу территориальной удалённости от кавказского металлургического очага, и по причине плотной населённости в это время катакомбными племенами южных и западных регионов. В позднекатакомбных погребениях степного Поволжья находки бронзовых изделий являются редкостью, а в покровское время получают широкое распространение. Появление более доступной бронзы из уральского региона и распространение колесниц привело к быстрой смене экономических и социальных отношений.

На смену погребальному обряду катакомбной культуры, характеризующемуся большой вариативностью и отсутствием стандартизации, приходит единый погребальный обряд срубной культуры с наличием элитарных погребений, имеющих инсигнии воинской и жреческой власти. Разрозненные магические культы и обряды, прослеживаемые в погребениях катакомбной культуры, сменяются религиозной системой, проявившейся в унификации погребений срубной культуры (Дрёмов И.И., 1989; 1997 Б; 1997 В; 2000; 2000 А; Dryomov I.I., 2002)

Быстрая смена материальной культуры может быть объяснена переломом в экономических отношениях в связи с радикальным изменением экономических связей, а изменение погребального обряда лежит в религиозной сфере, вызванной социальными и религиозными инновациями. Эти проблемы также могут быть изучены на материалах погребальных памятников, но они не входят в задачи данного исследования, так как для их решения требуется хронологически и территориально более широкий круг источников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в Энгельсском и Вольском районах Саратовской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 16643.

Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках в Приволжском районе Куйбышевской области, Хвалынском районе Саратовской области и разведках в Оренбургской области в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6139.

Галкин Л.Л. Средневожская археологическая экспедиция. 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6467.174

Дремов И.И. Отчет об археологических раскопках поселения Вишневое в г. Саратове и кургана в южной части города Энгельса в 1985 г. // Архив НИ-АЛ СГУ. Д. 10157.

Клепиков В.М. Отчет о работах Донского отряда археологической экспедиции ВолГУ в 1983-1987 гг. // Фонды ВОКМ. № 52, 52а.

Клепиков В. М. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства I очереди оросительной системы у х. Шляховский Фроловского района Волгоградской области в 1989 г. // Фонды ВОКМ. № 52, 52а. № 64, 64а, 64б.

Лисицын И.П. Приложение к отчету о работах Волго-Донской экспедиции ВГПИ в зоне строительства Городищенской оросительной системы в Волгоградской области в 1973 г. // Фонды ВОКМ. № 124а.

Лисицын И.П., Скрипкин А.С. Отчет о проведенных археологических работах в зоне строительства Городищенской оросительной системы летом 1972 г. Городищенским отрядом Волго-Донской экспедиции // Фонды ВОКМ. № 103.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Северо-Ершовской оросительной системы в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10783177

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Северо-Ершовской оросительной системы в 1986 году // Архив ИА

РАН. Р-1. Д. 11726.

Лопатин В.А. Археологические исследования в Саратовском Поволжье в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 12034.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Заволжье в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 16723.

Лукашов А.В. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в 1981 г. // Фонды ВОКМ. № 121, 121а.

Максимов Е.К. Отчет об археологических исследованиях в Петровском районе Саратовской области // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1317.

Максимов Е.К. Отчет об археологических разведках в Ширококарамышском и Красноармейском районах Саратовской области. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1612.

Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Поволжской археологической экспедицией в Саратовской области в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 8502, 8502а, 8502б, 8502в.178

Малов Н.М. Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив, 1-ая очередь) в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 9252.

Малов Н.М. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив, 1-ая очередь) в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10501.

Малов Н.М. Отчет о раскопках Широко-Карамышских курганов и Смельовского селища в Саратовской области // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 12747.

Мамонтов В. И. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ИИМК РАН и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПИ в 1992 г. // Фонды ВОКМ. № 84а, 84б.

Мамонтов В. И. Отчет об охранных раскопках Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в 1994 г. // Фонды ВОКМ. № 129а,

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Фонды ВОКМ.

№ 163а.

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Фонды ВОКМ.

№ 153 а.

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2002 г. // Фонды ВОКМ. № 177, 177а, 129б.

Матюхин А.Д. Отчет об археологических разведках в Калининском районе и раскопках курганов у с. Большая Дмитриевка в Лысогорском районе Саратовской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №17586.

Мыськов Е. П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в 1986 г. // Фонды ВОКМ. № 79, 79а.

Мыськов Е. П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции ВГПУ в 1994 г. // Фонды ВОКМ. № 128, 128а.

Рыков П.С. Отчет об археологических исследованиях в Нижне-Волжском крае в 1928-29 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. Д. 154.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах 1930 г., произведенных в Нижне-Волжском крае проф. П.С.Рыковым // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1. Д. 795.

Сергацков И.В. Отчет об археологических исследованиях в районе с. Барановка Камышинского района Волгоградской области. Часть I (1982-1985 гг.) // Фонды ВОКМ. № 72, 72 а.

Сергацков И.В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции в 1991 г. // Фонды ВОКМ. № 81, 81а.

Сергацков И. В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в 1992 г. // Фонды ВОКМ. № 83, 83а.

Синицын И.В. Отчет об археологических исследованиях ИИМК АН СССР в 1954 г. // Фонды ВОКМ. № 726.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 4223.

Скрипкин А. С. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской ОС в Быковском районе Волгоградской области в 1978 г. // Фонды ВОКМ. № 87, 87а.

Скрипкин А.С. Отчет о работе археологической экспедиции ВГПИ в 1971 г. // Фонды ВОКМ. № 137, 137а.

Технический отчет об охранных археологических работах на объектах культурного наследия в зоне строительства магистрального газопровода Починки - Изобильное - Северо – Ставропольское ПХГ на участке Починки – Фролово в 2003 г. Научный руководитель А.В. Балановский // Архив Педагогического Государственного университета. Ф. 1. оп. 1. Д. 3.

Четвериков С.И. Отчет об археологических исследованиях в Хвалынском и Саратовском районах Саратовской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10427.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в Михайловском районе Волгоградской области за 1959 г. // Фонды ВОКМ. № 734, 9а.

Юдин А.И. Исследование археологических памятников в зоне строительства орошения на территории колхоза «Дружба» Ровенского района в 1990 г. // Архив НИАЛ СГУ. Д. 076.

Литература

Агапов С.А Срубная культура лесостепного Поволжья / С.А. Агапов, И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. трудов – Куйбышев, 1983. – С. 7-58.

Акимова С.В. Охранные раскопки у с. Липовка Бобровского района Воронежской области / С.В. Акимова // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2006. - Вып. 12. - С. 93-99.

Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.) / [под ред. А.И. Юдина] – Саратов: Научная книга, 2010. - 284 с.

Бадер О.Н. Балановский могильник. /О.Н. Бадер. – М.: Наука, 1963. – 372 с.

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье / Д.Г. Баринов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – Вып. 1. - С. 84-95.

Баринов Д.Г. Новые материалы по эпохе средней бронзы Саратовского Поволжья /Д.Г. Баринов, И.И. Дремов // Проблемы древней истории Северного Прикаспия : тез. докл. – Куйбышев, 1990. – С. 60-62.

Беседин В.И. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы / В.И. Беседин // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи : межвуз. сб. науч. трудов – Воронеж, 1986. – С. 71-78.

Беседин В.И. Историкографический комментарий к покровской проблеме / В.И. Беседин // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл.и материалы – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 43-46.

Богданов С. В. Большой Дедуровский Мар / С. В. Богданов // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 2. – Оренбург : Печатный Дом «Ди-Мур», 1998. – С. 17-37.

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы / В.С. Бочкарев // Конвергенция и дивергенция в развитии

культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы : матер. конф.- СПб., 1995. – С. 18-28.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С.Н. Братченко. – Киев: Наукова Думка, 1976. – 248 с.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху / А.Я. Брюсов. – М., АН СССР, 1952. – 264 с.

Бунятян Е.П. Об уровне социально-экономического развития срубного общества / Е.П. Бунятян // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 6-7.

Васильев И.Б. «Загадочная» керамика / И.Б. Васильев // Краеведческие записки. - Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1975. –Вып. III. - Самарская лука в древности. – С. 76-83.

Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области / И.Б. Васильев // Вопросы отечественной и всеобщей истории : сб. ст. – Куйбышев, 1975 А. – С. 24-32.

Васильев И.Б. О заселении лесостепных районов Заволжья срубными племенами / И.Б. Васильев // Науч. тр. Куйб. ГПИ. – Куйбышев, 1978. – Т. 221. - Древние культуры Поволжья и Приуралья. – С. 14–18.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) / И.Б. Васильев // Науч. тр. Куйб. ГПИ.– Куйбышев, 1979. – Т. 230. - Древняя история Поволжья. - С. 24-56.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утёвка в Среднем Поволжье / И.Б. Васильев // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ГУ, 1980. – Вып. 2. - С. 32-58.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке / И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева, Б.Г. Тихонов // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1987. – С. 15-43.

Васильев И.Б. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.:

ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 66-68.

Васильев И.Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова. – Самара, 1994. – 208 с.

Васильев И.Б. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье : краткое изложение / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Древние индо-иранские культуры Волго-Уральского междуречья. – Самара, 1995. – С. 5-37.

Васильев И.Б. Полтавкинское поселение у с. Ст. Яблонка Хвалынского района Саратовской области / И.Б. Васильев, В.А. Непочатых // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997.– С. 43-46.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья / И.Б. Васильев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. – Самара, 1999. – С. 66-114 .

Васильев И.Б. Вольск – Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье / И.Б. Васильев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие : материалы междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 107-115.

Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVII до н.э. (по материалам Синташтинского могильника) / В.Ф. Генинг // Новейшие открытия советских археологов : тез. докл. – Киев: Наукова думка, 1975. – Ч. 1. - С. 94-95.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен / В.Ф. Генинг // СА. – 1977.- № 4. – С. 15-21.

Генинг В.Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало - Казахстанских степей: В 2-х ч. / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Горбунов В.С. Периодизация срубной культуры Приуралья / В.С. Горбунов, Ю.А. Морозов // Срубная культурно-историческая общность (Пробле-

мы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев : Куйб. ГПИ, 1985. – С. 95-118.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья: учеб. пособ. к спецкурсу / В.С. Горбунов. - Уфа: Изд. Башк. ГПИ, 1986. - 95 с.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года / В.А. Городцов // Труды XII археологического съезда. – М., 1905. – Т. I. – С. 174-225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-297.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте / В.А. Городцов. – М.: Изд-во А.И. Смигеровой, 1908. – 416 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России : отчет Исторического музея за 1914 г. / В.А. Городцов. – М., 1915. – С. 1-106.

Дрёмов И.И. Раскопки поселения Вишнёвое в г. Саратов / И.И. Дрёмов // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 145-146.

Дрёмов И.И. Раскопки могильников эпохи бронзы в Саратовской области / И.И. Дрёмов // АО 1986 года. М.: Наука, 1988. – С. 167-168.

Дрёмов И.И. О связи погребальных обрядов и космологических представлений племён эпохи ранней и средней бронзы / И.И. Дрёмов // АВЕС. - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1989. – Вып. 1. – С. 126-127.

Дрёмов И.И. Вишнёвое – поселение покровского времени в Саратове / И.И. Дрёмов // АВЕС. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1992. - Вып. 3. – С. 74-86.

Дрёмов И.И. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья / И.И. Дрёмов, А.И. Юдин // РА. – 1992. - № 4. – С. 18-31.

Дрёмов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II / И.И. Дрёмов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – Вып. 1. – С. 98-118.

Дрёмов И.И. О хронологической неразрывности погребений катакомб-

ной и срубной культур в степном Поволжье / И.И. Дрёмов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей : энеолит и бронзовый век. – Донецк, 1996. – Часть 1. – С. 110-114.

Дрёмов И.И. О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья / И.И. Дрёмов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – С. 61-69.

Дрёмов И.И. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье / И.И. Дрёмов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – Часть 2. – С. 40 – 56.

Дрёмов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы / И.И. Дрёмов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997 В. - Вып. 2. – С. 146-165.

Дрёмов И.И. Межрегиональные особенности престижных погребений начала поздней бронзы / И.И. Дрёмов // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. : материалы к междунар. конф. – Челябинск – Аркаим: Челяб. ГУ, 1999. – С. 141-146.

Дрёмов И.И. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов / И.И. Дрёмов, И.В. Семёнова // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1999 Б. – Вып. 3. – С. 55- 63.

Дрёмов И.И. Эволюция религиозных представлений древних индоевропейцев Поволжья / И.И. Дрёмов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов, 2000. – С. 121-125.

Дрёмов И.И. Эпохи и века: культуры и этапы (противоречивые аспекты историографии степной бронзы) / И.И. Дрёмов // Бронзовый век Восточной

Европы : Характеристика культур, хронология и периодизация : мат-лы междунар. науч. конф. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 54-58.

Дрёмов И.И. Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками / И.И. Дрёмов, В.В. Тихонов, И.В. Тупалов // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Научная книга, 2005. – Вып. 6. – С. 20-35.

Жемков А.И. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) / А.И. Жемков, В.А. Лопатин // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 5. – С. 93-118.

Жемков А.И. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье / А.И. Жемков, В.А. Лопатин // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2008. – Вып. 6. – С. 157-193.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) / Г.Б. Зданович // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 48-69.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация / Г.Б. Зданович // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 21-42.

Ильюков Л.С. Курган бронзового века на Миусском полуострове / Л.С. Ильюков // СА. – 1979. – № 1. – С. 132-144.

Иессен А.А. К хронологии «больших» Кубанских курганов / А.А. Иессен // СА. – 1951. – Т. XII. – С. 157-200.

Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Автореф. дисс... канд. ист. наук / Н.К. Качалова. – Л., 1965. – 25 с.

Качалова Н.К. О выделении полтавкинской культуры / Н.К. Качалова // КСИА. – М.: Наука, 1967. – Вып. 112. – Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Восточной Европы. – С. 14-22.

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными / Н.К. Качалова // АСГЭ. – Л., 1968. – Вып. 10. – С. 9-13.

Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // АСГЭ. - Л., 1976 А. – Вып. 17. – С. 5-17.

Качалова Н.К. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1976 Б. – С. 58-60.

Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // СА. - 1978 А. – №3. – С. 69-79.

Качалова Н.К. Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // Науч. тр. Куйб. ГПИ. – Куйбышев, 1978. – Т. 221. - Древние культуры Поволжья и Приуралья. – С. 8-20.

Качалова Н.К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников / Н.К. Качалова // АСГЭ. - Л., 1979. – Вып. 20. - С. 28-38.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова. // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев : Куйб. ГПИ, 1985. – С. 28-53.

Качалова Н. К. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья / Н.К. Качалова, И.Б. Васильев // СА.- 1989. – №2. – С. 212-224.

Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников и их соотношение с потаповскими и покровскими / Н.К. Качалова// Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 75-78.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. / А.В. Кияшко. - Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999. – 182 с.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира / А.В. Кияшко. - Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. – 268 с.

Кияшко А.В. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья / А.В. Кияшко, Н.М. Малов, А.Н. Дьяченко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 180-193.

Кияшко А.В., Хабарова Н.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея : каталог / А.В. Кияшко, Н.В. Хабарова. – Волгоград, 2007. – 120 с.

Клейн Л.С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур / Л.С. Клейн // СА. - 1962. – № 2. – С. 26-38.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры / Л.С. Клейн // СА. - 1970. – № 2. – С. 37-51.

Клейн Л.С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? / Л.С. Клейн // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1974. – С. 165-177.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник : Пути и судьбы / В.Б. Ковалевская. – М.: Наука, 1977. – 152 с.

Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ГУ, 1989. – 90 с.

Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы : матер. конф. - СПб., 1995.

Корневский С.Н. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области / С.Н. Корневский // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев : Куйб. ГПИ, 1983. – С. 97-109.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья / С.Н. Корневский. – М., 1990. – 174 с.

Корнюшин Г.И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области / Г.И. Корнюшин // КСИА.- М.: Наука, 1971. – Вып. 127. – С. 78-85.

Кочерженко О.В. Курганы эпохи бронзы у пос. Сторожёвка / О.В. Кочерженко // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – Вып. 1. - С. 53-56.

Кочерженко О.В. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского Правобережья (пограничье степи и лесостепи) / О.В. Кочерженко, Н.М. Малов, В.А. Слонов // АВ. - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1993. - Вып. 1. - С. 86-109.

Кочерженко О.В. О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижне-Волжского Правобережья (на материалах курганных могильников) / О.В. Кочерженко, В.Н. Слонов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. - С. 15-18.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья /Д.А. Крайнов. – М.: Наука, 1972. – 258 с.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова // МИА.- М., 1955. – № 46. - 162 с.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник / О.А. Кривцова-Гракова // Тр. ГИМ. – М., 1947. – Вып. XVII. - С. 56-172.

Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей / Е.Е. Кузьмина // ВДИ. - 1974. - № 4. – С. 41-65.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов старого света. / Е.Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и средневековье : История и культура. - М., 1977. – С. 28-52.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных / Е.Е. Кузьмина // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.— М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981.— С. 101 – 125.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии ? / Е.Е. Кузьмина. – М. : Наука, Вост. лит., 1994. — 464 с.

Кузьмина О.В. Курган у с. Надеждинка в Заволжье / О.В. Кузьмина, М.А. Турецкий // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесо-

степи : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Воронежский ГПИ, 1989. – С. 87-97.

Кузьмина О.В. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: автореф. дис... канд. ист. наук / О.В. Кузьмина. – М., 1983. – 21 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье : учебное пособие к спецкурсу / О.В. Кузьмина. – Самара, 1992. - 128 с.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур / О.В. Кузьмина // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы : матер. конф. - СПб., 1995. – Ч. II. – С. 27–51.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность: - препринт / П.Ф. Кузнецов. – Свердловск - Куйбышев, 1989. – 73 с.

Кузнецов П.Ф. Хронология памятников среднего бронзового века Волго-Уральского междуречья / П.Ф. Кузнецов // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. - С. 73-75.

Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья / П.Ф. Кузнецов // Археологический альманах.– Донецк, 2004. - № 15. – Псалии : Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. – С. 31-38.

Кузнецов П.Ф. Памятники потаповского типа / П.Ф. Кузнецов, А.П. Семёнова // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. – Самара: Изд-во Сам. НЦ РАН, 2000. – Т. Бронзовый век. – С. 122-151.

Латынин С.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка / С.А. Латынин // АСГЭ. – Л., 1967. – Вып. 9. – С. 15-21.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров. - М., 1964.- 210 с.

Литвиненко Р.А. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца / Р.А. Литвиненко // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 21-23.

Литвиненко Р.А. Критерии выделения памятников покровского типа в бассейне Северского Донца / Р.А. Литвиненко // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 86-87.

Литвиненко Р.А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р.А. Литвиненко // АВ. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1995. — № 4. С. 73-82.

Литвиненко Р.А. Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской / Р.А. Литвиненко // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы : матер. конф. - СПб., 1995 Б. – С. 80-83.

Литвиненко Р.А. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии / Р.А. Литвиненко // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э. : материалы конф. - СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1996. - С. 98-101.

Литвиненко Р.А. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в доно-волжской лесостепи / Р.А. Литвиненко // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий : тез. докл. – Липецк, 1999. – С. 68-72.

Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона / Р.А. Литвиненко // Археологические памятники Восточной Европы : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 76-85.

Лопатин В.А. Срубные погребения в подбоях на Еруслане /В.А. Лопатин, Н.М. Малов // СА. - 1988. – № 3. – С. 130-139.

Лопатин В.А. Об одном из типов раннесрубных поселений Поволжья / В.А. Лопатин // АВЕС. - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1989. – Вып. 1. - С. 137-139.

Лопатин В. А. Усть-Курдюмский курганный могильник / В.А. Лопатин, Г.Л. Якубовский // АВ. - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1993. - Вып. 1. - С. 15-46.

Лопатин В.А. Поселения срубной культуры степного Волго-Уральского

междуречья : Динамика культуры : автореф. дис... канд ист. наук /В.А. Лопатин. – СПб., 1995. 25 с.

Лопатин В.А. Смеловский курганный могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) / В.А. Лопатин // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – С. 137-158.

Лопатин В.А. Культовые погребения Смеловского могильника / В.А. Лопатин // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов, 2000. – С. 99-101.

Лопатин В.А. Об одном из компонентов формирования срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья / В.А. Лопатин // Труды ГИМ. - М., 2000 А. – Вып. 122. – Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья : матер. науч. конф. - С. 48-58.

Лопатин В.А. Северо-восточная периферия Смеловского могильника / В.А. Лопатин // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998 – 2000 годах. - Саратов: Научная книга, 2001. – Вып. 4. – С. 81-84.

Лопатин В.А. Исследование курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья / В.А. Лопатин, С.И. Четвериков // Археологическое наследие Саратовского края. - Саратов: Научная книга, 2006. – Вып. 7. – С. 23-51.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) / В.А. Лопатин. – Саратов: Наука, 2010. – 242 с.

Луныков В.Ю. Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы / В.Ю. Луныков, Ю.В. Луныкова // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежс. ГУ, 2005. – Вып. 19. - Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи брон-

зы (историография, публикации). – С. 148-159.

Ляхов С.В. Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) / С.В. Ляхов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – Вып. 1. - С. 77-97.

Ляхов С.В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожевка / С.В. Ляхов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Ставрополь, 2009. – С. 131-146.

Ляхов С.В. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка / С.В. Ляхов, А.Д. Матюхин // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург, 1995. – С. 108-137.

Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в приморском Дагестане / Р.Г. Магомедов. – Махачкала, 2000. – 116 с.

Максимов Е.К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области / Е.К. Максимов // Труды СОМК. – Саратов, 1956. – Вып. 1. – Археологический сборник. – С.115-123.

Максимов Е.К. Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975-76 гг. / Е.К. Максимов // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы : тез. докл. – Донецк, 1979. - С. 81-82.

Максимов Е.К. Из жизни и деятельности П.Д. Рау / Е.К. Максимов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – С. 5-8.

Максимов Е.К. Материалы Низовских курганов / Е.К. Максимов, В.А. Лопатин // АВЕС. – Саратов : Научная книга, 2007. – Вып. 5. - С. 137-160.

Малов Н.М. О «загадочной» керамике вольского типа / Н.М. Малов // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы : тез. докл. – Донецк, 1979. – С. 82-83.

Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского

Поволжья / Н.М. Малов // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 186.

Малов Н.М. Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911-1959) / Н.М. Малов // Историографический сборник. – Саратов, 1983. – С. 90-97.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье / Н.М. Малов // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986. – С. 21-38.

Малов Н.М. О выделении покровской культуры / Н.М. Малов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 50-53.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа): автореф. дис... канд. ист. наук / Н.М. Малов. – СПб., 1992. – 16 с.

Малов Н.М. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья / Н.М. Малов // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 83-86.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) / Н.М. Малов // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1994. – С. 8-13.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ / Под ред. В.М. Массона. — СПб.: ИИМК РАН, 1995. - Вып. 4. - С. 52-61.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье / Н.М. Малов // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация : мат-лы науч. конф. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 199-202.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья / Н.М. Малов // Археологическое наследие Сара-

товского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Саратов: Научная книга, 2003. – Вып. 5. – С. 157–219.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области / Н.М. Малов // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 5. – С. 34-92.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья / Н.М. Малов // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2008. – Вып. 6. – С. 32-134.

Малов Н.М. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения / Н.М. Малов, О.В. Сергеева, М.Г. Ким // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2009. – Вып. 7. С. 19-31.

Малышев А.А. Павел Давидович Рау / А.А. Малышев, И.В. Семенова // РА. – 1992. – № 1. – С. 264-277.

Малышев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006-2007 гг. / А.Б. Малышев // Археологическое наследие Саратовского края.– Саратов: Научная книга, 2008. – Вып. 8. – С. 16-37.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Антонов 1 / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград: Перемена, 1994. – Вып. 4. – С. 15–46.

Марковин В.И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы II тыс. до н.э. / В.И. Марковин // МИА. – М., 1960. – № 93. – С. 40-51.

Марьина З.П. Кавказские импорты Левобережного Поднепровья в памятниках эпохи бронзы / З.П. Марьина // Проблемы хронологии памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983. – С. 24-25.

Матвеев Ю.П. Покровские памятники Донеччины в системе древностей предсрубного периода / Ю.П. Матвеев // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 50-52.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона / Ю.П. Матвеев // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и мат-лы конф. – Воронеж, 1996. – С. 27-33.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское азаимодействие и формирование срубной общности / Ю.П. Матвеев // Археология восточноевропейской лесостепи. - Воронеж, 1998. – Вып. 11. - Доно-Донецкий регион в эпоху и средней и поздней бронзы. — С. 16-18.

Матвеев Ю.П. Таганский грунтовый могильник (предварительная информация) / Ю.П. Матвеев, М.В. Цыбин // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж, 1999. – С. 72-79.

Матвеев Ю.П. Курганы у с. Губари / Ю.П. Матвеев, Г.А. Левых // Археологические исследования высшей педагогической школы: Сборник научных трудов (к 25- летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). – Воронеж, 1996. – С. 130-147.

Матюхин А.Д. Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка / А.Д. Матюхин // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград: «Перемена», 1992. – Вып. 2. – С. 49-53.

Матюхин А.Д. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника / А.Д. Матюхин // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994. - С. 23-41.

Мельник В.И. Об основании гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур (Критико-историографический анализ) / В.И. Мельник // Древние культуры Поволжья и Приуралья : науч. труды Куйб. ГПИ. – Куйбышев, 1978. – Т. 221. – С. 56-57.

Мельник В.И. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов / В.И. Мельник // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тез. докл. – Донецк, 1979. – С. 53.

Мельник В.И. К вопросу о происхождении срубной культуры / В.И.

Мельник // КСИА. - М.: Наука, 1982. – Вып. 169. - Памятники эпохи неолита и бронзы. – С. 21-25.

Мельник В.И. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур) / В.И. Мельник : автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1985. – 23 с.

Мельник В.И. Восточная периферия катакомбной общности / В.И. Мельник // АВЕС - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1989. – Вып. 1. – С. 131-132.

Мельник В.И. Из истории полтавкинской проблемы / В.И. Мельник // СА.- 1990. – № 1. – С. 103-107.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности / В.И. Мельник. – М.: «Наука», 1991. – 136 с.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. - № 42. - М.: АН СССР, 1954. — Т. I. – С. 139-156.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. - №61. - Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том II / ред. А. П. Смирнов. - М.: АН СССР, 1958.– С. 45-156.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья / Н.Я. Мерперт. – М.: «Наука», 1974. – 170 с.

Мерперт Н.Я. Из истории древнеямных племен / Н.Я. Мерперт // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: «Наука», 1977. – С. 68-70.

Мерперт Н.Я. О формировании срубных племен Поволжья / Н.Я. Мерперт, Н.К. Качалова, И.Б. Васильев // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев : Куйб. ГПИ, 1985. – С. 10-28.

Мильков Ф.Н. Физическая география СССР. Общий обзор. Европейская часть СССР / Ф.Н. Мильков, Н.А. Гвоздецкий. // Кавказ. – М.: Высшая школа, 1986. – 376 с.

Мимоход Р.А. О погребениях финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия / Р.А. Mimoход // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ : тез. конф. – М., 2003. – Ч. I. – С. 64-69.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья / Р.А. Mimoход // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная Нижневолжская археологическая конференция : тез. докл. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 108-113.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) / Р.А. Mimoход // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. - С. 70-74.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы северо-западного Прикаспия / Р.А. Mimoход // РА.- 2007. – № 1. – С. 143-154.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия / Р.А. Mimoход, Н.И. Шишлина // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. – М., 2004. – С. 124-127.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. / Р.А. Mimoход // Материалы охранных археологических исследований. – М., 2009. – Том 10. – 290 с.

Моисеев Н.Б. Дисковидные псалии из Селезнёвской парной группы / Н.Б. Моисеев // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи средней бронзы степи и лесостепи Евразии : тез. докл.– Тамбов, 1996.- С. 24-26.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова / С.Ю. Монахов // СА.- 1984. – № 1. – С. 241-244.

Моргунова Н.Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья / Н.Л. Моргунова // СА.- 1991.- №4.- С. 123-131.

Моргунова Н.Л. Памятники древнейшей культуры на Илеке / Н.Л. Моргунова, А.Ю. Кравцов. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы: автореф. дис... канд. ист. наук. / Н.Л. Моргунова. – М., 1997. 20 с.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / О.Д. Мочалов. – Самара, 2008. – 252 с.

Мошкова М.Г. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года / М.Г. Мошкова, Э.А. Федорова-Давыдова // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – Т. 1. - С. 25-90.

Мошкова М.Г. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. / М.Г. Мошкова, В.Е. Максименко // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – Т. 2. – С. 5-80.

Мыськов Е.П. Кенотаф эпохи бронзы из курганного могильника Верхний Балыклей / Е.П. Мыськов // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1983. - С. 141-143.

Мыськов Е.П. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования / Е.П. Мыськов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 28-30.

Мыськов Е.П. Сложение степной срубной культуры и полтавкинская проблема / Е.П. Мыськов // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 78-81.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья / Е.П. Мыськов // СА. 1994. – № 4. – С. 145-163.

Нечитайло А.Л. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье / А.Л. Нечитайло, Е.В. Козюменко, С.Е. Жеребилов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы

международ. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. - Часть 2. – С. 40-57.

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья / В.В. Отрощенко // Проблемы археологии Поднепровья III - I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1984. – Вып. 1. – С. 93-117.

Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры / В.В. Отрощенко // СА. - 1990. – № 1. – С. 107-112.

Отрощенко В.В. К вопросу о датировке Уразмаметовских курганов в Южной Чувашии / В.В. Отрощенко // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991. - С.30-32.

Отрощенко В.В. К вопросу об относительной хронологии классических погребений бережновского типа / В.В. Отрощенко // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4. – С. 81-83.

Отрощенко В.В. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье / В.В. Отрощенко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : матер. конф. – Волгоград: «Перемена», 1996. – С. 33-36.

Отрощенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы международ. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – С. 70-72.

Отрощенко В.В. Культурно-хронологические группы погребений Потаповского могильника / В.В. Отрощенко // РА. - 1998. – № 1. – С. 43-53.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – Київ, 2001. – 289 с.

Отрощенко В.В. Історія племён зрубної культурно-історичної спільності:

автореф. дисс... докт. ист. наук. / В.В. Отрощенко. – Київ, 2002. – 46 с.

Отрощенко В.В. К истории племён срубной общности / В.В. Отрощенко // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2003. – Вып. 17. - Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – С. 68-96.

Памятники срубной культуры : Волго-Уральское междуречье / Л.Л. Галкин [и др.] // Археология России : САИ. – Саратов, 1993. – Вып. В 1-10. – 200 с.

Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области / В.И. Пестрикова // Науч. тр. Куйб. ГПИ.– Куйбышев, 1979. - Т. 230. - Древняя история Поволжья. - С. 99–110.

Порохова О.И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области / О.И. Порохова // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург, 1992. – С. 92-107

Потёмкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона / Т.М. Потёмкина // СА. - 1990. - № 1. – С. 118-130.

Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево / А.Д. Пряхин // СА.- 1972. – № 3. – С. 233-243

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1976. – 168 с.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники / А.Д. Пряхин // - Воронеж : Изд-во Воронежского ГУ, 1977. – 168 с.

Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии / А.Д. Пряхин // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж : Изд-во Воронежского ГУ, 1981. – С. 21-55.

Пряхин А.Д. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития : Препринт / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин. – Воронеж: Воронежский ГУ, 1991. – 19 с.

Пряхин А.Д. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин //

Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. Ч. 2. - С.79-81.

Пряхин А.Д. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // РА.- 1998.- № 3. – С. 22-35.

Пряхин А.Д. Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев. – Воронеж, 1988. – 206 с.

Пряхин А.Д. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский / А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк // СА. – 1983. – № 3 – С. 197-202.

Пярых Г.Г. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье / Г.Г. Пярых // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1983.– С. 82 - 95.

Пярых Г.Г. О происхождении деревянной посуды в срубной культуре Поволжья / Г.Г. Пярых // СА.- 1984. – № 2. – С. 146-154.

Пярых Г.Г. Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры / Г.Г. Пярых // СА.- 1985. – № 3. – С. 57 - 64

Пярых Г.Г. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда / Г.Г. Пярых // АВЕС. - Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1989. – Вып. 1. - С. 136-137.

Пярых Г.Г. К дискуссии по происхождению срубной культуры / Г.Г. Пярых // СА. - 1990. – № 1. – С. 113-118.

Пярых Г.Г. К проблеме направленности культурных связей в эпоху бронзы / Г.Г. Пярых // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. – Саратов, 1991 А. – С. 36-37.

Пярых Г.Г. Алексашкинский бескурганый могильник и его место среди однотипных памятников / Г.Г. Пярых // АВЕС. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1991 Б. – Вып. 2. – С. 94- 103

Пярых Г.Г. Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности / Г.Г. Пярых // Срубная культурно-историческая область : Материалы III Ры-

ковских чтений. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1994. – С. 14-18.

Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры / Г.Г. Пятых // РА. - 2000. – № 4. – С. 11-25.

Пятых Г.Г. О хронологическом соотношении катакомбных и срубных культур / Г.Г. Пятых // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : материалы междунар. науч. конф. – Саратов, 2000. – С. 71-72.

Пятых Г.Г. Проблема формирования срубной культуры Заволжья : Автореф. дис... канд. ист. наук / Г.Г. Пятых. – М., 2005. – 21 с.

Рау П. Д. Исследование древних культур Нижнего Поволжья / П.Д. Рау // Нижнее Поволжье. – Саратов, 1928. – №10. С. 151-157.

Равдоникас В.И. История первобытного общества / В.И. Равдоникас. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. – Ч. 2. – 392 с.

Рогудеев В.В. Находка раннего наконечника дротика в низовьях Дона / В.В. Рогудеев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археол. конф. : тез. докл. - Волгоград: ВолГУ, 2007. - С. 14-17.

Советский Союз. Российская Федерация : географическое описание в 22 томах / Т. Европейский Юго-Восток [ред. К. Долгополов, С. Водовозов]. – М.: «Мысль», 1968. – 798 с.

Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье / П.С. Рыков // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области. – Саратов, 1927. – Т. II. – С. 79 – 100.

Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру / П.С. Рыков // Сообщения ГАИМК. – Л., 1931. – Вып. 8. – С. 30-35.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам) / П.С. Рыков. – Саратов: Сарат. краевое изд-во, 1936. – 152 с.

Рысин М.Б. Датировка комплексов из Эшери / М.Б. Рысин // СА. - 1990. – № 2. – С.15-21.

Рысин М.Б. Связи Кавказа с волго-уральским регионом в эпоху бронзы: (проблемы хронологии и периодизации) / М.Б. Рысин // Археологические вес-

ти. - СПб.: ИИМК РАН, 2007. – № 14. – С. 184-220.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы / К.В. Сальников // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т. 1 – С. 16-52.

Саврасов А.С. Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры / А.С. Саврасов // Археология Восточноевропейской лесостепи. - Воронеж, 1999. – Вып. 13. - Евразийская лесостепь в эпоху металла. — С. 81-90.

Санжаров С.Н. Погребения Донецкой катакомбной культуры с игральными костями / С.Н. Санжаров // СА. - 1988. – № 1. – С. 140-158.

Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время / С.Н. Санжаров // РА. - 1993. – № 1. – С. 21-30.

Санжаров С.Н. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины / С.Н. Санжаров. – Луганск: Изд-во ВНУ, 2008. – 87 с.

Сафронов В.А. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок / В.А. Сафронов // КСИА. – Вып. 134. - Бронзовый век на территории СССР. - М., «Наука», 1973. – С. 42-47.

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа / В.А. Сафронов // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников : сообщения научно-методического совета. – М.: Изд-во «Знание», 1979. – Вып. VII. – С. 66-67.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала / К.В. Сальников. – М.: «Наука», 1967. – 408 с.

Семенова И.В. Археолог из Покровска / И.В. Семенова, Е.К. Максимов, Е.М. Ерина // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. Ч. 2. - С. 5-29.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987-1988 гг.) / И.В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей.

– Волгоград: «Перемена», 1992. – Вып. 2. – С. 97-105.

Сергацков И.В. Курганы у хутора Малая Воробцовка / И.В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград: «Перемена», 1994. – Вып. 4. – С. 69-77.

Сергацков И.В. Курганы у посёлка Линёво / И.В. Сергацков [и др.] // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: изд-во ВГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 37-80.

Сергеева О.В. Раскопки грунтового могильника ямно-катакомбного времени около с. Шумейка / О.В. Сергеева // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Научная книга, 2005. – Вып. 6. – С. 3-4.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / И.В. Синицын // Уч. зап. Сарат. ГУ. – Саратов: Изд. СГУ, 1947. – Вып. XVII. – 134 с.

Синицын И.В. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции / Синицын И.В. // КСИИМК. – М., 1956. – Вып. 63. – С. 76-84.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда / И.В. Синицын // МИА. – № 60. – Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). – Т. I / Отв. ред. Крупнов Е.И. – М.: АН СССР, 1959 – С. 39-205.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана / И.В. Синицын // МИА. – № 78. – Древности Нижнего Поволжья. – Т. II. – М.: АН СССР, 1960. – С. 10-168.

Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья / И.В. Синицын // Археологический сборник. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1966. – С. 3-62.

Синицын И.В. Раскопки на Утесе Степана Разина / И.В. Синицын, В.А. Фисенко // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 154-155.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча / И.В. Синицын. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 1978. – Ч. 1. – 132 с.

Синицын И.В. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году / И.В. Синицын, У.Э. Эрдниев // Труды Калм. республ. краевед. музея. - Элиста: Калмгосиздат, 1963. - Вып. 1. - 184 с.

Синицын И.В. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.) / И.В. Синицын, У.Э. Эрдниев // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. - Элиста: Калмиздат, 1966. - Вып. 2. - 184 с.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона / А.Т. Синюк // СА. – 1981.- №4. – С. 8-20.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1983. – 191 с.

Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника / А.Т. Синюк // Проблемы археологического изучения Дону-Волжской лесостепи : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж: Воронежс. ГПИ, 1989. – С. 27-69.

Синюк А.Т. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) / А.Т. Синюк, А.В. Козмирчук // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). - Самара: Изд-во Сам. ГПУ, 1995. – С. 37-72.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГПУ, 1996. – 350 с.

Синюк А.Т. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону / А.Т. Синюк // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж, 1999. – С. 56-72.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А.М. Смирнов. – М., 1996. – 181 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // МИА. – № 60. – Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). - М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. I. - С. 206-322.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. - №78. - Древности Нижнего Поволжья. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II. - С. 167-268.

Степанов П.Д. Фатьяновские поселения на средней Суре / П.Д. Степанов // КСИИМК. – М.-Л: Изд-во АН СССР, 1950. - Вып. XXXII. – С. 72-75.

Степанов П.Д. Вольское городище / П.Д. Степанов // Труды СОМК. – Саратов, 1956. – Вып. 1. – Археологический сборник. – С. 5-21.

Сухорукова Е.П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс... канд. ист. наук / Е.П. Сухорукова. – Волгоград, 2008. - 21 с.

Тименков Д.М. Погребения эпохи средней бронзы могильника Крутец / Д.М. Тименков // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997. – Вып. 2. – С. 128-137.

Тихонов В.В. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье / В.В. Тихонов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. – Саратов, 1996. – Вып. 1. - С. 37-52.

Тихонов В.В. Охранные раскопки памятников эпохи поздней бронзы в Духовницком районе Саратовской области / В.В. Тихонов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997. – Вып. 2. – С. 63-71.

Тихонов В.В. Раскопки грунтового могильника Калач-1 в 2001 году / В.В. Тихонов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. – Вып. 5. – С. 3-9.

Ткачёв В.В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье / В.В. Ткачёв. – Челябинск, 2006. – 383 с.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы по данным радиоуглеродного датирования / В.А. Трифонов // Бронзовый век Восточ-

ной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация : мат-лы науч. конф. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 71-81.

Тупалов И.В. Курган эпохи бронзы «Суворовский-1» / И.В. Тупалов, Ю.А. Африканов // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Изд-во Сарат. ГУ, 2006. – Вып. 7. – С. 52-58.

Турецкий М.А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья / М.А. Турецкий // Проблемы изучения археологической керамики : межвуз. сб. науч. статей. – Куйбышев, 1988. – С. 78-91.

Турецкий М.А. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового века Заволжья / М.А. Турецкий // Древняя история Волго-Уральских степей. – Оренбург, 1992. – С. 64-79.

Фисенко В.А. Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал / В.А. Фисенко // СА. - 1964. – № 4 – С. 181-185.

Фисенко В.А. О происхождении и хронологии катакомбной культуры : учеб. пособие по по курсу истории СССР. (Лекции по археологии для студентов 1-го курса ист. фак. заоч. отд-ния) / В.А. Фисенко. – Саратов, 1966. – 42 с.

Фисенко В.А. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия / В.А. Фисенко // СА. - 1970. – № 1. – С. 58-66.

Халиков А.Х. Пепкинский курган / А.Х. Халиков, Г.В. Лебединская, М.М. Герасимова // Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1966. – Т. III. – 72 с.

Хлобыстина М.Д. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке / М.Д. Хлобыстина // КСИА. – М., 1982. – Вып. 169. - Памятники эпохи неолита и бронзы. – С. 13-20.

Цимиданов В.В. Две группы воинских погребений середины II тыс. до н.э. в Волго-Донском регионе / В.В. Цимиданов // Материалы археологического семинара. - Донецк: ТВИКО, 1992. – Вып. 1. - С. 2-9.

Цимиданов В.В. Социальная дифференциация в срубном обществе Са-

ратовского Поволжья / В.В. Цимиданов // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Издат. Дом «Полиграфия Поволжья», 2009. – Вып. 9. С. 52-72.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР / Е.Н. Черных // СА. - 1978. – № 4. – С. 53-82.

Черных Е.Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых. – М.: Наука, 1989. - 320 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи / Н.Л. Членова. МИА. - №182. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1985. – С. 146-177.

Шарафутдинова Э.С. Памятники покровского типа в Нижнем Поволжье / Э.С. Шарафутдинова // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. - Вып. 4.– С. 87-89.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье / Э.С. Шарафутдинова // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб., 1995. – С. 83-87.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье / Э.С. Шарафутдинова // Бронзовый век Восточной Европы : Характеристика культур, хронология и периоди-

зация : мат-лы междунар. науч. конф. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 148-153.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник / В.П. Шилов // МИА. – № 60. – Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). – Т. I / Отв. ред. Крупнов Е.И. – М.: АН СССР, 1959. – С. 323-523.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В.П. Шилов. – Л.: Наука, 1975. – 207 с.

Шилов В.П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья / В.П. Шилов // СА. – 1991. – № 4. – С. 132-144.

Шишлина Н.И. Еще раз о сложном луке срубной культуры / Н.И. Шишлина // Тр. ГИМ. – М., 1990.- Вып. 74. – Проблемы археологии Евразии. – С. 88-96.

Шишлина Н.И. Степные головные уборы эпохи бронзы / Н.И. Шишлина // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Междунар. Нижневолж. археол. конф. : тез. докл. – Волгоград, 2004. – С. 164-173.

Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южно-русских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Саратов. ГПИ, 1997. – 196 с.

Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южно-русских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Саратов. ГПИ, 1997. – Ч. 2. – 150 с.

Юдин А.И. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Поволжье / А.И. Юдин, В.А. Лопатин // СА. – 1989. – № 3. – С. 131-140.

Юдин А.И. О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования / А.И. Юдин // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Тамбов, 1996 А. – С. 46-48.

Юдин А.И. Преемственность и инновации в раннесрубных погребальных комплексах Саратовского Поволжья / А.И. Юдин // Доно-Донецкий реги-

он в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и матер. конф. – Воронеж: Воронежск. ГУ, 1996 Б. – С. 51-54.

Юдин А.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья / А.И. Юдин [и др.] // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. - Вып. 1 – С. 119-140.

Юдин А.И. Поселения средней бронзы степного Поволжья / А.И. Юдин // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей : Материалы междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во Сарат. ГПИ, 1997. – С. 37-43.

Юдин А.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное / А.И. Юдин, А.Д. Матюхин. – Саратов: Научная книга, 2006. – 115 с.

Юдин А.И. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района / А.И. Юдин // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2007. - Вып 5. – С. 162-175.

Юдин А.И. Бассейн реки р. Терешка в позднем бронзовом веке / А.И. Юдин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археол. конф. : тез. докл. - Волгоград: ВолГУ, 2007 А.- С. 51-56.

Dryomov I.I. The Regional Differences of the Prestige Bronze Ages Burials (Peculiarities of the Pokrovsk Group) / I.I. Dryomov // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC : Regional Specifics in Light of Global Models.– Washington, 2002. – V. 1. – P. 296-313.

Hausler A. Die Graber der alteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr / A. Hausler. – Berlin, 1974. – 290 S.

Jones-Bley K. Early and Middle Bronze Age Pottery from the Volga-Don Steppe / K. Jones-Bley // BAR IS. – Oxford, 1999. - № 796. - 171 p.

Rau P. Hockergraber der Wolgasteppe / P. Rau // Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Rate-Republik der Wolgadeutschen. – Pokrowsk, 1928. - Jahrgang 4. - Heft 1. – 112 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести
- АВЕС — Археология Восточно-Европейской степи
- АЗ — Археологические записки
- АО — Археологические открытия
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВОКМ — Волгоградский областной музей краеведения
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГПИ — Государственный педагогический институт
- ГПУ — Государственный педагогический университет
- ГУ — Государственный университет
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НИАЛ СГУ — Научно-исследовательская археологическая лаборатория Саратовского государственного университета.
- НИС ВГПИ — Научно-исследовательский сектор Волгоградского государственного педагогического института
- НЦ РАН — Научный центр РАН
- ОМК — областной музей краеведения
- РА — Российская археология
- СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СОМК — Саратовский областной музей краеведения

BAR IS — British Archaeological Records International Series

ПРИЛОЖЕНИЕ

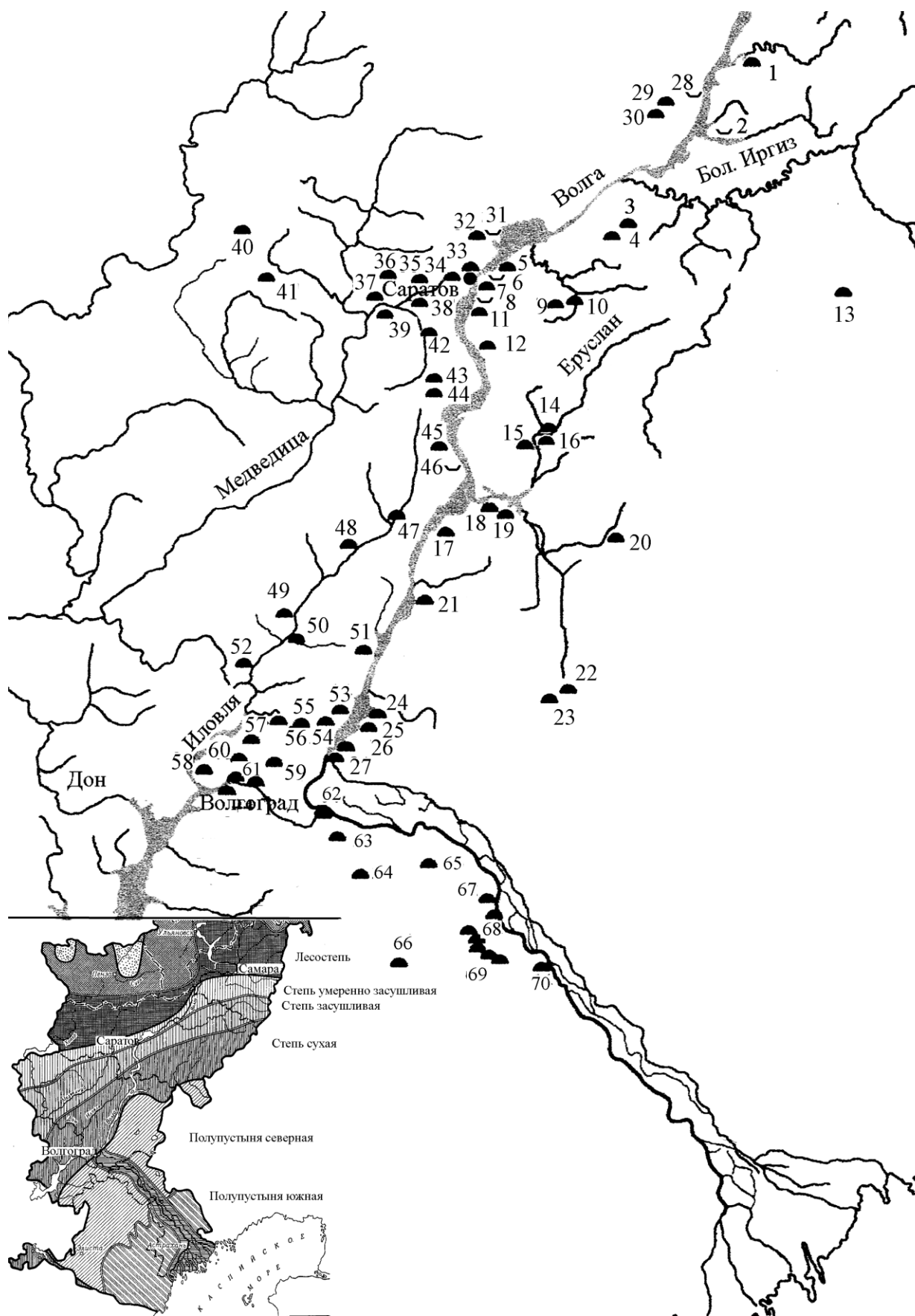

Рис. 1. Карта расположения погребальных памятников степного Поволжья конца средней и начала поздней бронзы и схема расположения природных зон.

Подписи к рис. 1.

1 – Надеждинка (О.В. Кузьмина, М.А Турецкий); 2 – Калач (В.В. Тихонов); 3 – Бородаевка (В.В. Лопатин); 4 – Чапаевка (В.В. Лопатин); 5 – Шумейка (курганы) (А.И. Юдин); 6 – Шумейка (грунтовый могильник) (Д.Г. Баринов, О.В. Сергеева); 7 – Покровск (П.С. Рыков); 8 – Смеловка (В.А. Лопатин); 9 – Советское-Энгельс (И.И. Дрёмов); 10 – Советское (Д.Г. Баринов); 11 – Терновка (Н.М. Малов); 12 – Кочетное (А.И. Юдин, А.Д. Матюхин); 13 – Светлое Озеро (А.И. Жемков, В.А. Лопатин); 14 – Мирный (В.А. Лопатин); 15 – Мурманское (В.А. Лопатин); 16 - Новая Квасниковка (В.А. Лопатин, А.И. Юдин, С.В. Ляхов, А.Д. Матюхин); 17 – Политотдельское (К.Ф. Смирнов); 18 – Бережновка- I (И.В. Сеницын); 19 - Бережновка- II (И.В. Сеницын); 20 – Кумыска (Н.М. Малов); 21 – Быково 1 (К.Ф. Смирнов), 2; 22 – Эльтон (А.В. Лукашов); 23 – Красная Деревня (А.В. Лукашов); 24 – Новоникольский (В.П. Шилов); 25 – Калиновка (В.П. Шилов); 26 – Верхнее Погромное (В.П. Шилов); 27 – Волжский (Е.П. Мыськов); 28 - Алексеевский грунтовый могильник (И.Б. Васильев, В.И. Пестрикова); 29 – Дубовый Гай (А.И. Юдин); 30 - Новаяблонь (А.И. Юдин); 31 – Сабуровка (А.Б. Малышев) ; 32 – Усть-Курдюм (В.А. Лопатин, Г.Л. Якубовский); 33 – Жареный Бугор (С.Ю. Монахов); 34 – Сторожёвка (С.В. Ляхов); 35 – Большая Дмитриевка (А.Д. Матюхин); 36 – Большие Копёны (А.Д. Матюхин); 37 – Хлысты (А.Д. Матюхин), Фёдорова-Давыдова Э.А.); 38 – Горбатый Мост (В.В. Тихонов); 39 – Золотая Гора (А.И. Юдин, А.Д. Матюхин); 40 – Низовка (Е.К. Максимов, В.А. Лопатин); 41 – Крутец (Д.М. Тищенко); 42 – Паницкое (Р.А. Мимоход); 43 – Мессер (А.И. Жемков, В.А. Лопатин); 44 – Суворовский (А.И. Жемков, В.А. Лопатин); 45 – Гебель (П.Д. Рау); 46 – Белогорское (И.И. Дрёмов); 47 – Барановка 1 (И.В. Сергацков); 48 – Ольховка 1 (В.И. Мамонтов); 49 – Писаревка (И.В. Сергацков); 50 – Кондраши (В.И. Мамонтов); 51 –Усть-Погожье (В.И. Мамонтов); 52 – Тары (И.В. Сергацков); 53 – Челюскинец (В.И. Мамонтов); 54 – Пичуга 1 (В.И. Мамонтов); 55 – Варламов (И.П. Лисицын); 56 – Котлубань (А.С. Скрипкин, И.П. Лисицын); 57 – Вертячий (В.И. Мамонтов); 58 – Ильёвка (В.И. Мамонтов); 59 – Россошки

1 (В.И. Мамонтов); 60 – Дмитриевка (В.М. Клепиков); 61 – Мариновка (В.И. Мамонтов); 62 – Сарепта (В.И. Мамонтов); 63 – Химкомбинат (В.И. Мамонтов); 64 – Цаца (В.П. Шилов); 65 - Кузин Хутор (В.П. Шилов); 66 – Эвдык (А.В. Лукашов); 67 – Барановка (Г.А. Фёдоров-Давыдов); 68 – Солёное Займище (В.П. Шилов, А.Н. Дьяченко); 69 - Кривая Лука (Г.А. Фёдоров-Давыдов, В.В. Дворниченко); 70 – Никольское (В.П. Шилов, Г.А. Фёдоров-Давыдов, В.В. Дворниченко).

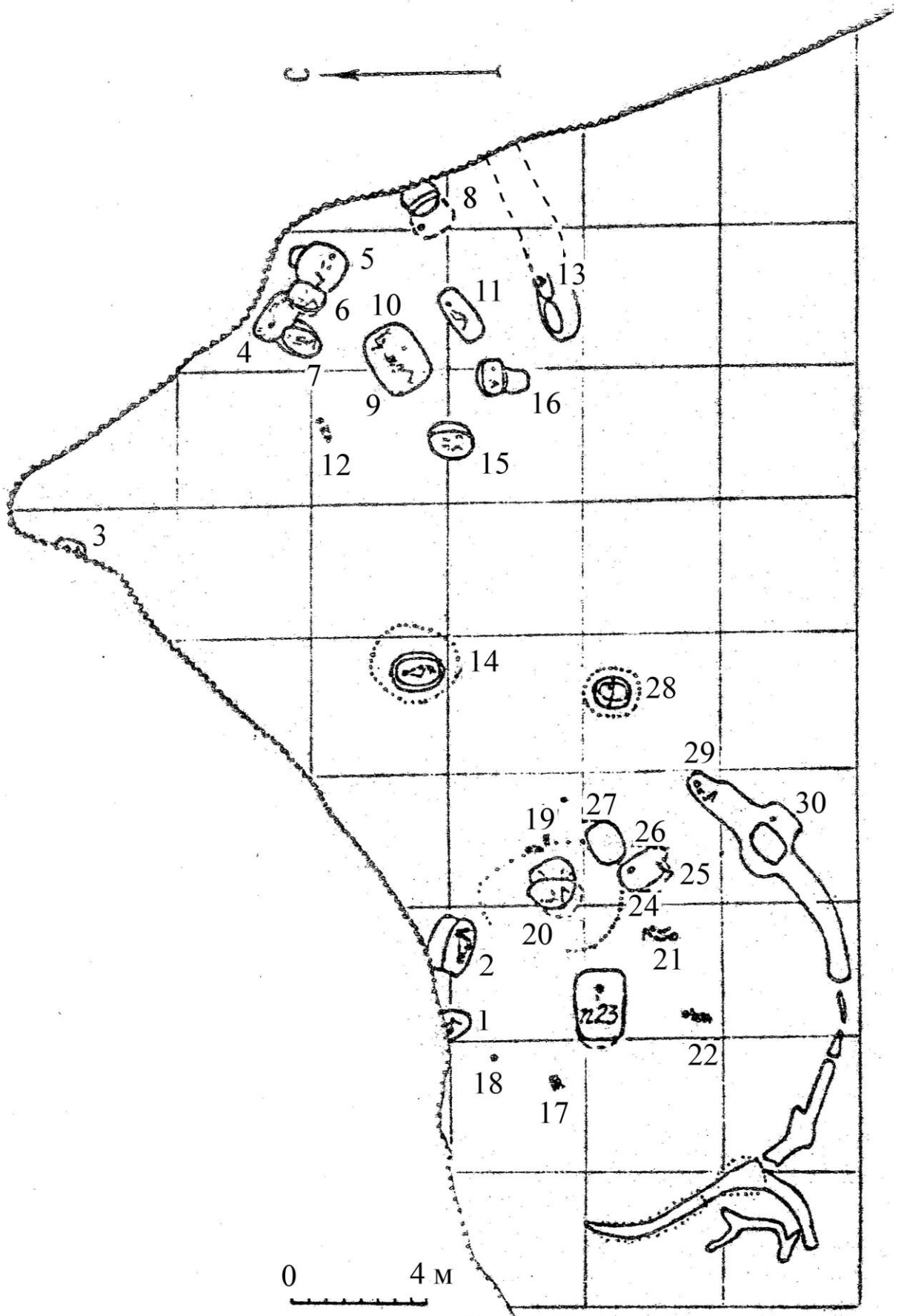

Рис. 2. Общий план грунтового могильника Белогорское-I, (Дремов И.И., 1996).

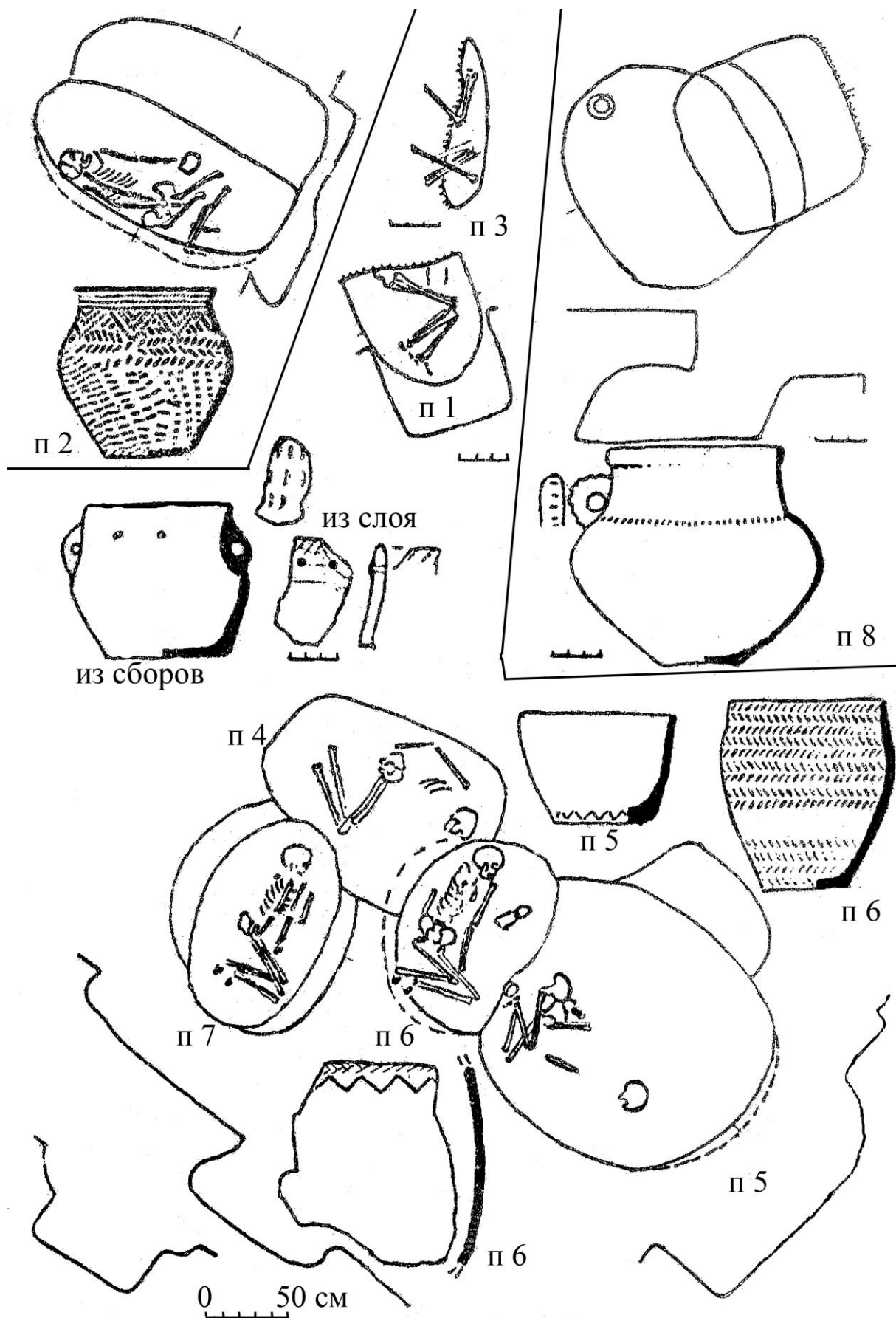

Рис. 3. Грунтовый могильник Белоогорское-I, погребения 1-8 (Дремов И.И., 1996).

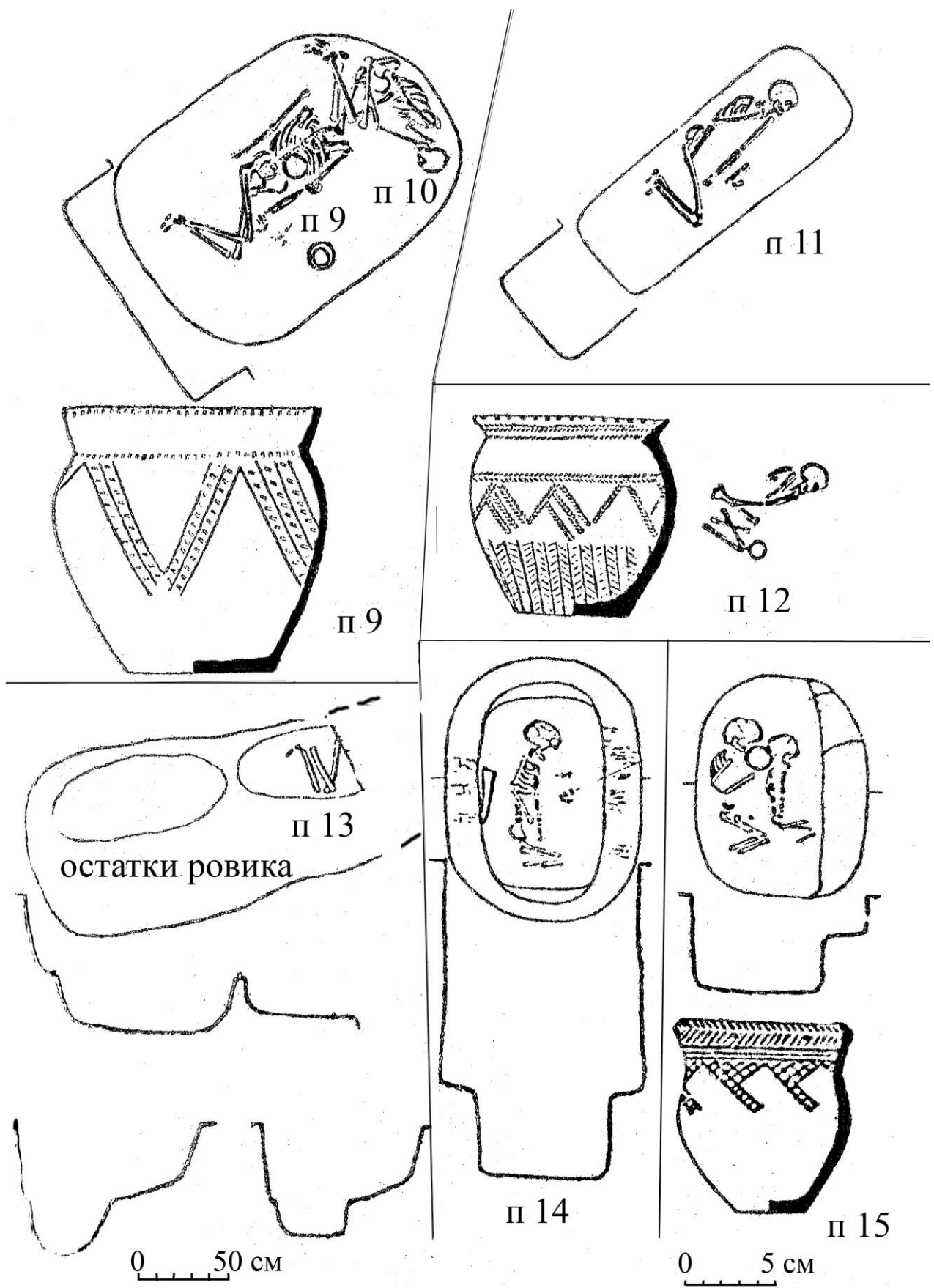

Рис. 4. Грунтовый могильник Белогорское-I, погребения 9-15 (Дремов И.И., 1996).

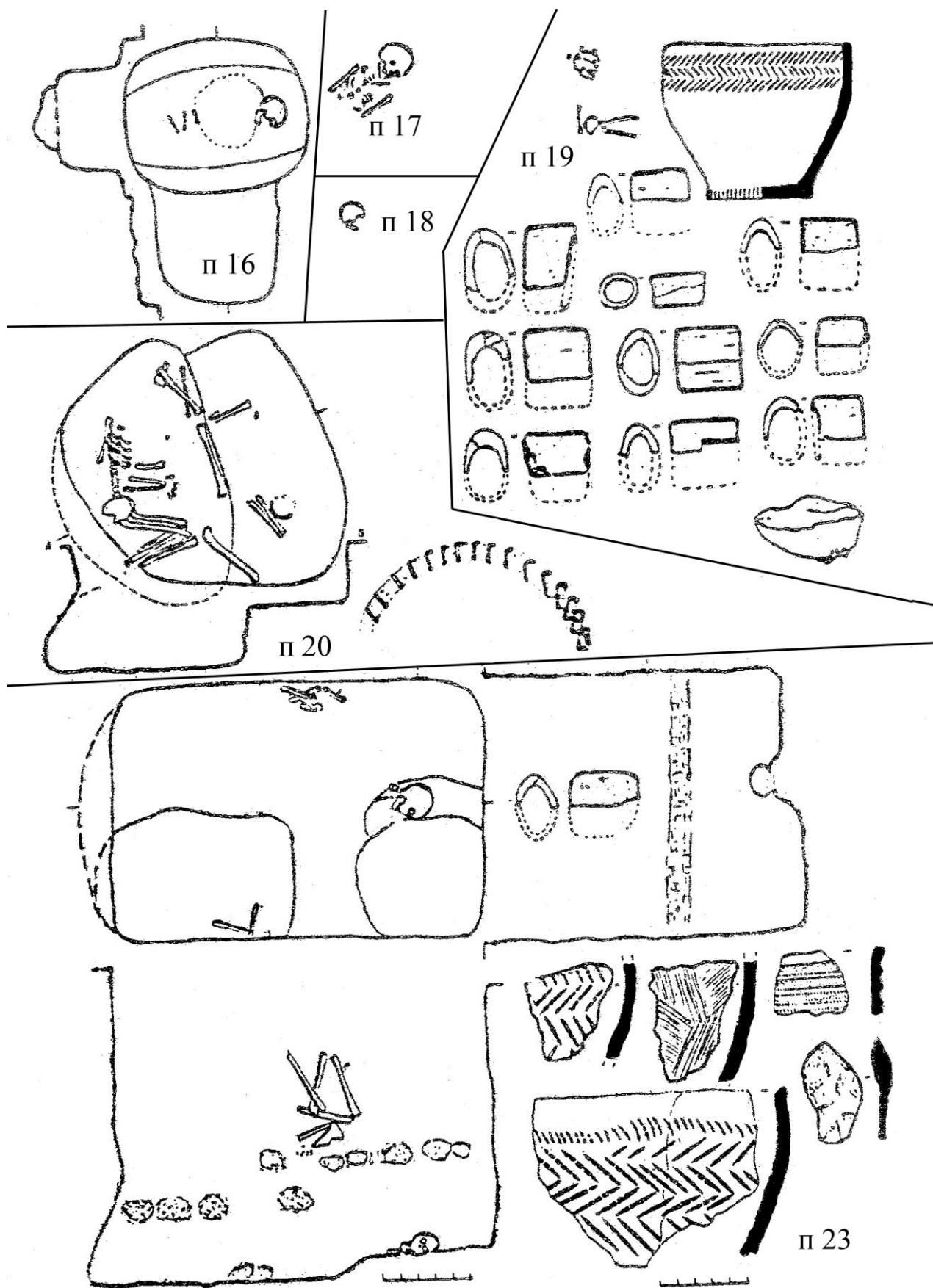

Рис. 5. Грунтовый могильник Белогорское-I, погребения 16-20, 23 (Дремов И.И., 1996).

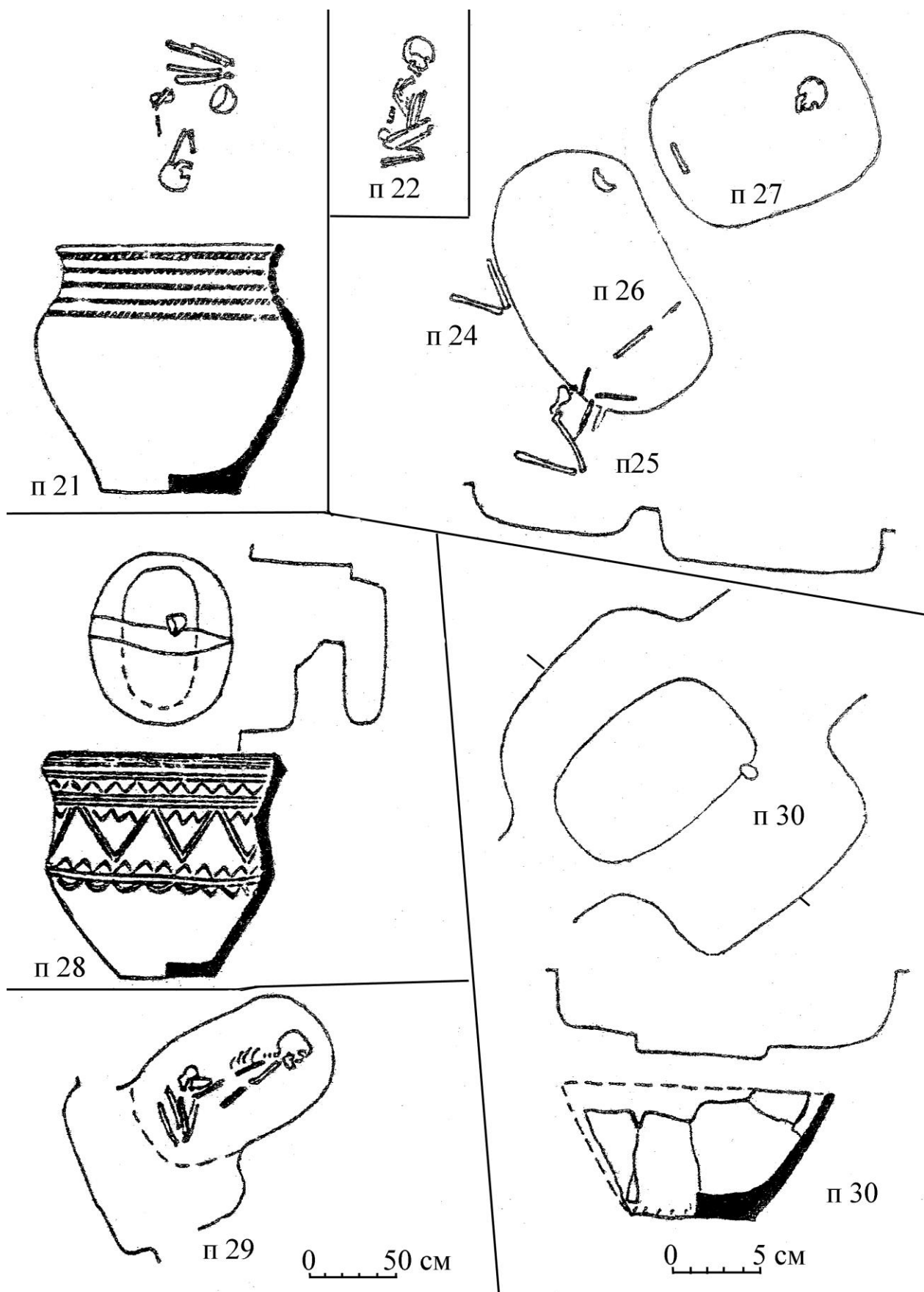

Рис. 6. Грунтовый могильник Белогорское-I, погребения 21, 22, 24-30 (Дремов И.И., 1996).

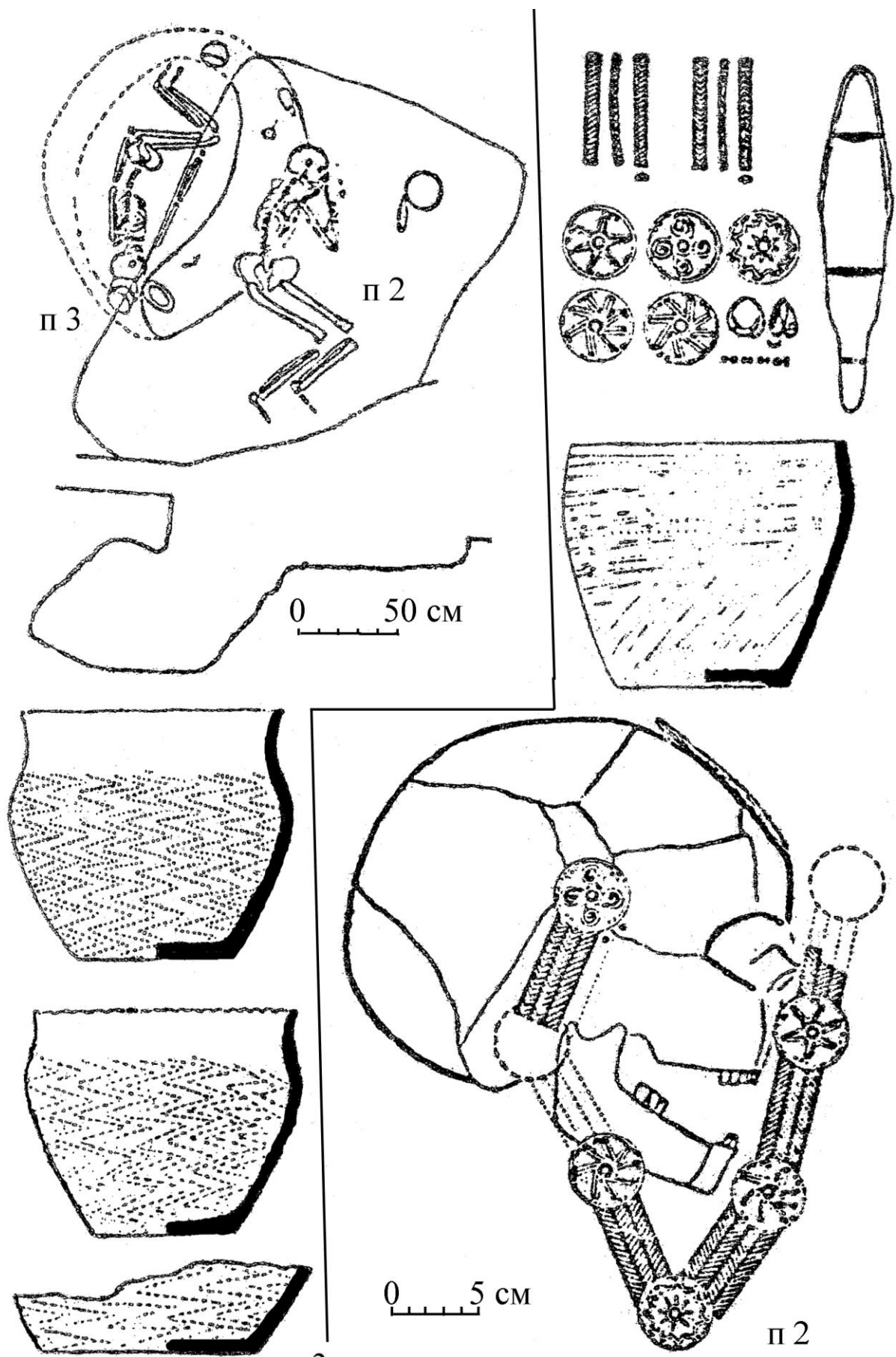

Рис. 7. Грунтовый могильник Белогорское-II, погребения 2-3 (Дремов И.И., 1996).

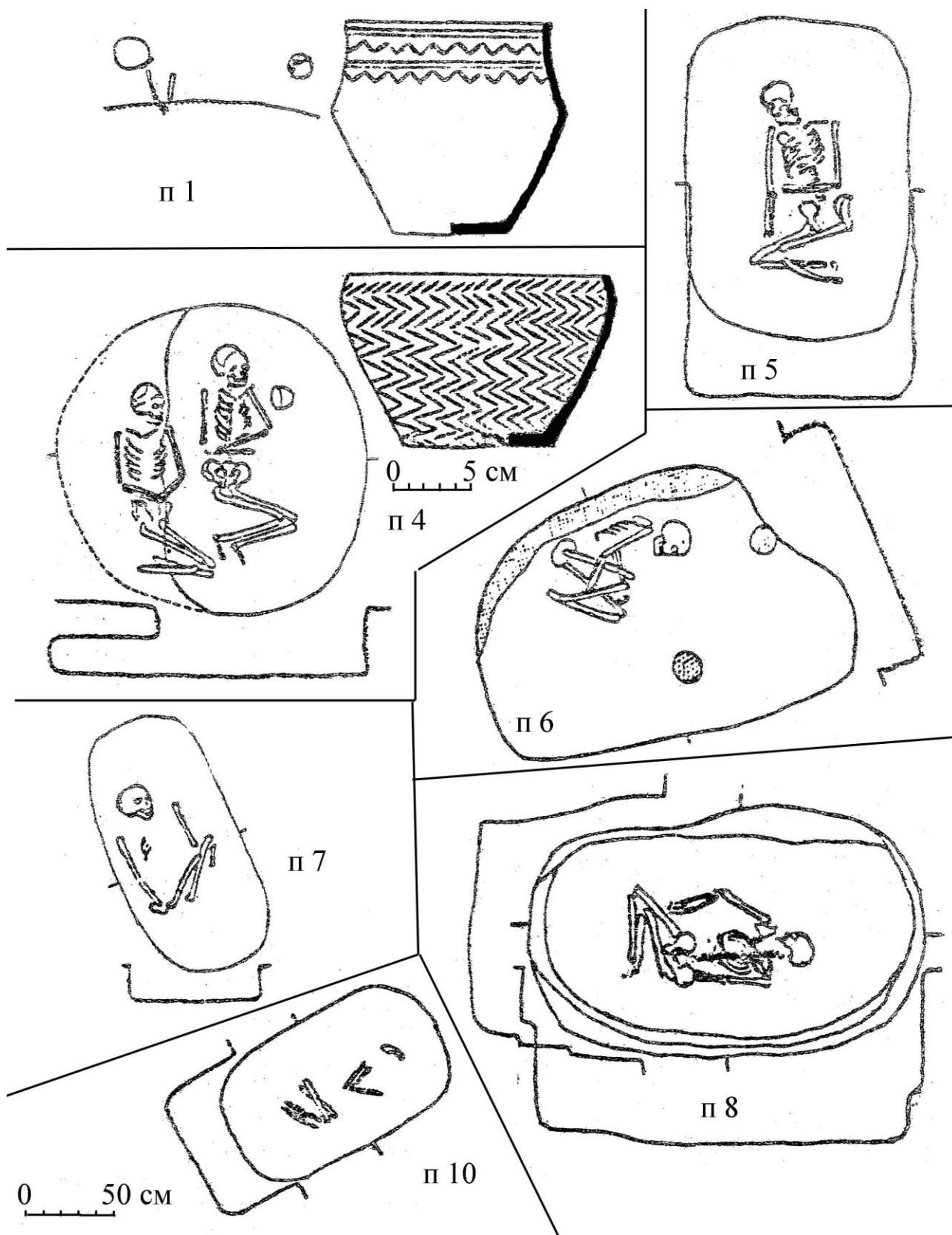

Рис. 8. Грунтовый могильник Белогорское-II, погребения 1, 4-8, 10 (Дремов И.И., 1996).

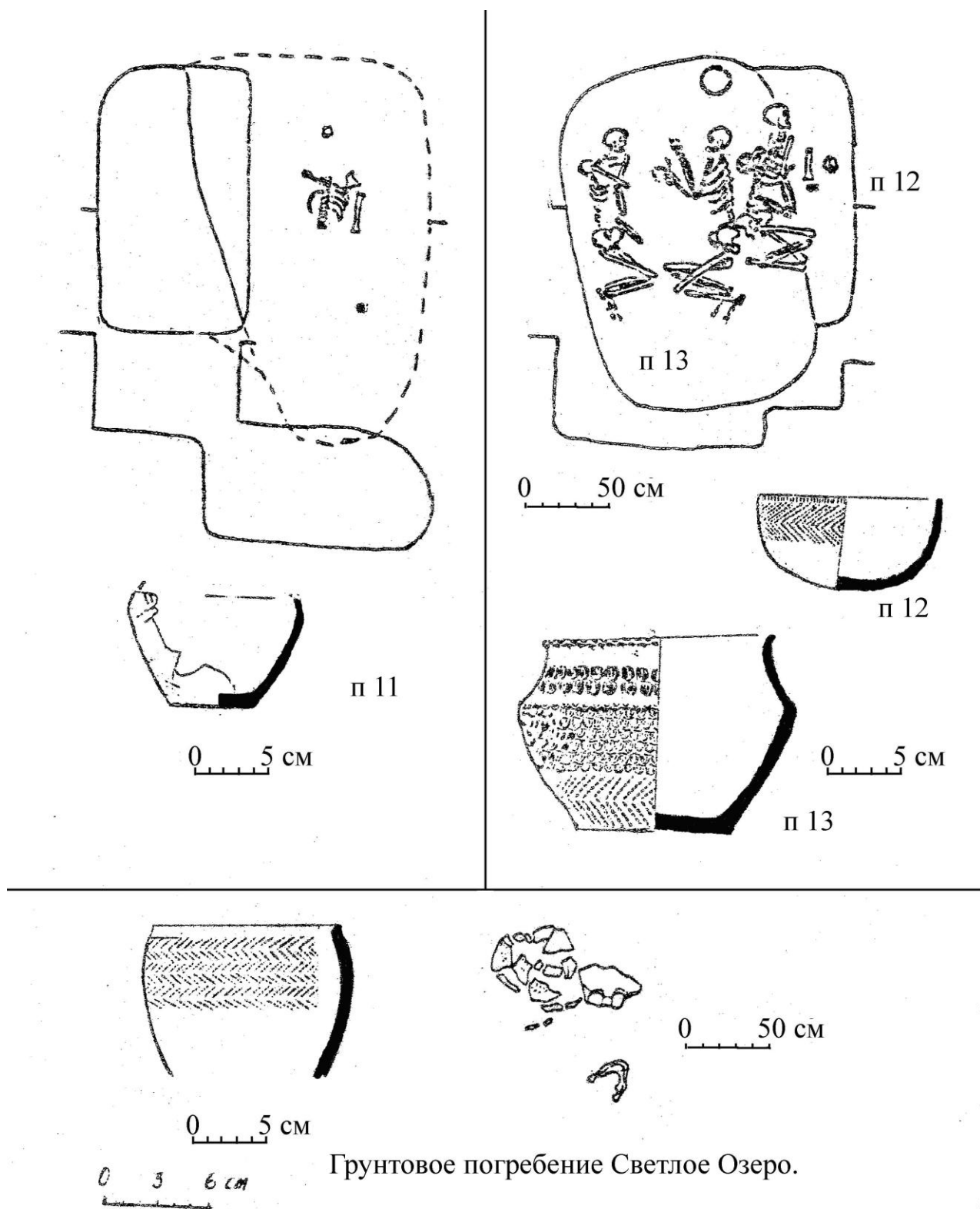

Рис. 9. Грунтовый могильник Белогорское-II, погребения 11-13 (Дремов И.И., 1996). Одиное погребение Светлое Озеро (Дремов И.И., 1996).

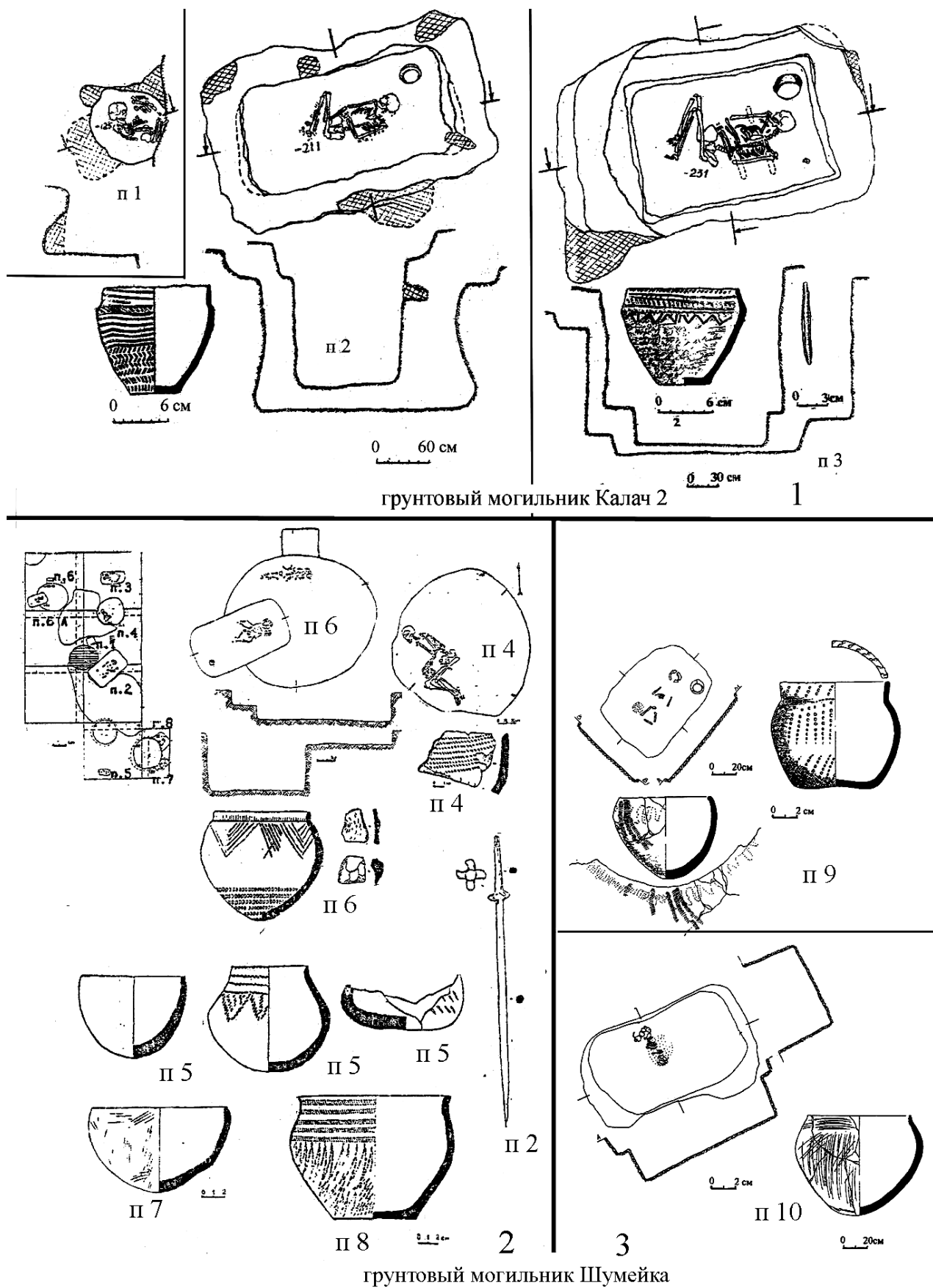

Рис. 10. Грунтовые могильники Калач-2 (Тихонов В.В., 1996); Шумейка (Баринов Д.Г., 1996; Сергеева О.В., 2005).

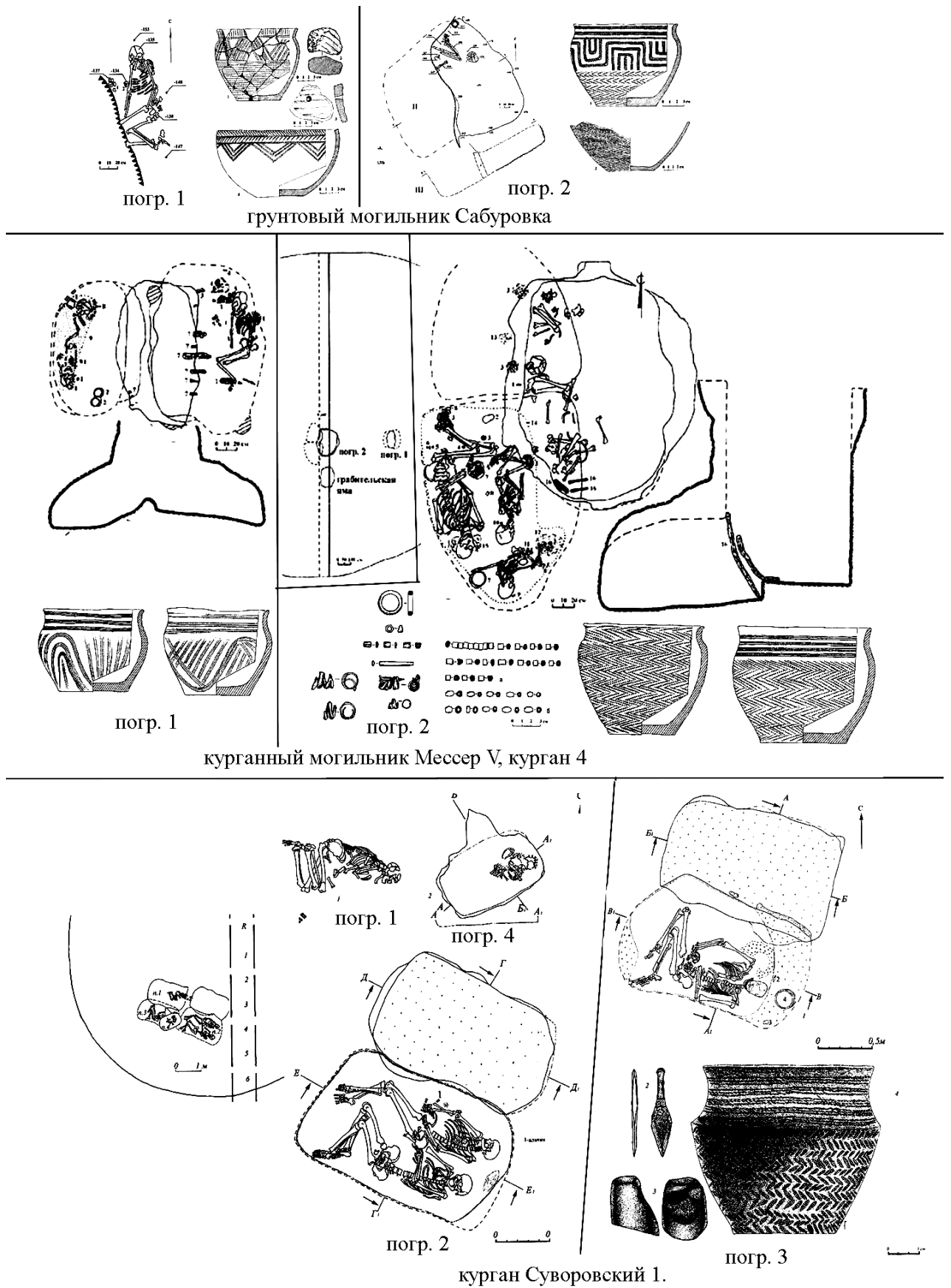
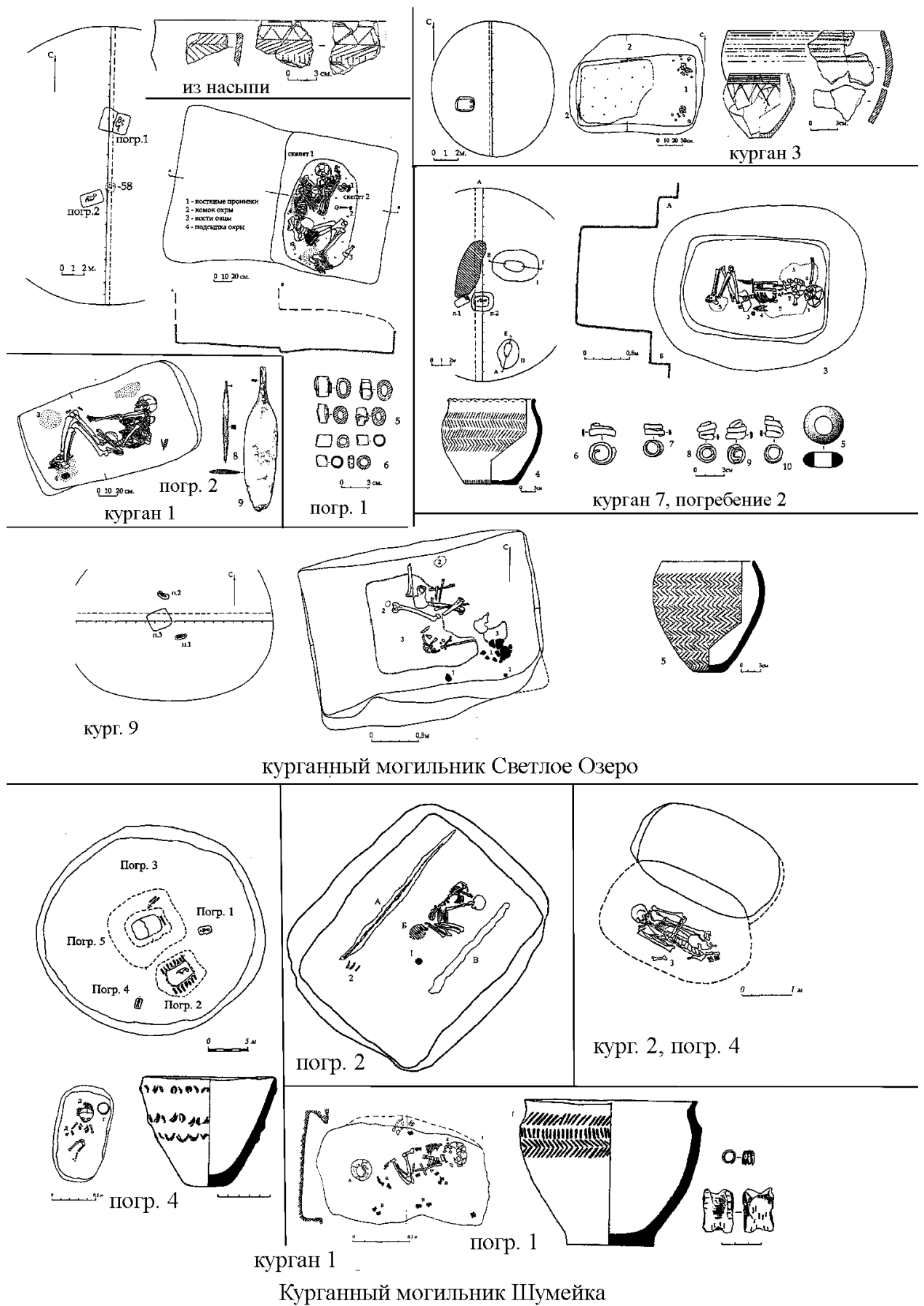

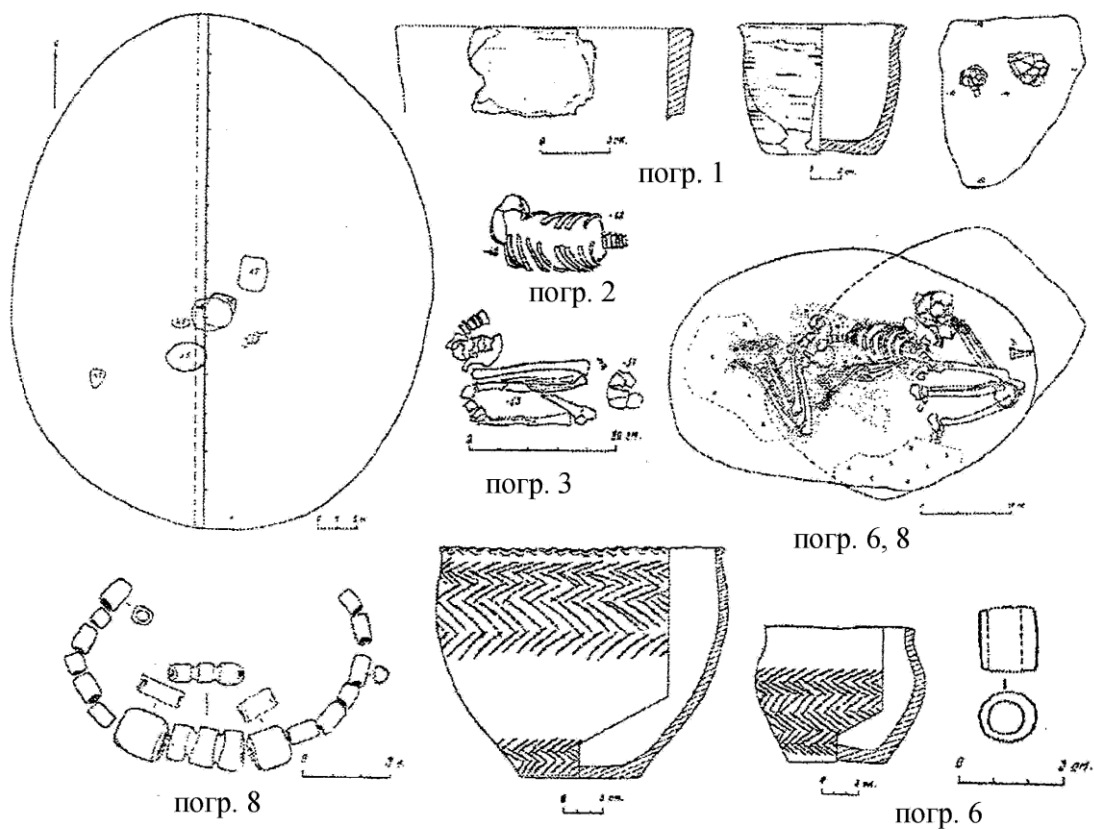
Рис. 11. Грунтовый могильник Сабуровка (Малышев А.Б., 2008); курганный могильник Мессер V, кург. 4; курган Суворовский 1 (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2006).

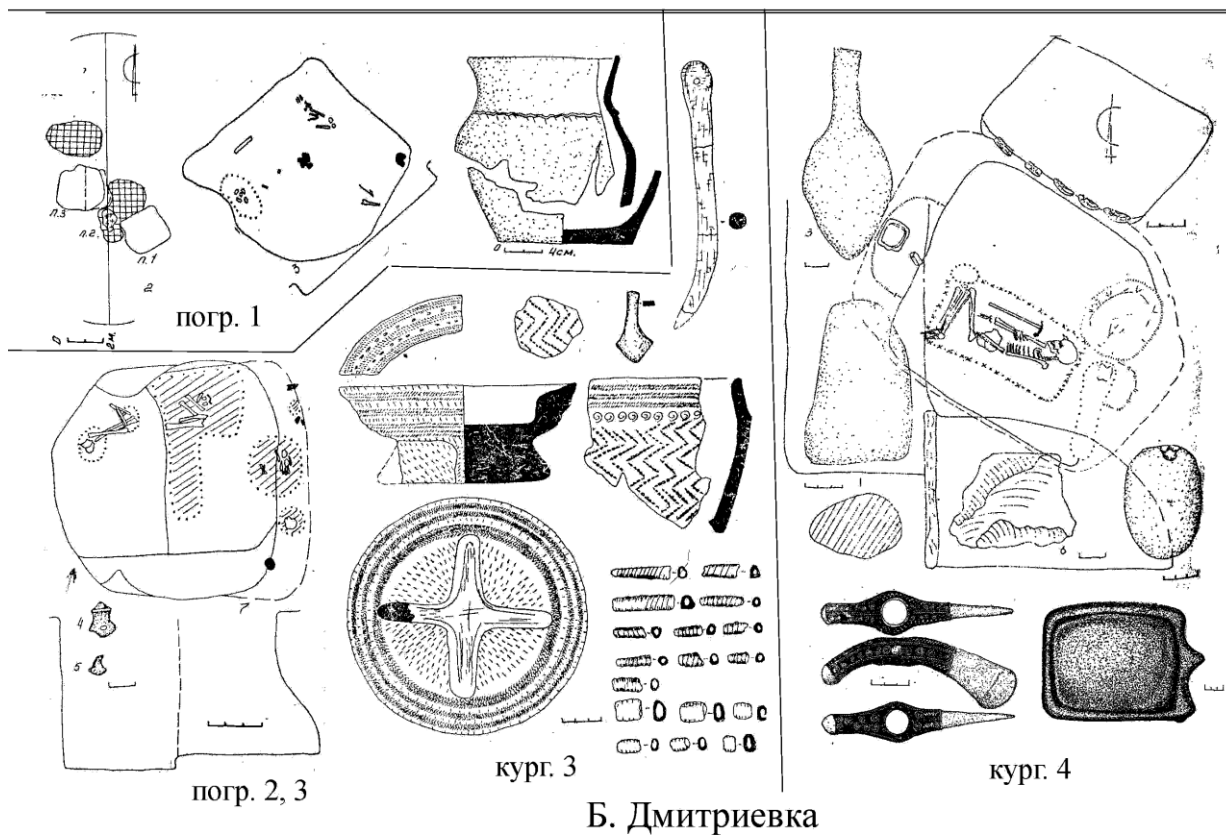
курганый могильник Светлое Озеро

Курганый могильник Шумейка

Рис. 12. Курганый могильник Светлое Озеро (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008); курганый могильник Шумейка (Юдин А.И., 2007).

Чапаевка, кург 3

Б. Дмитриевка

Рис. 13. Чапаевка, кург. 3 (Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007); Большая Дмитриевка, кург. 3, 4 (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995).

Новая Квасниковка, кург. 4

Рис. 14. Курганный могильник Новая Квасниковка, курган 4 (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989; Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1995).

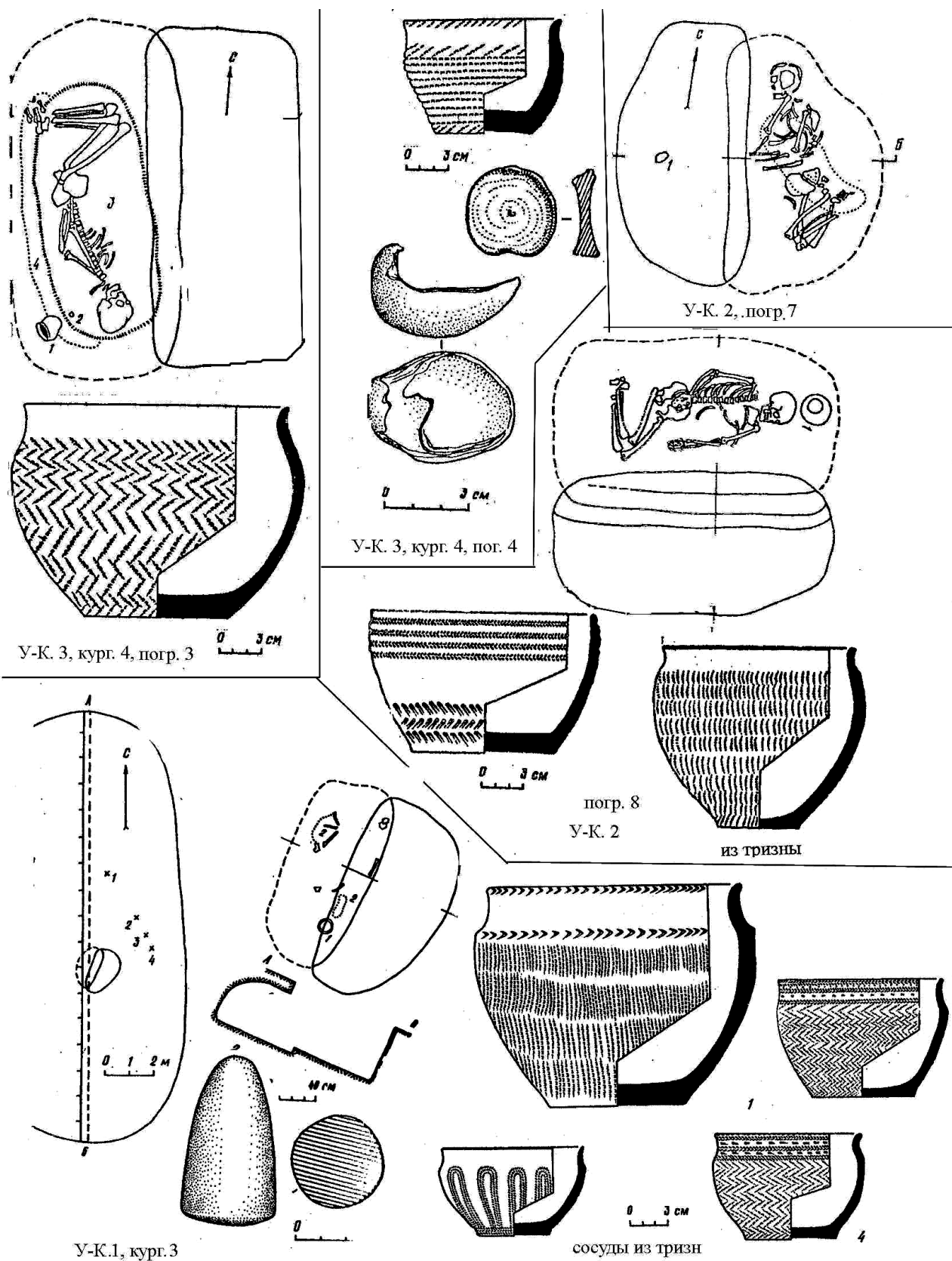

Рис. 15. Материалы курганного могильника Усть-Курдюм (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993).

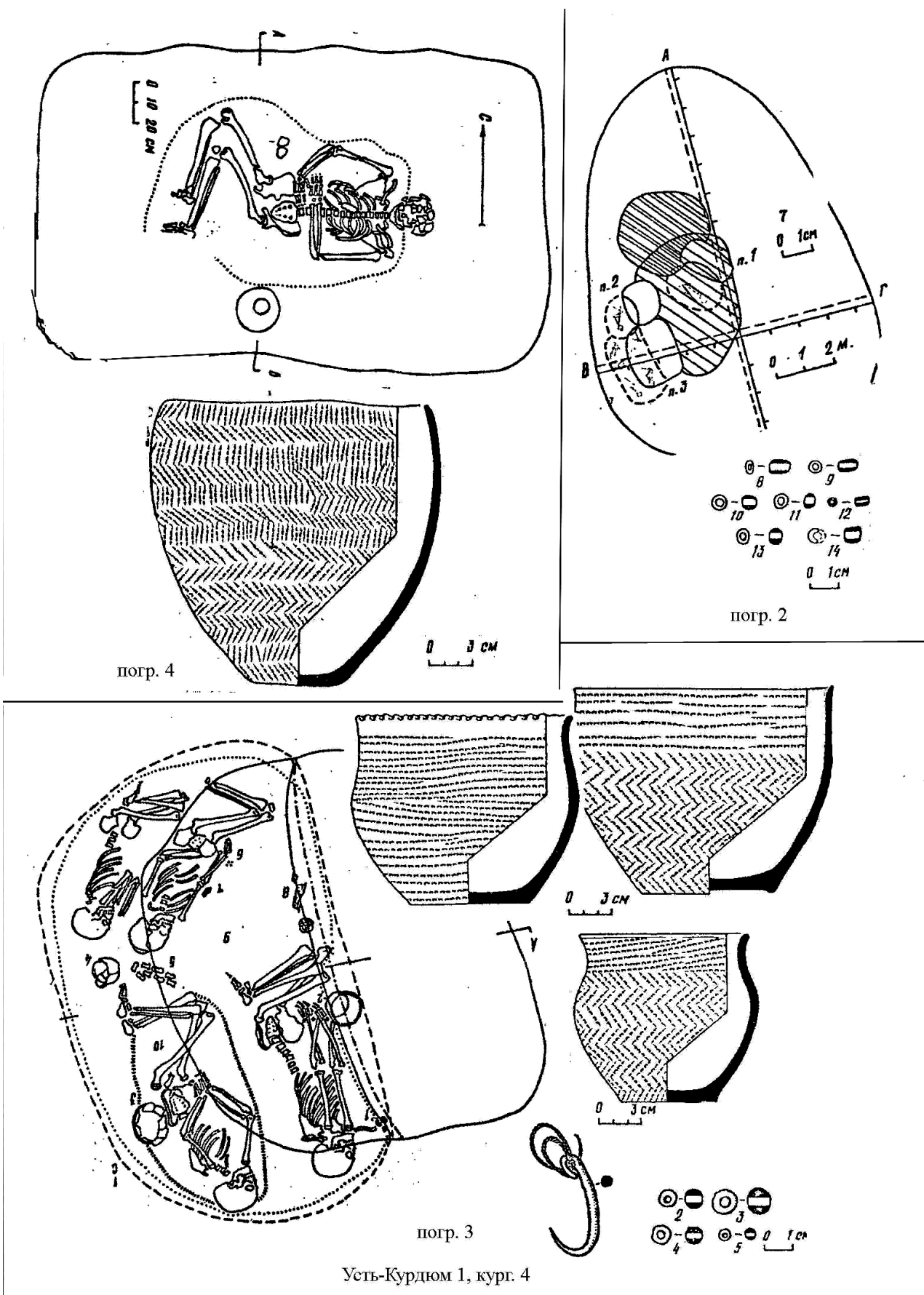

Рис. 16. Материалы курганного могильника Усть-Курдюм (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993).

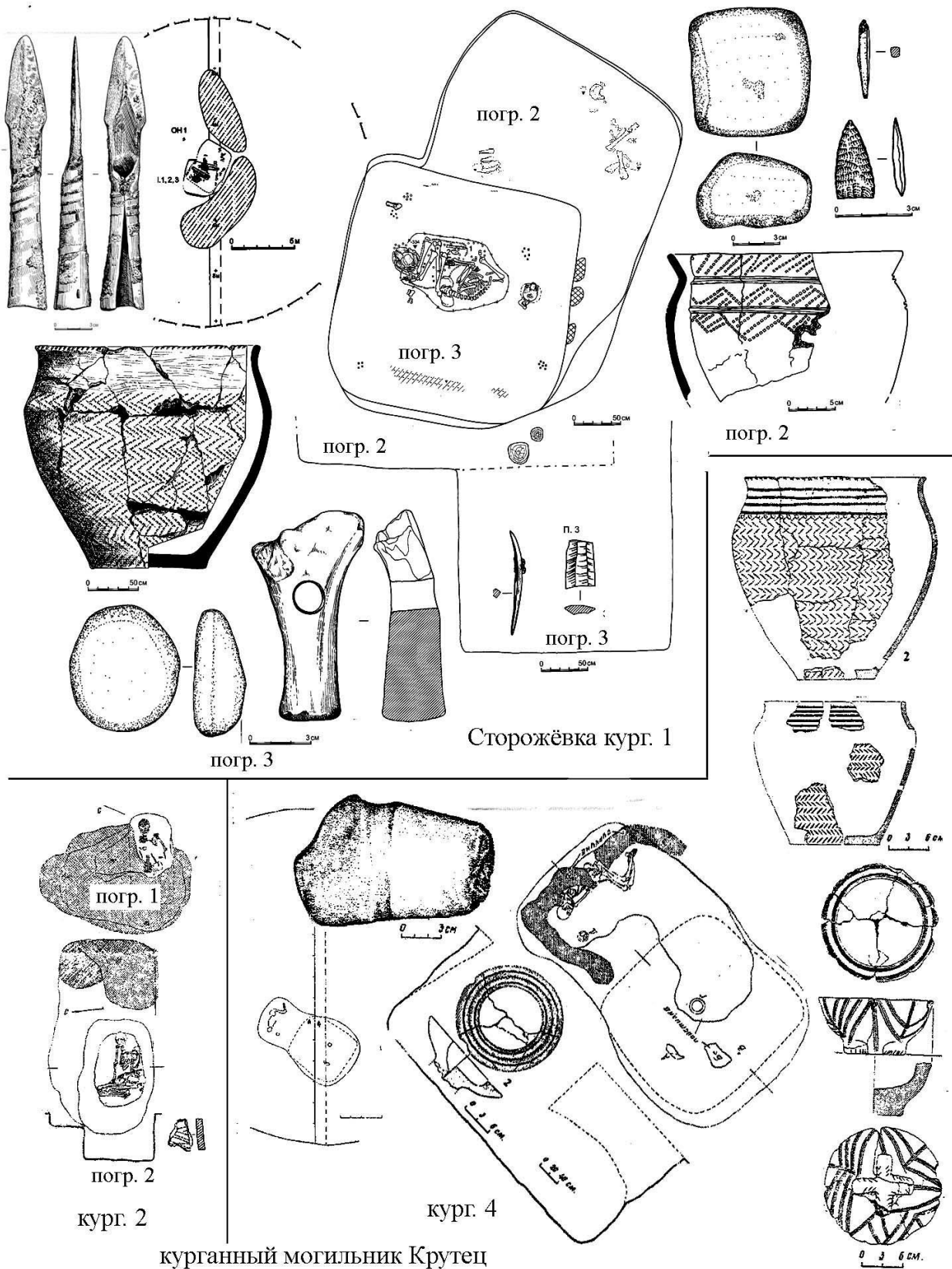
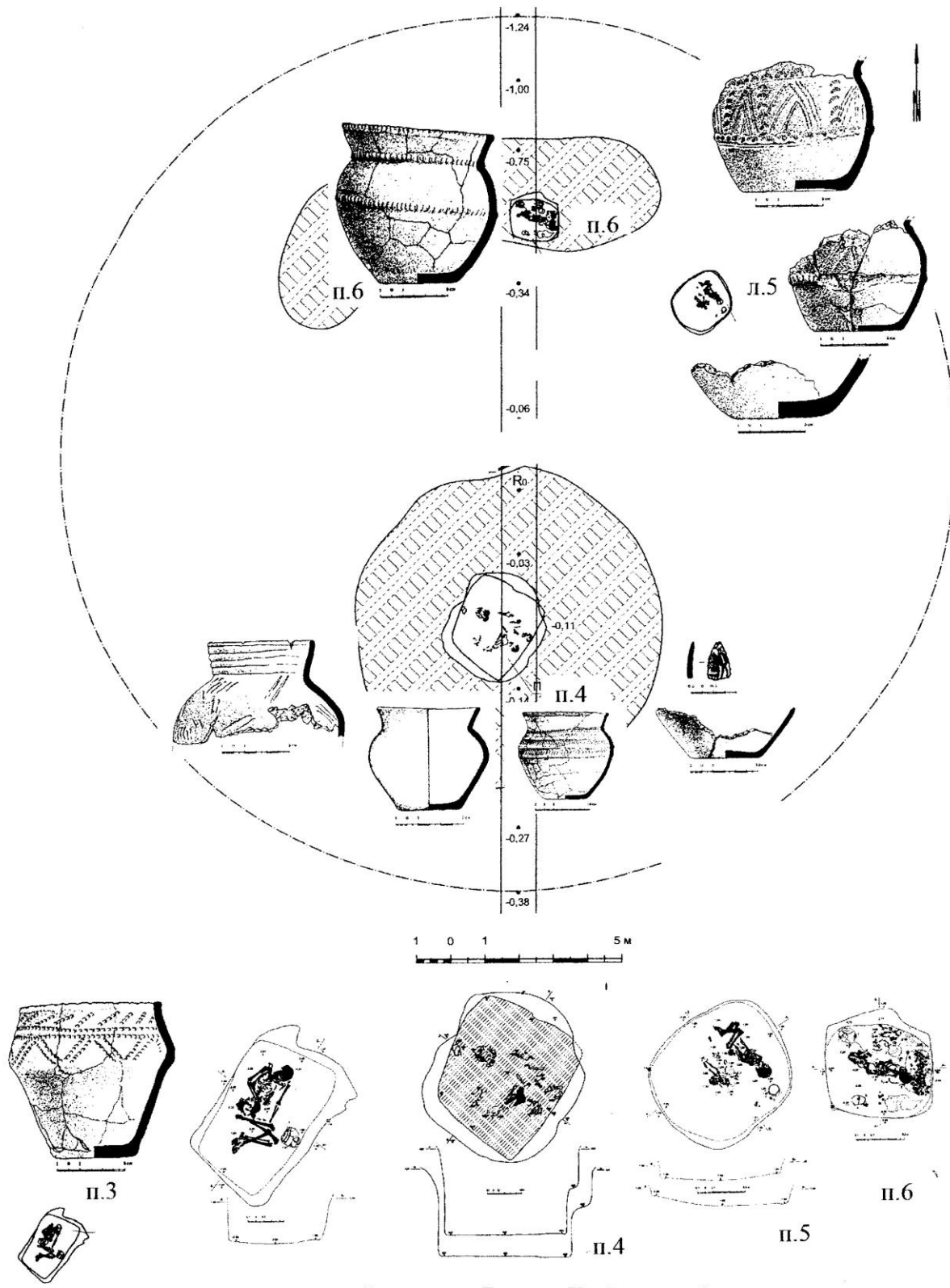

Рис. 17. Курган Сторожёвка (Ляхов С.В., 1996); курганная группа Крутец (Лопатин В.А., 1994; Тименков Д.М., 1997).

курганный могильник Большие Копёны, кург. 1

Рис. 18. Курганный могильник Большие Копёны, курган 1 (Матюхин А.Д., 2003).

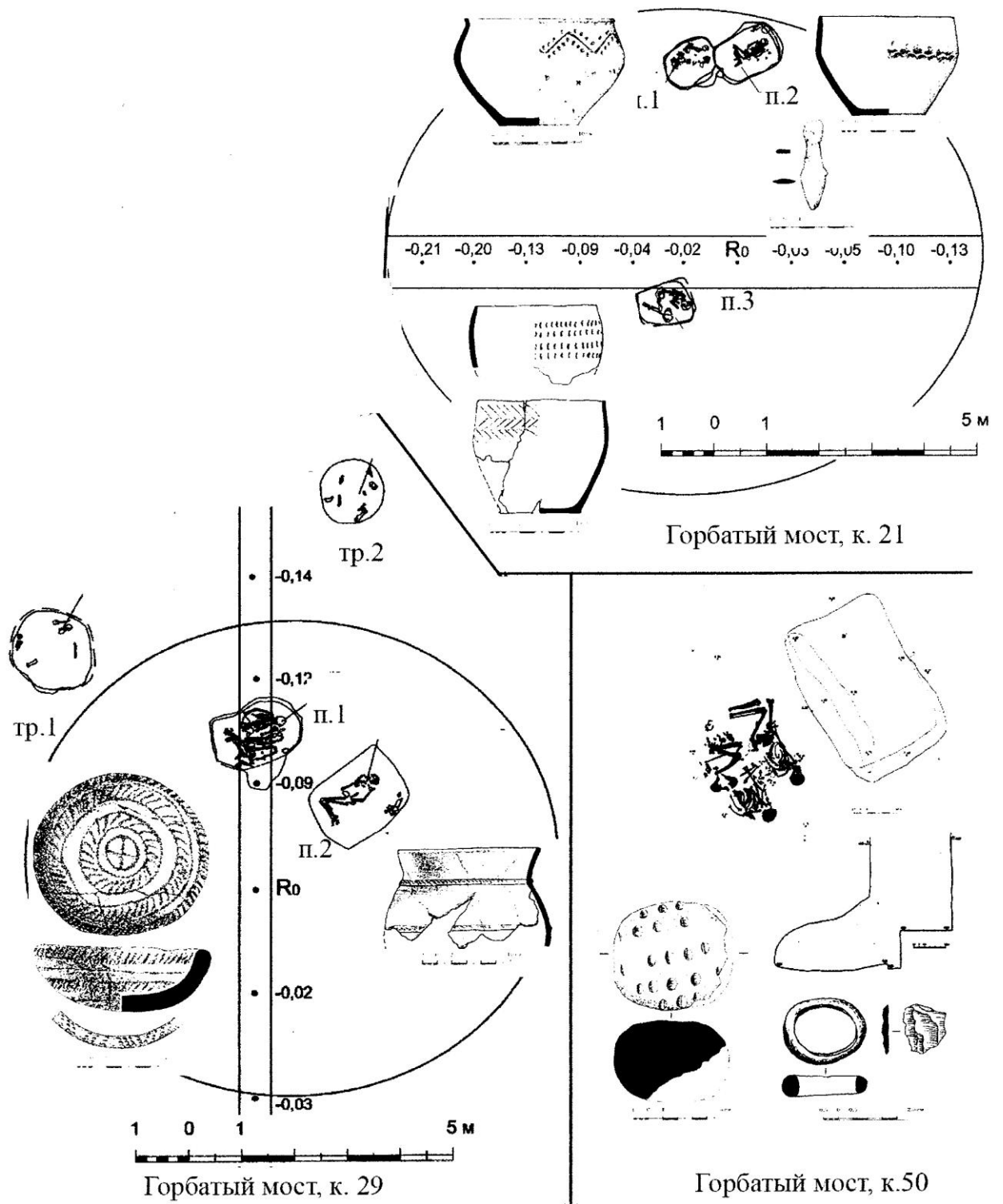

Рис. 19. Курганная группа Горбатый Мост, кург. 21, 29, 50 (Тихонов В.В., 2003).

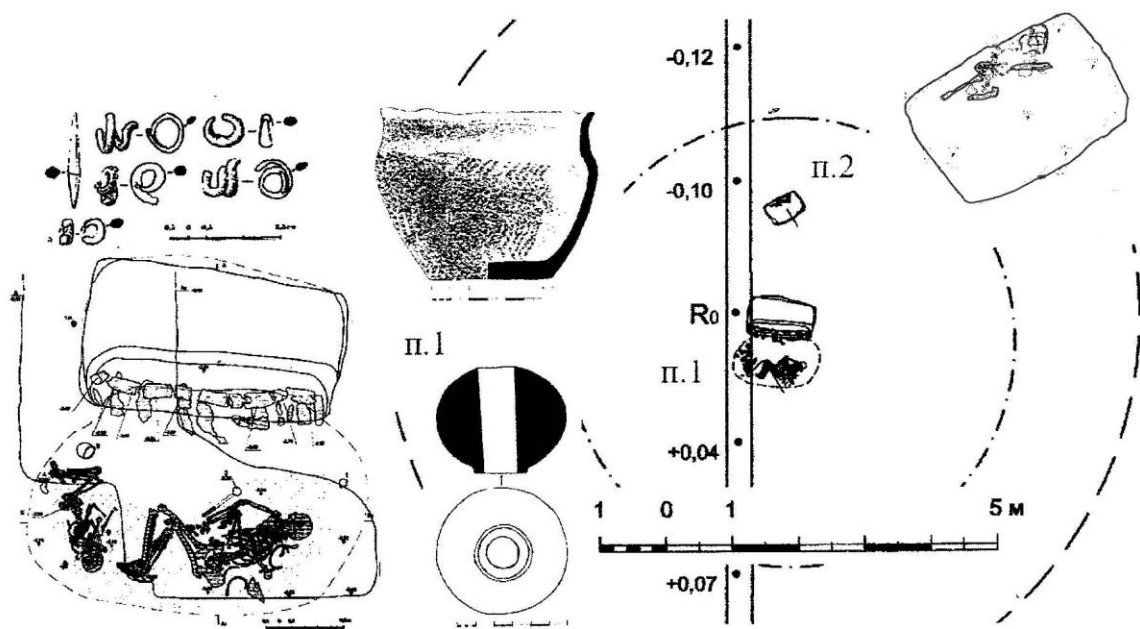
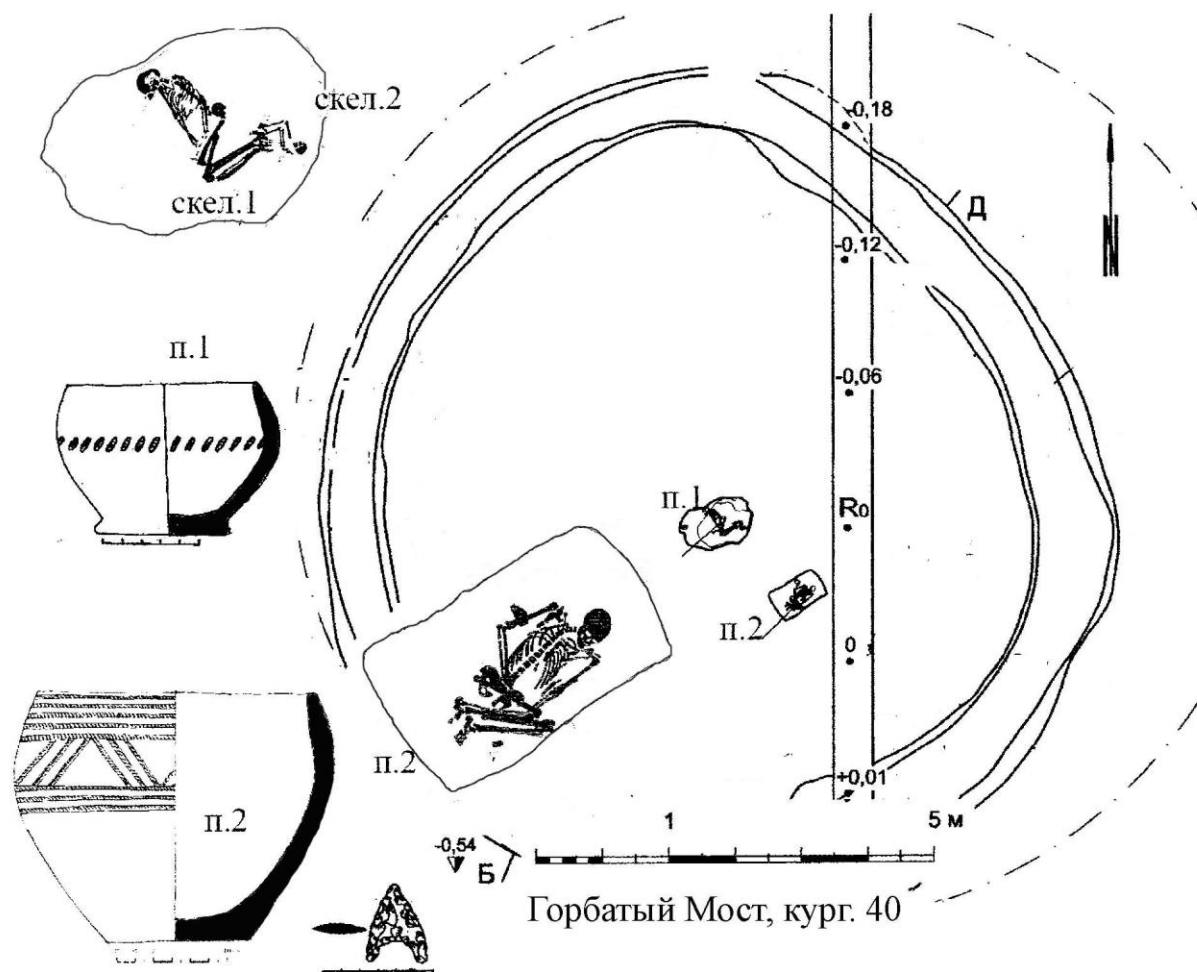
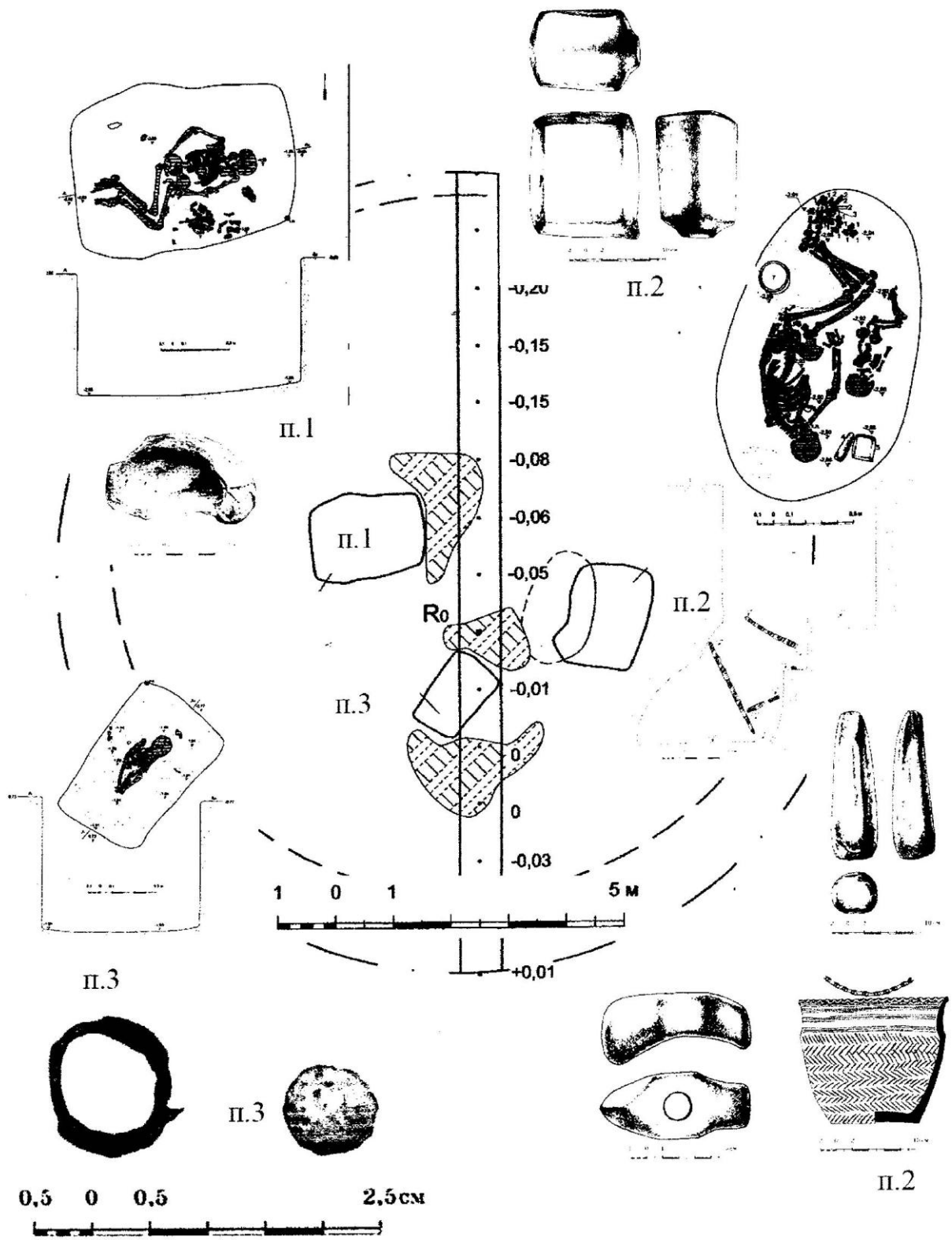

Рис. 20. Курганная группа Горбатый Мост, кург. 40, 42 (Тихонов В.В., 2003).

Горбатый Мост, кург. 45

Рис. 21. Курганная группа Горбатый Мост, кург. 45 (Тихонов В.В., 2003).

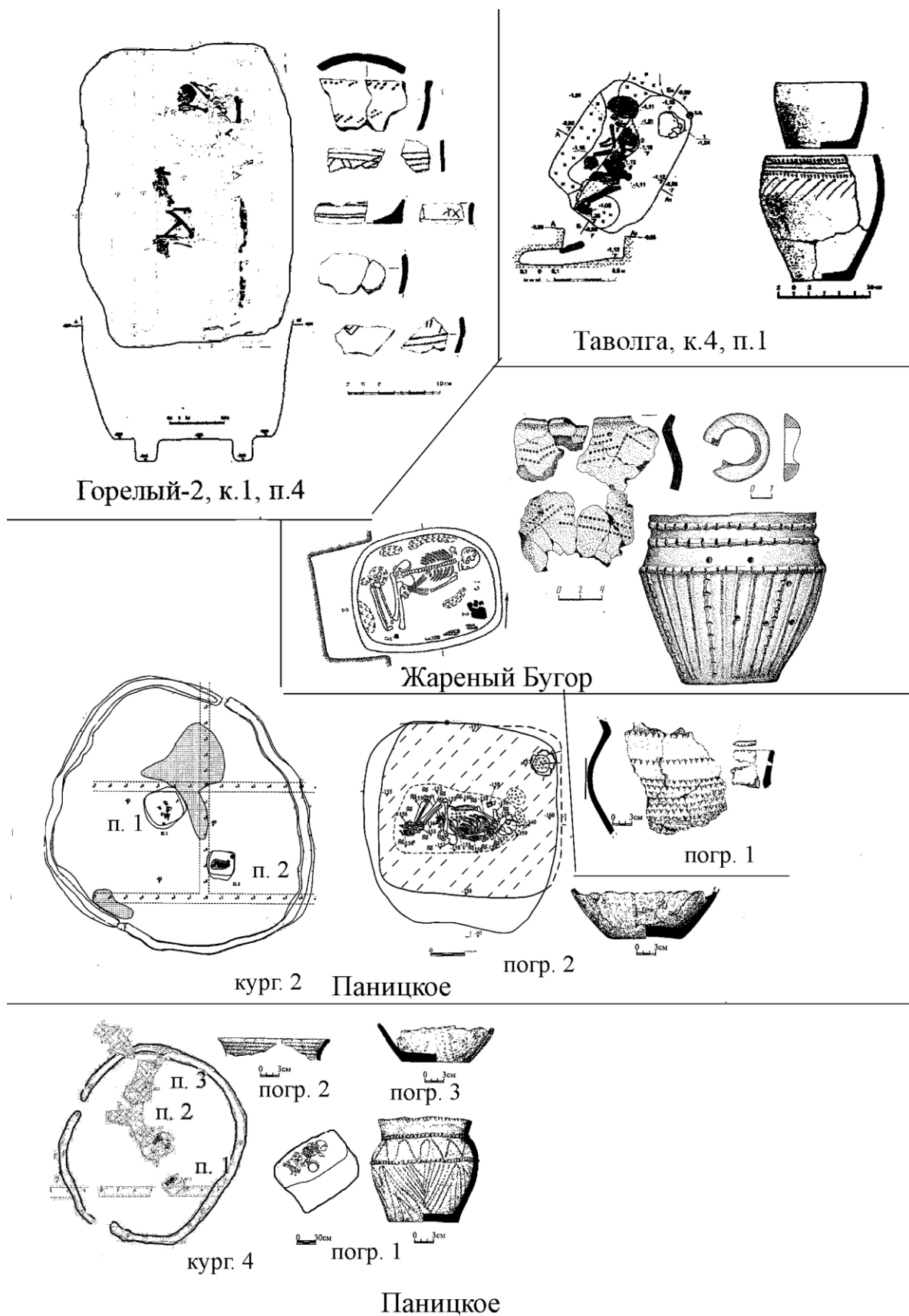
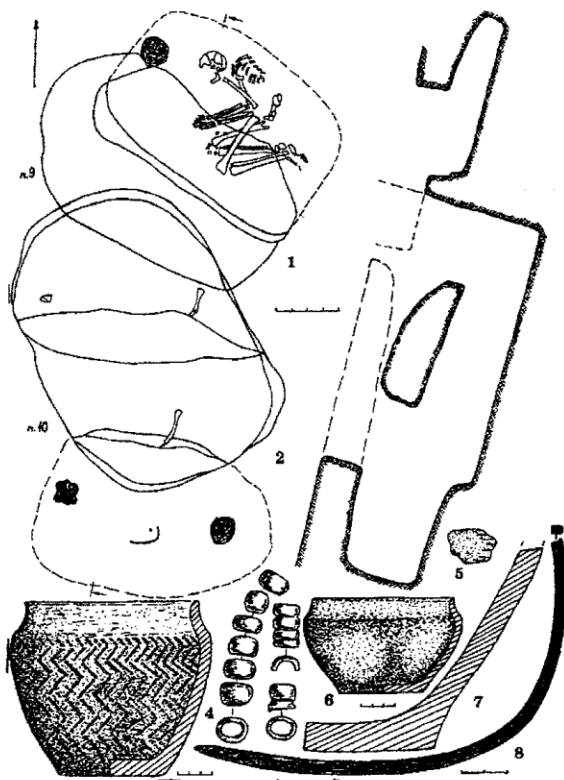
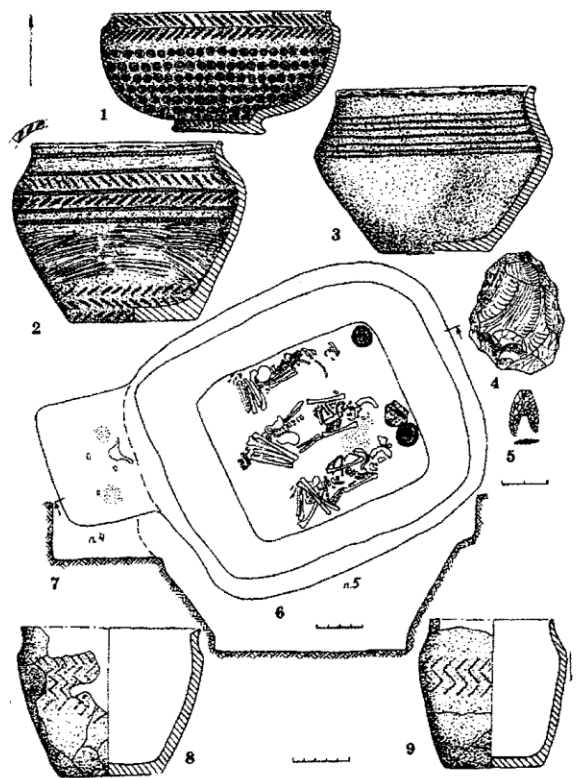

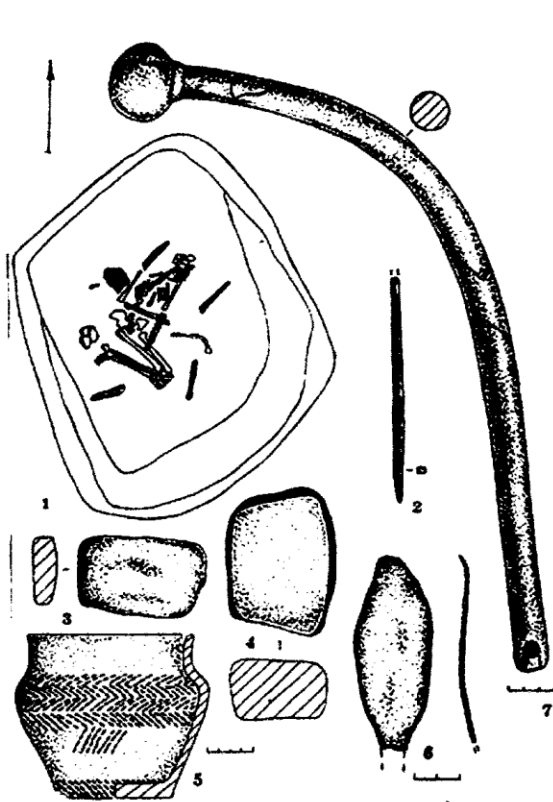
Рис. 22. Погребальные комплексы конца средней бронзы: Горелый-2, к. 1, п. 4 (Тихонов В.В., 2003); Таволга, к. 4, п. 1 (Малов Н.М., 2003); Жареный Бугор (Монахов С.Ю., 1984); Паницкое-6 (Мимоход Р.А., 2009).

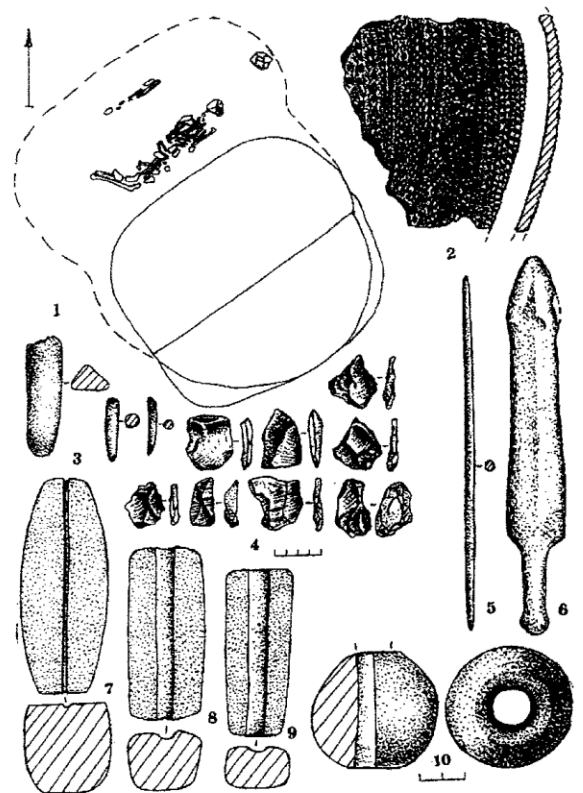
Кумыска II, п. 9, 10

Кумыска II, п. 4, 5

Первомайский 1, к. 4, п. 4

Желтухин, к. 6, п. 4

Рис. 23. Катакомбные комплексы Кумыска II, погр. 4, 5, 9, 10; Первомайский 1, кург. 4, п. 4; Желтухин, кург. 6, п. 4 (по А.В. Кияшко, 2002).

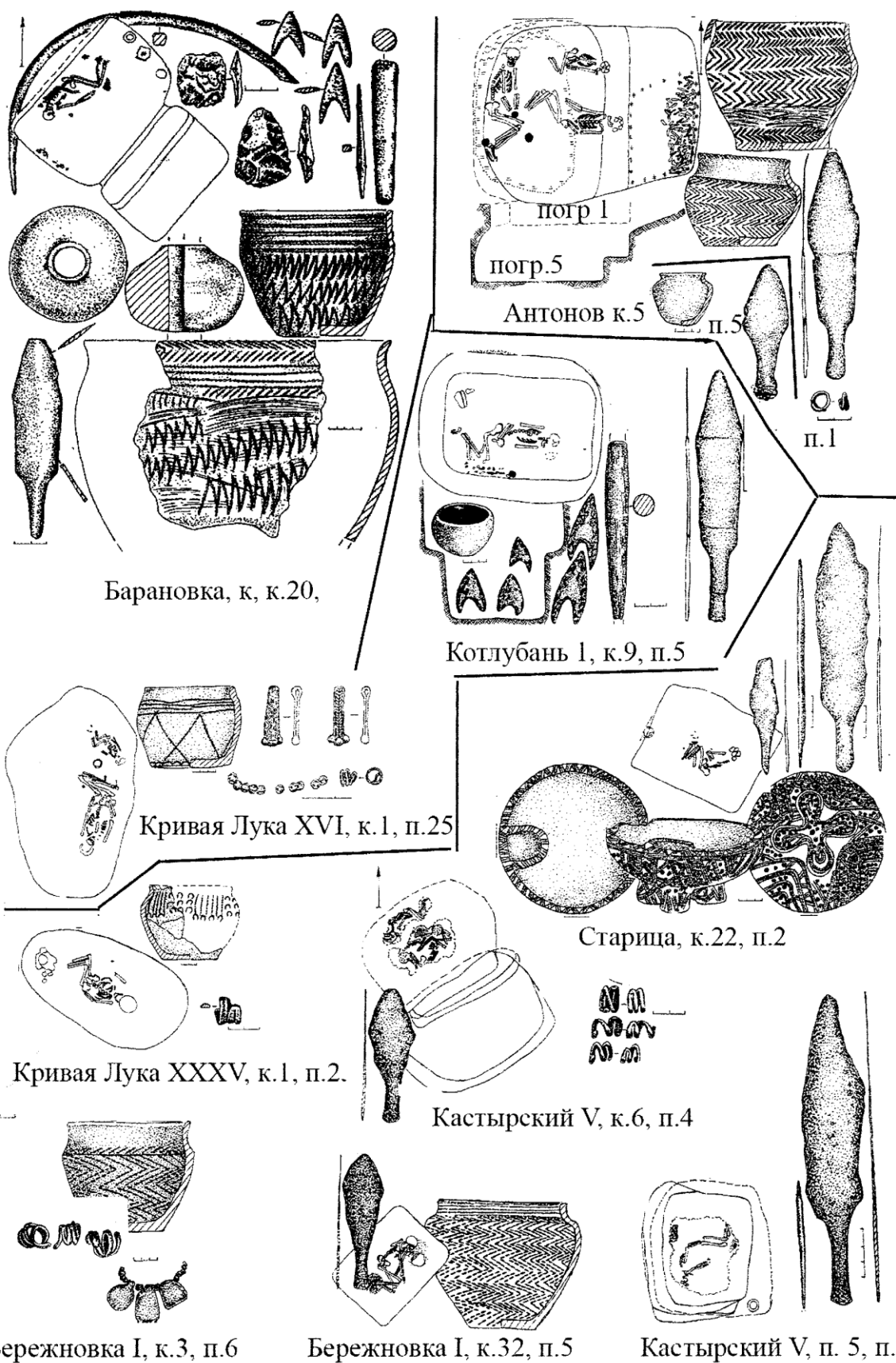

Рис. 24. Катакомбные комплексы Барановка, кург. 20; Антонов, кург. 5; Котлубань 1, кург. 9, погр. 5; Кривая Лука; Старица; Кастырский; Бережновка-I (по А.В. Кияшко, 2002).

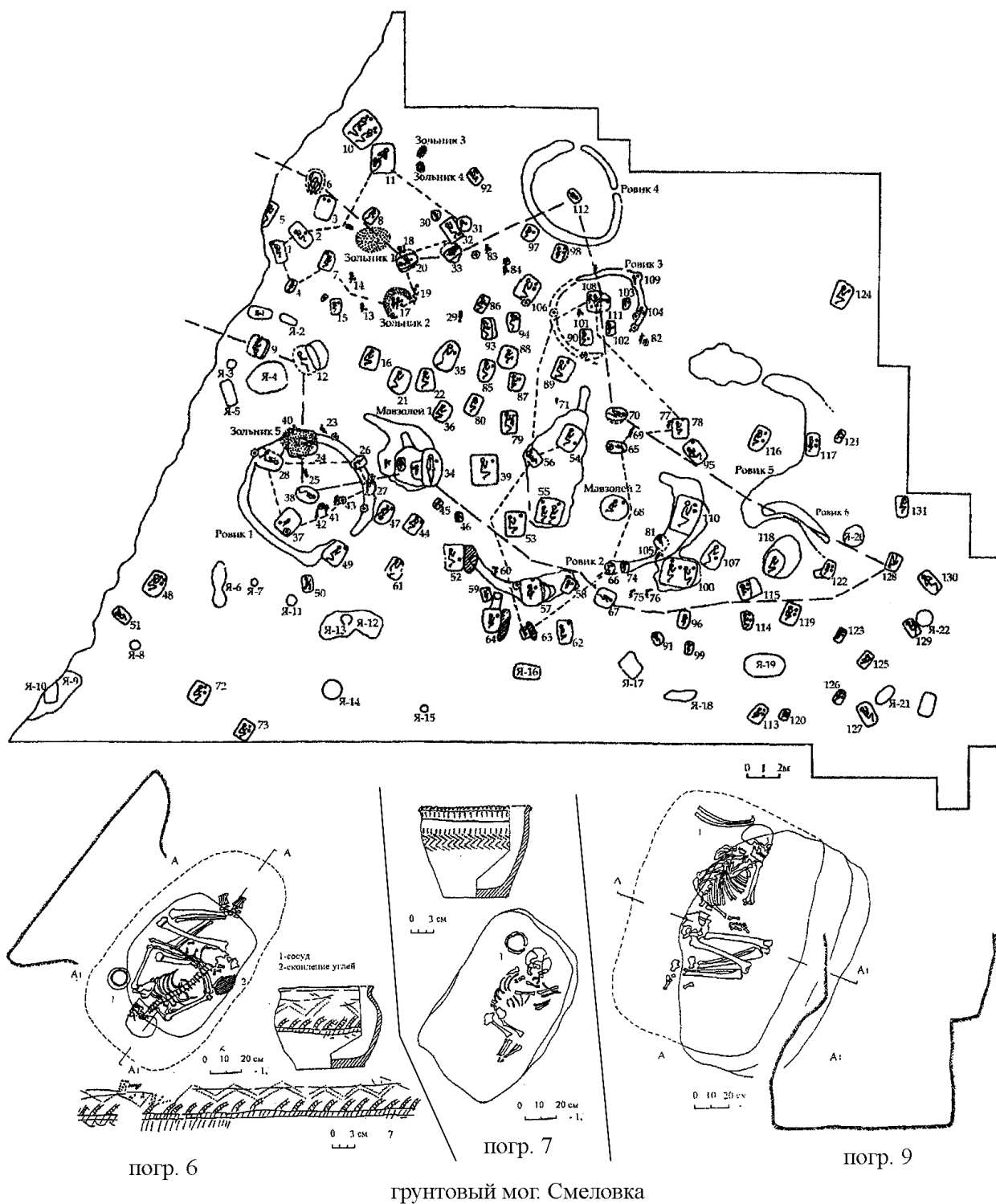

Рис. 25. Грунтовый могильник Смеловка. Погребения с ранними признаками: погр. 6, 7, 9 (по В.А. Лопатину, 2010).

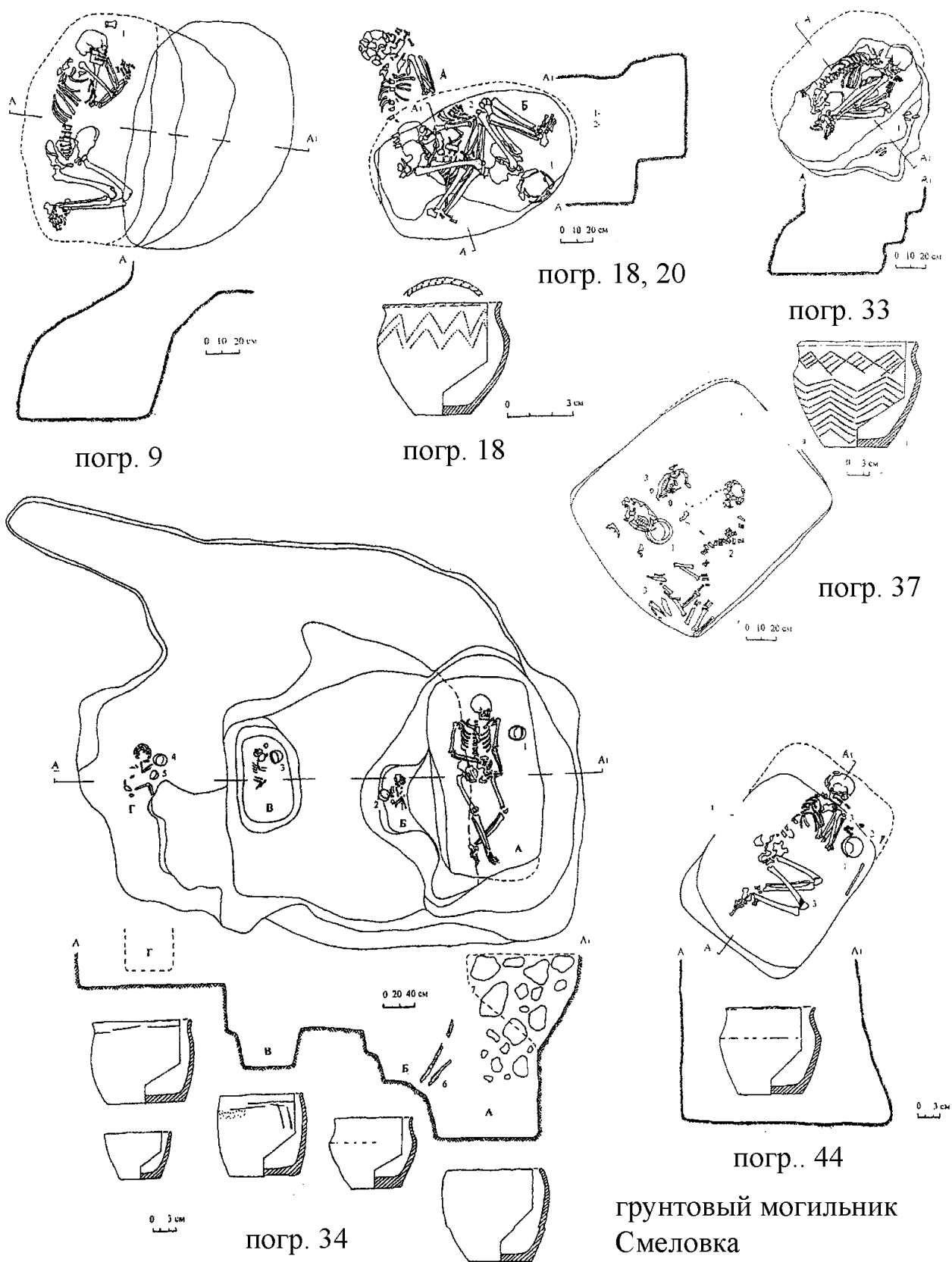

Рис. 26. Грунтовый могильник Смеловка. Погребения с подбоями (погр. 9, 18, 20, 33, 34, 44) и сосудом петровско-синташтинского типа (погр. 37) (по В.А. Лопатину, 2010).

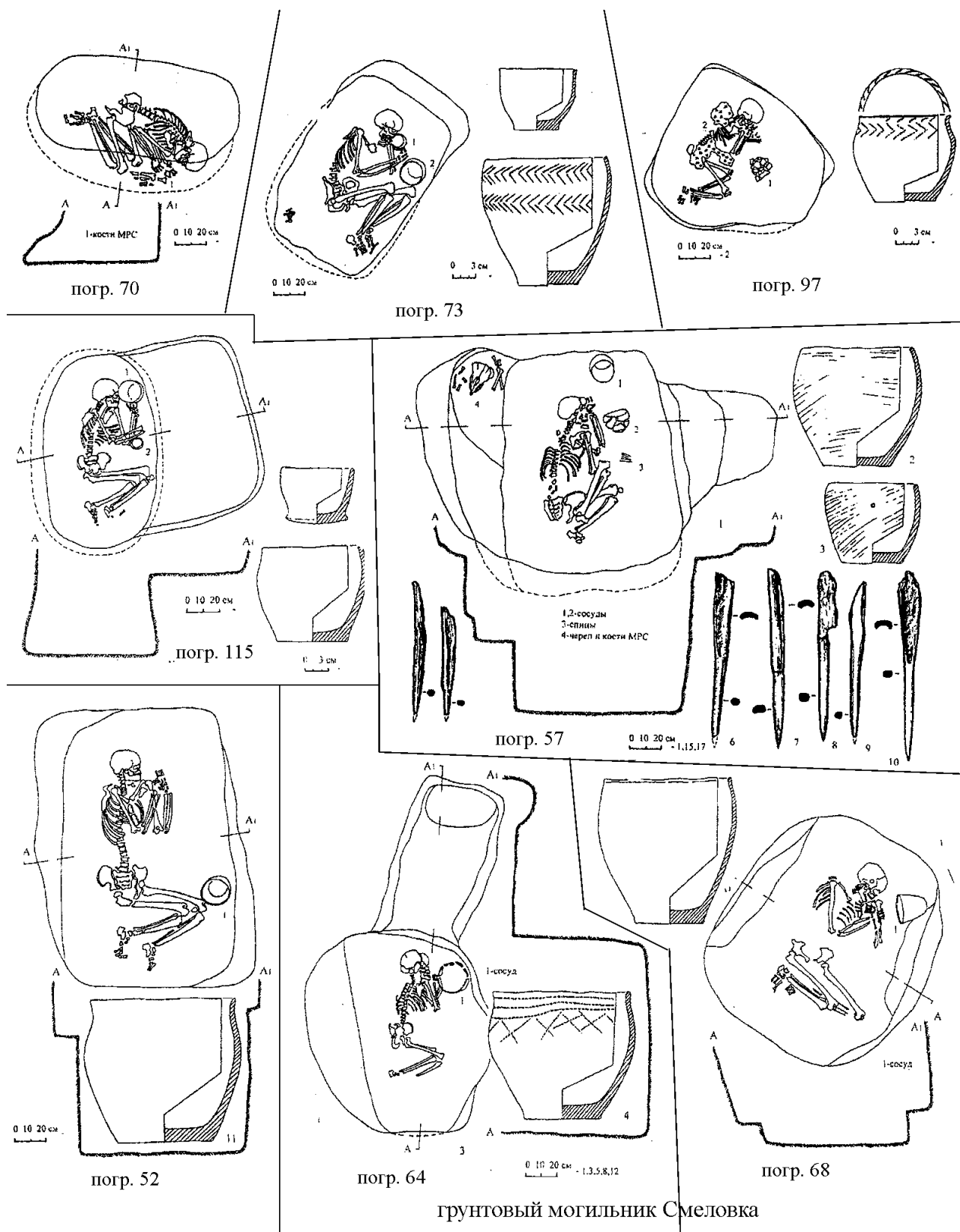

Рис. 27. Грунтовый могильник Смеловка. Погребения с подбоями (погр. 70, 115), ступенями (115, 57, 64, 68) и с керамикой, орнаментированной «ёлочкой» (73, 97) (по В.А. Лопатину, 2010).

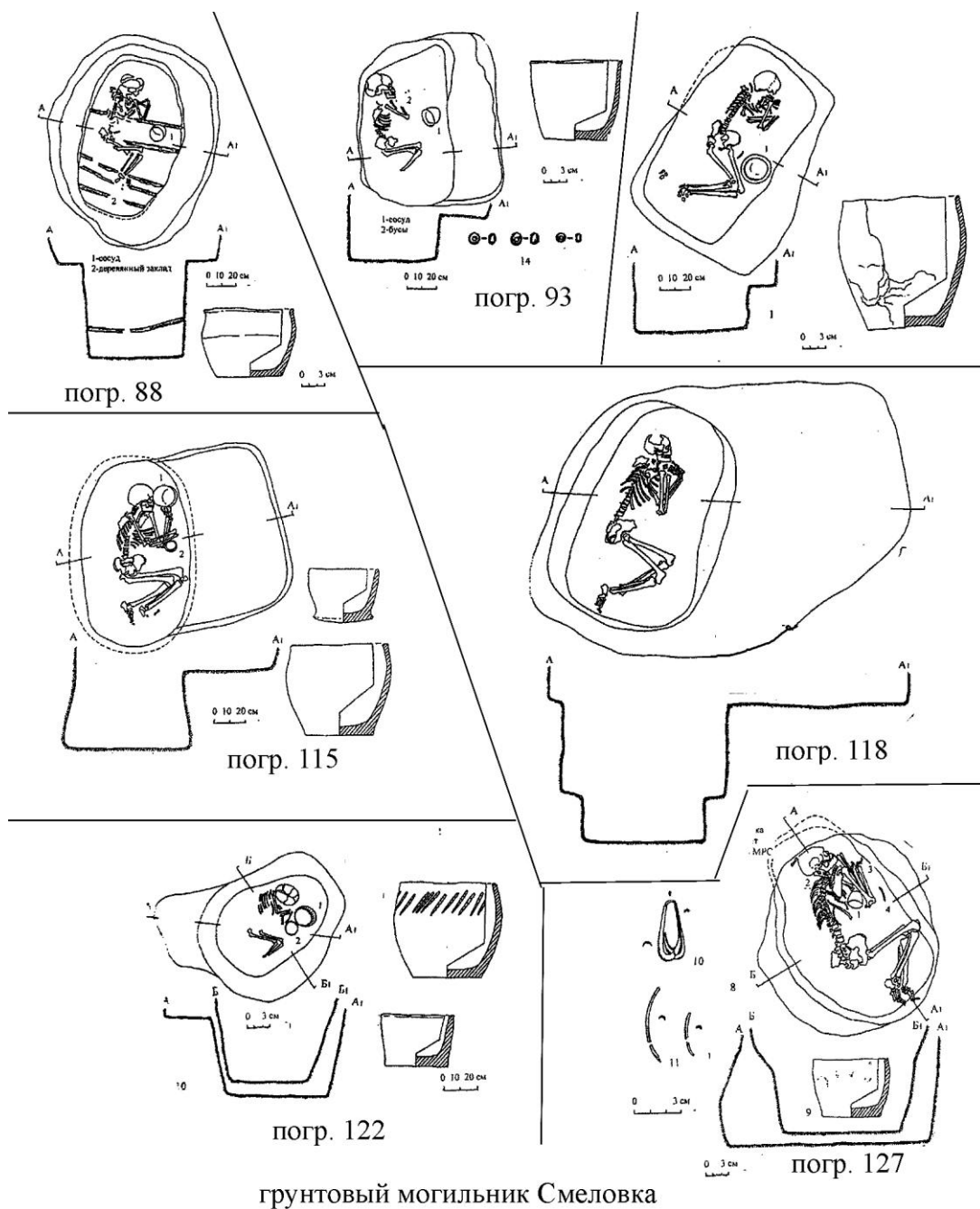
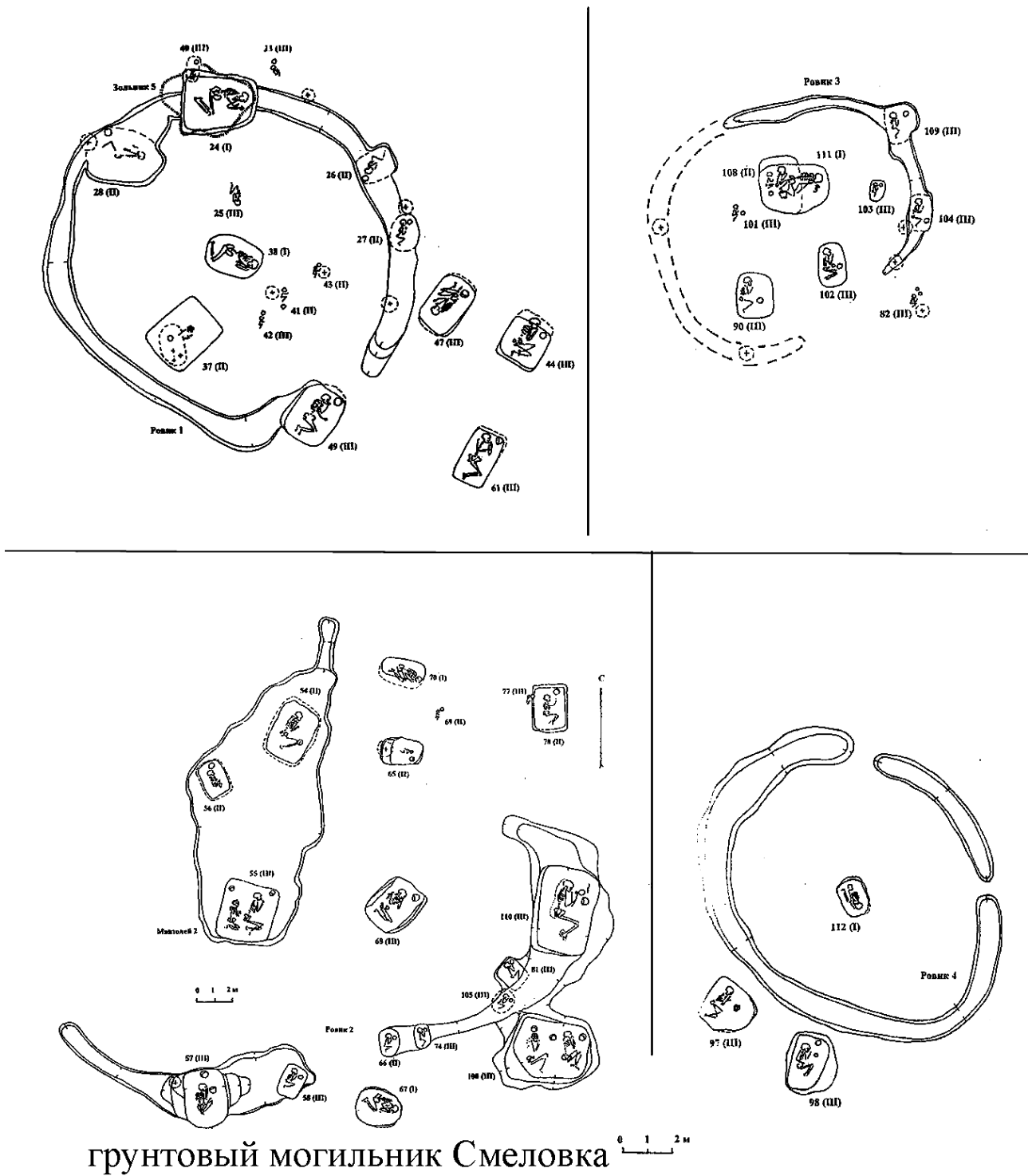

Рис. 28. Грунтовый могильник Смеловка. Погребения со ступеньками (по В.А. Лопатину, 2010).

грунтовый могильник Смеловка 0 1 2 м

Рис. 29. Грунтовый могильник Смеловка. Конструкции ровиков и связанных с ними погребений (по В.А. Лопатину, 2010).

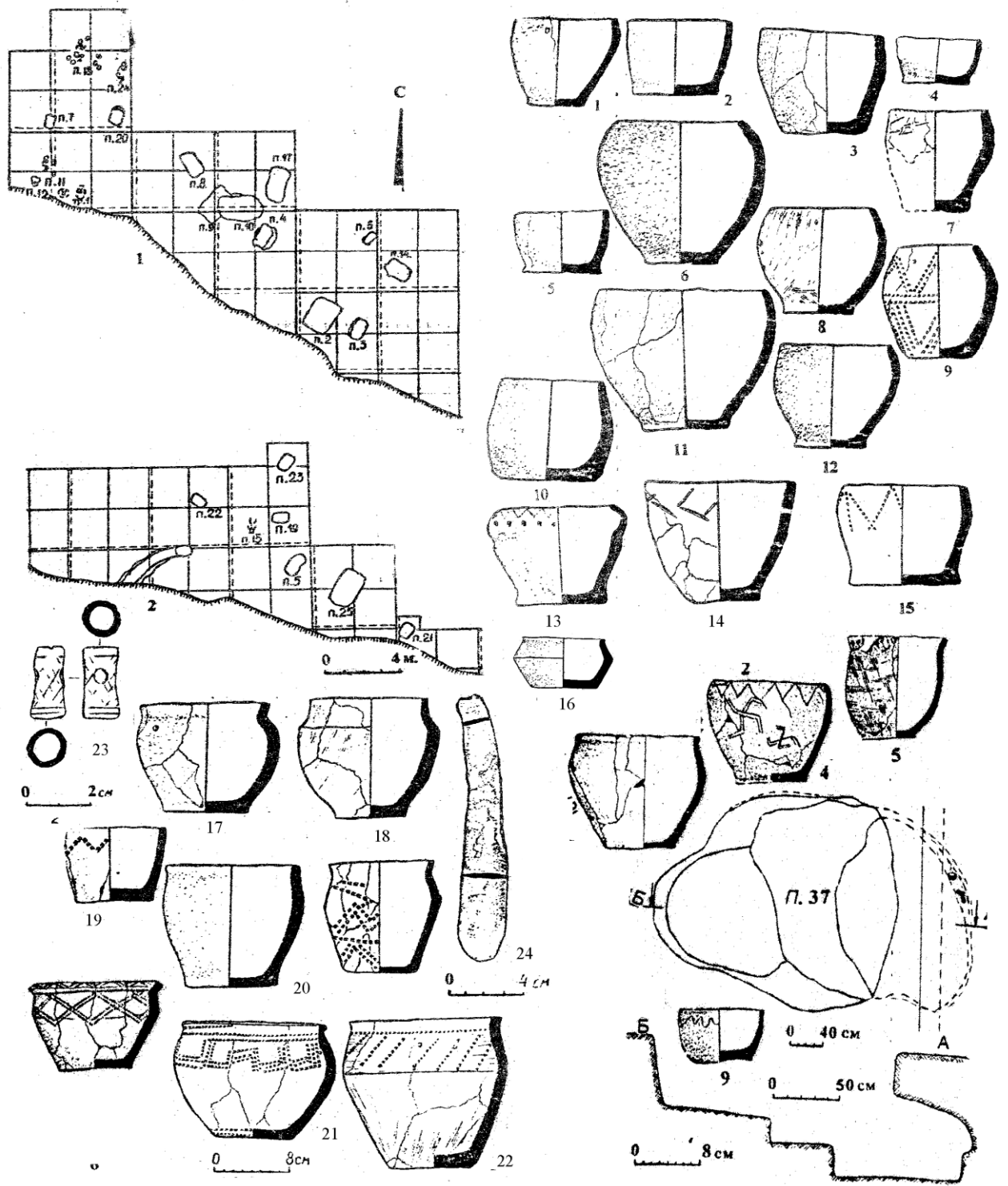
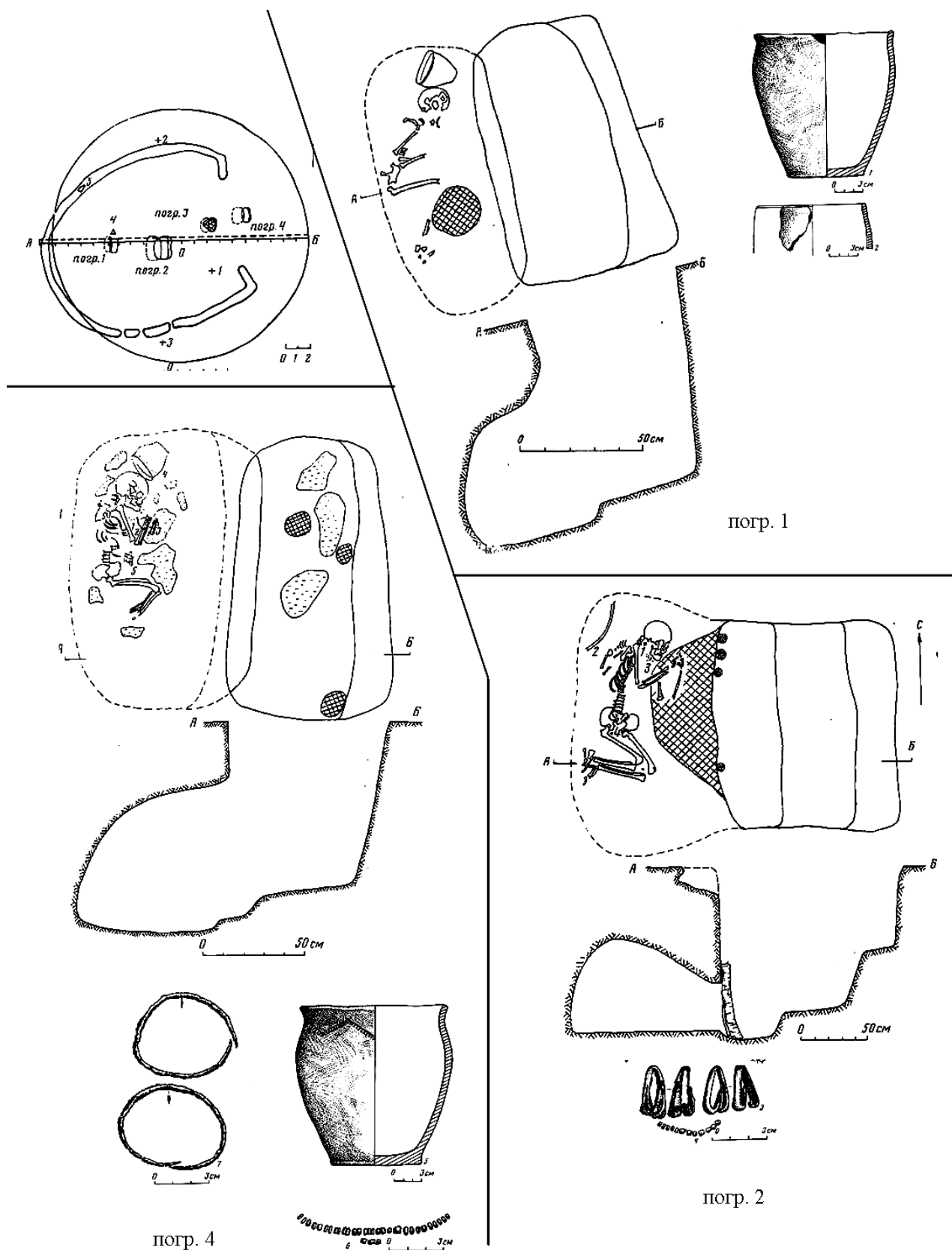

Рис. 30. Материалы грунтового могильника Калач-1 (Тихонов В.В., 1996).

Мурманский курган

Рис. 31. Материалы подбойных погребений срубной культуры Мурманского кургана (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988).

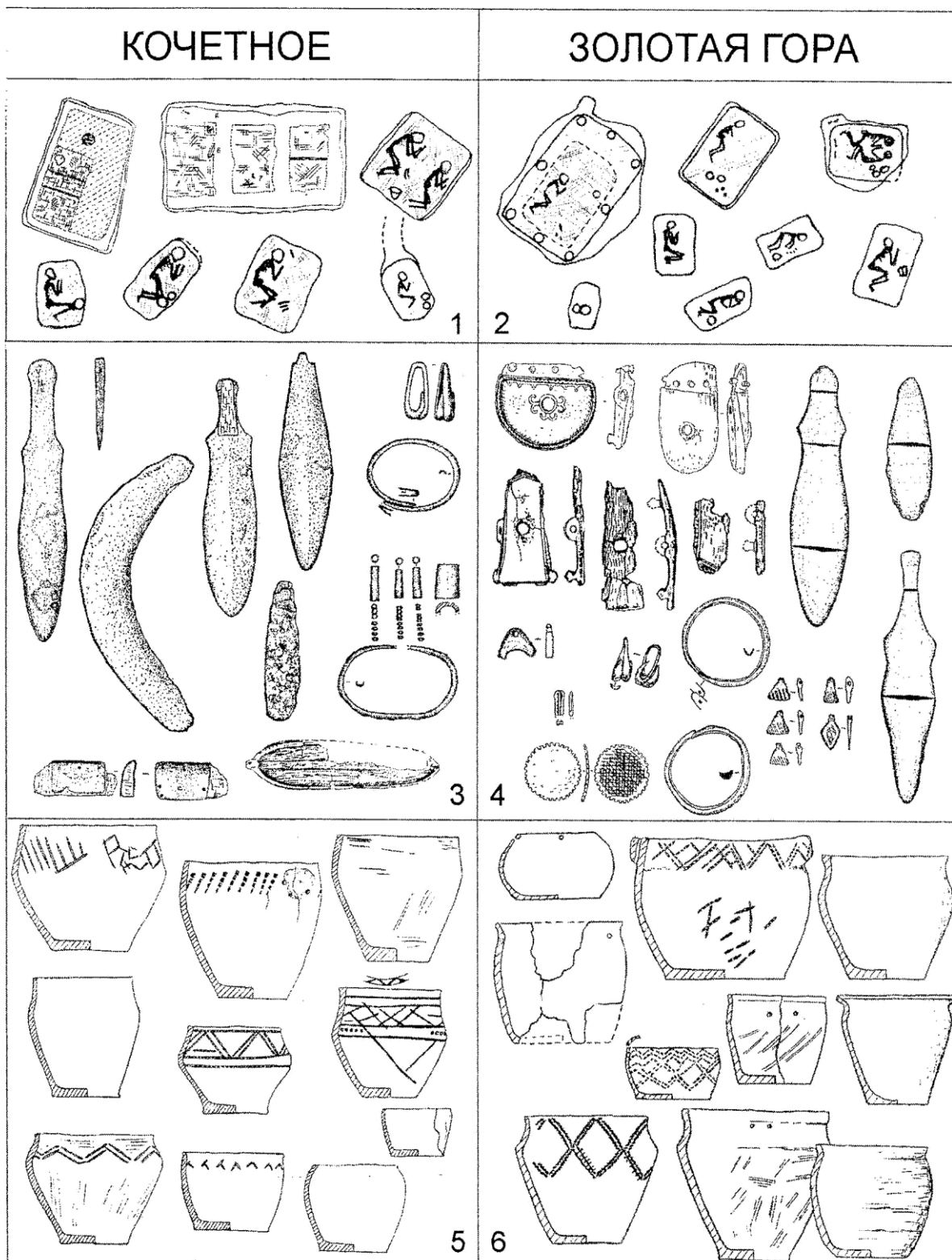

Рис. 32. Материалы курганных могильников Кочетное и Золотая Гора (по А.И. Юдину, А.Д. Матюхину, 2006).

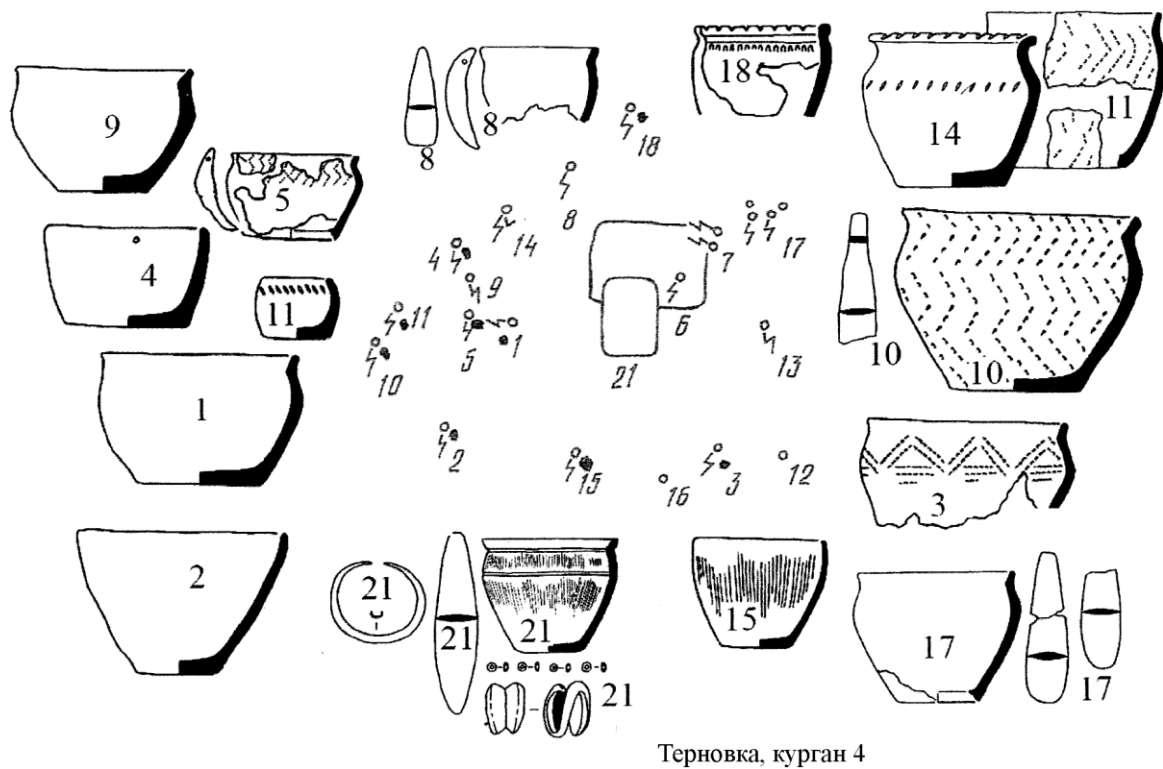
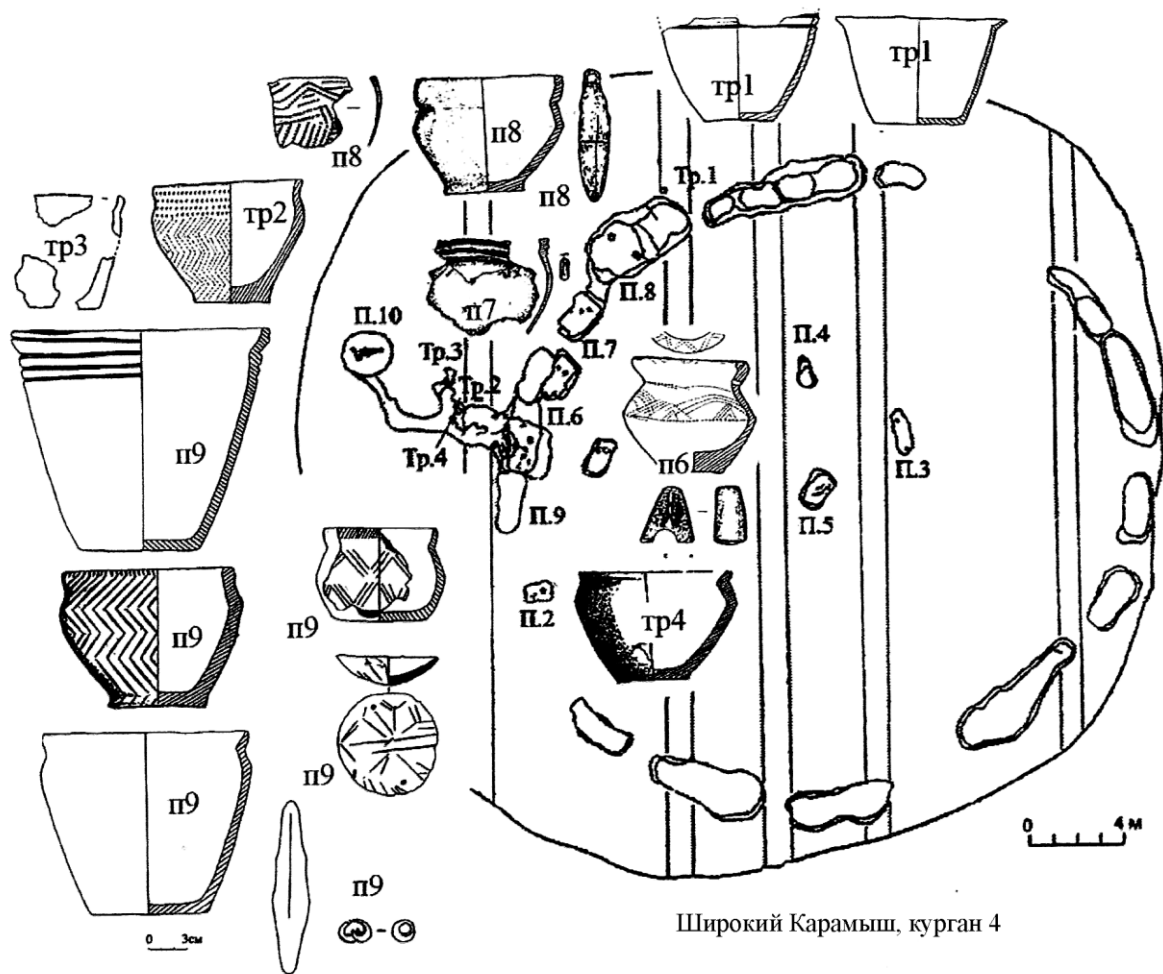

Рис. 33. Планиграфия курганов Широкий Карамыш, к. 4 (Дрёмов и др., 2005) и Терновка, к. 4 (Малов Н.М., 1993).

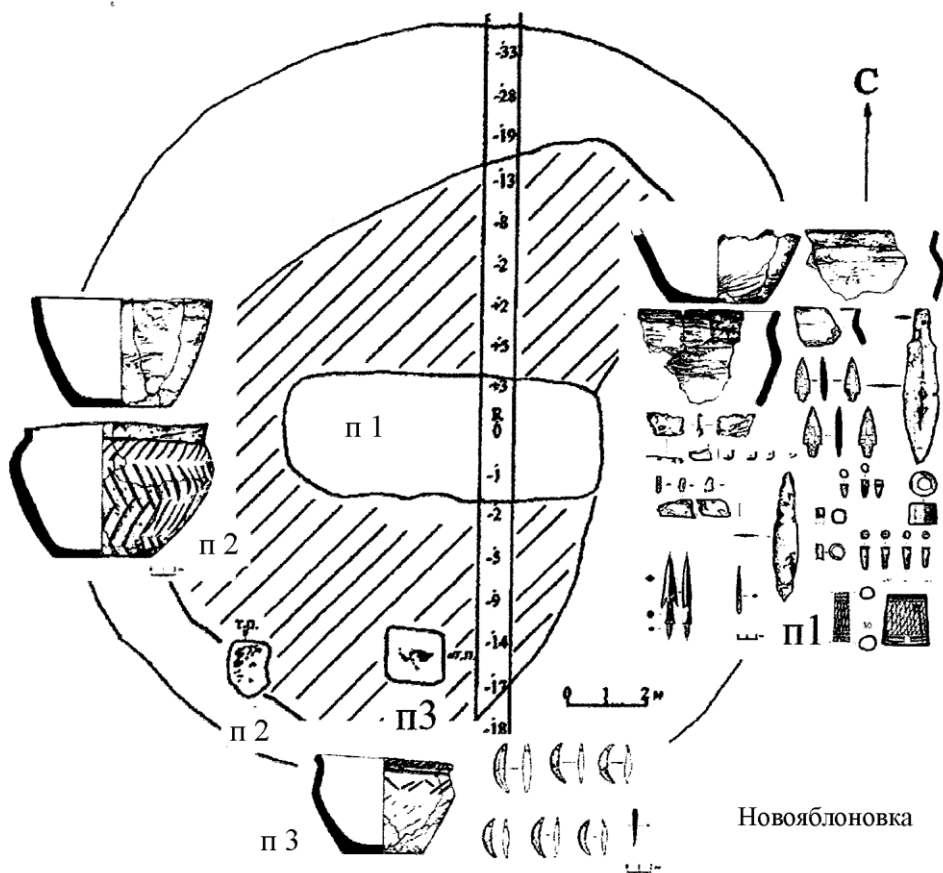
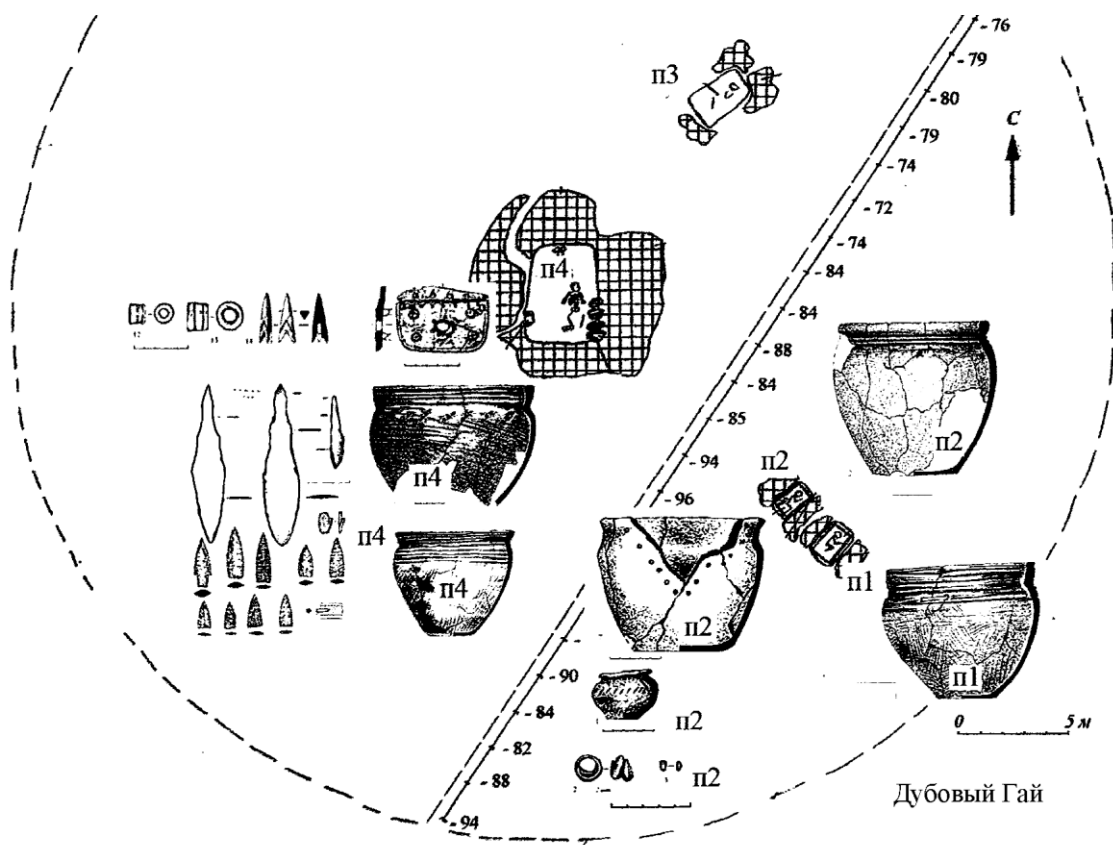
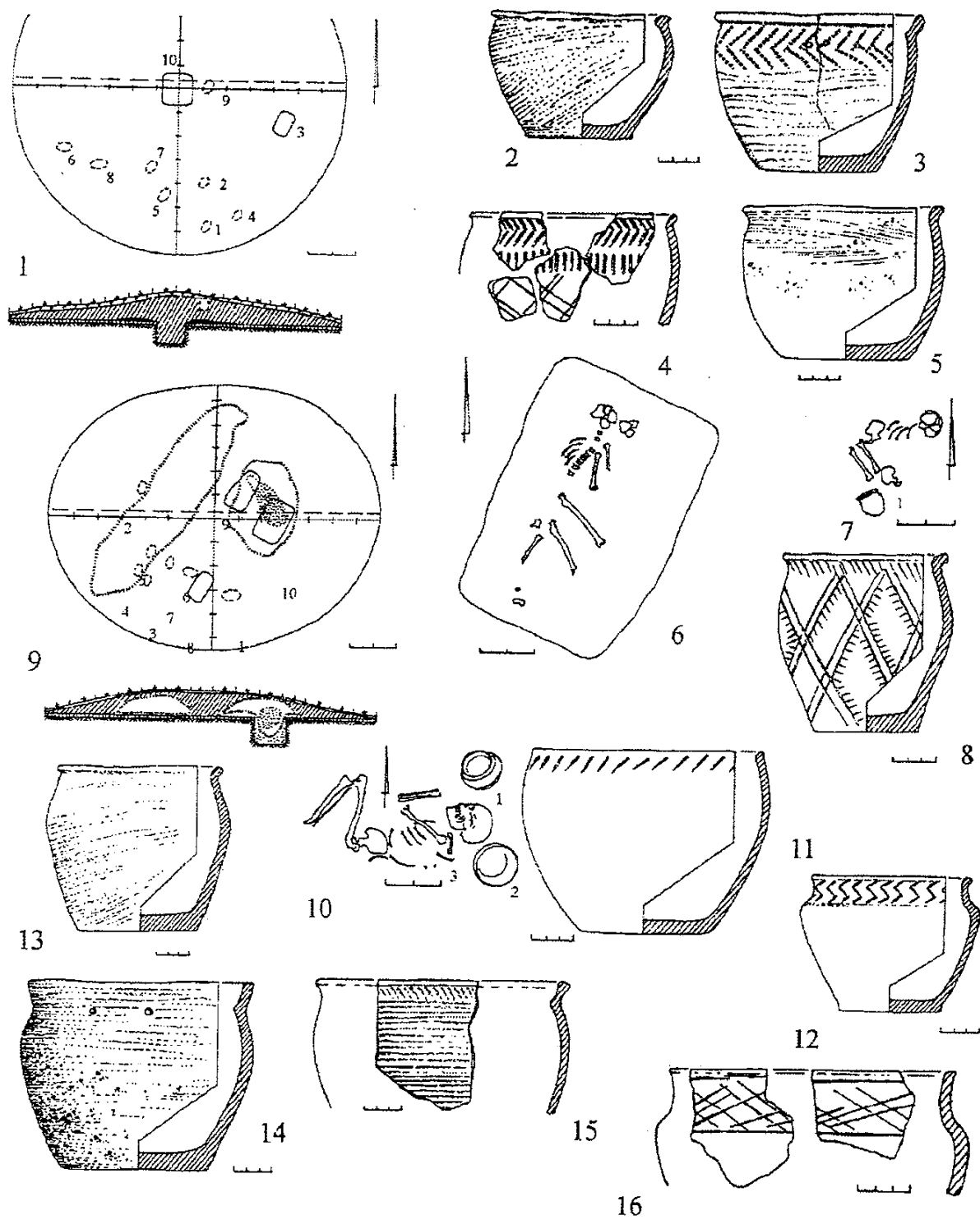

Рис. 34. Планиграфия курганов у с. Дубовый Гай и Новояблонька (Юдин А.И., 2007).

курганный могильник Низовка

Рис. 35. Материалы Низовских курганов (Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007).

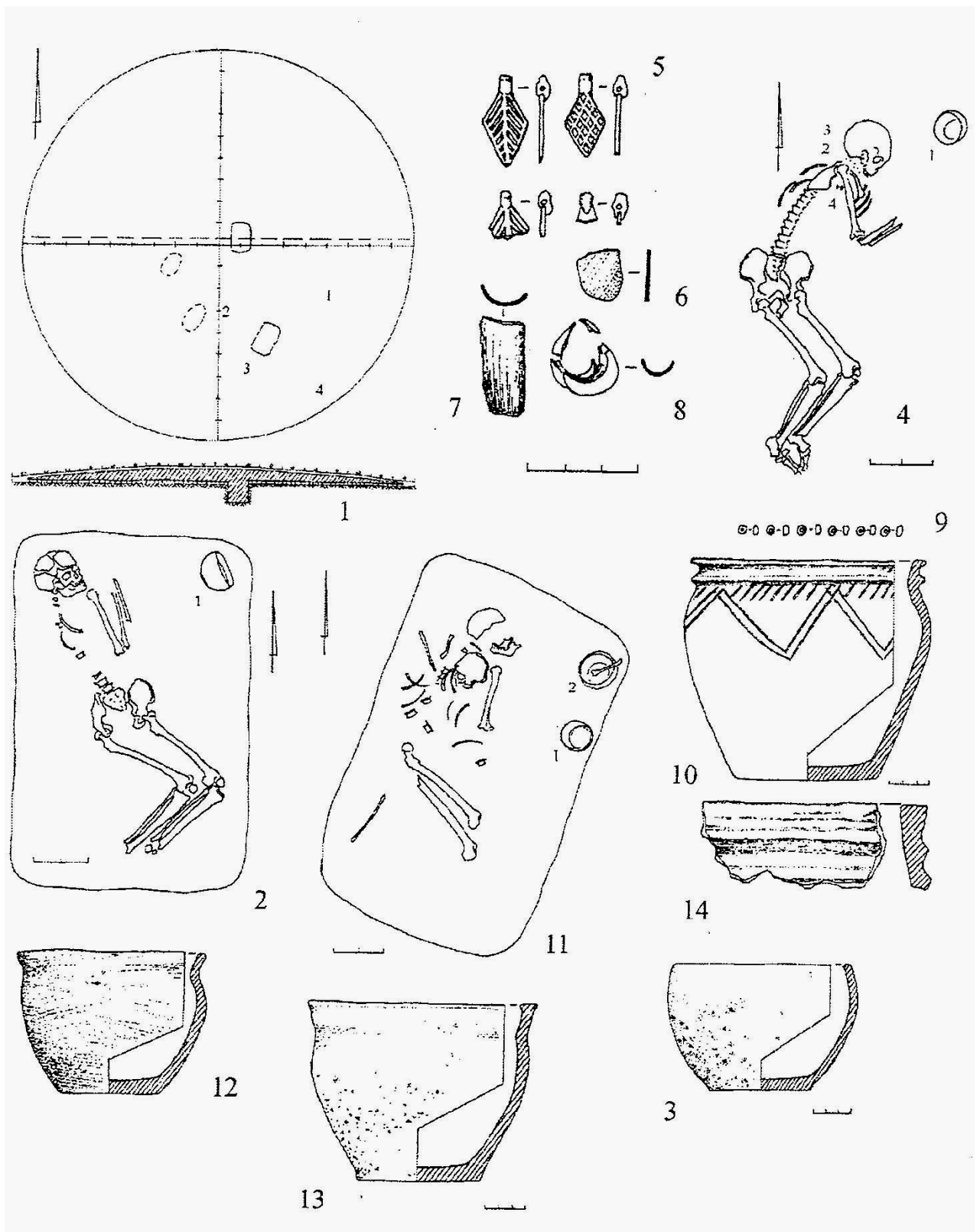

Рис. 36. Материалы Низовских курганов (Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007).

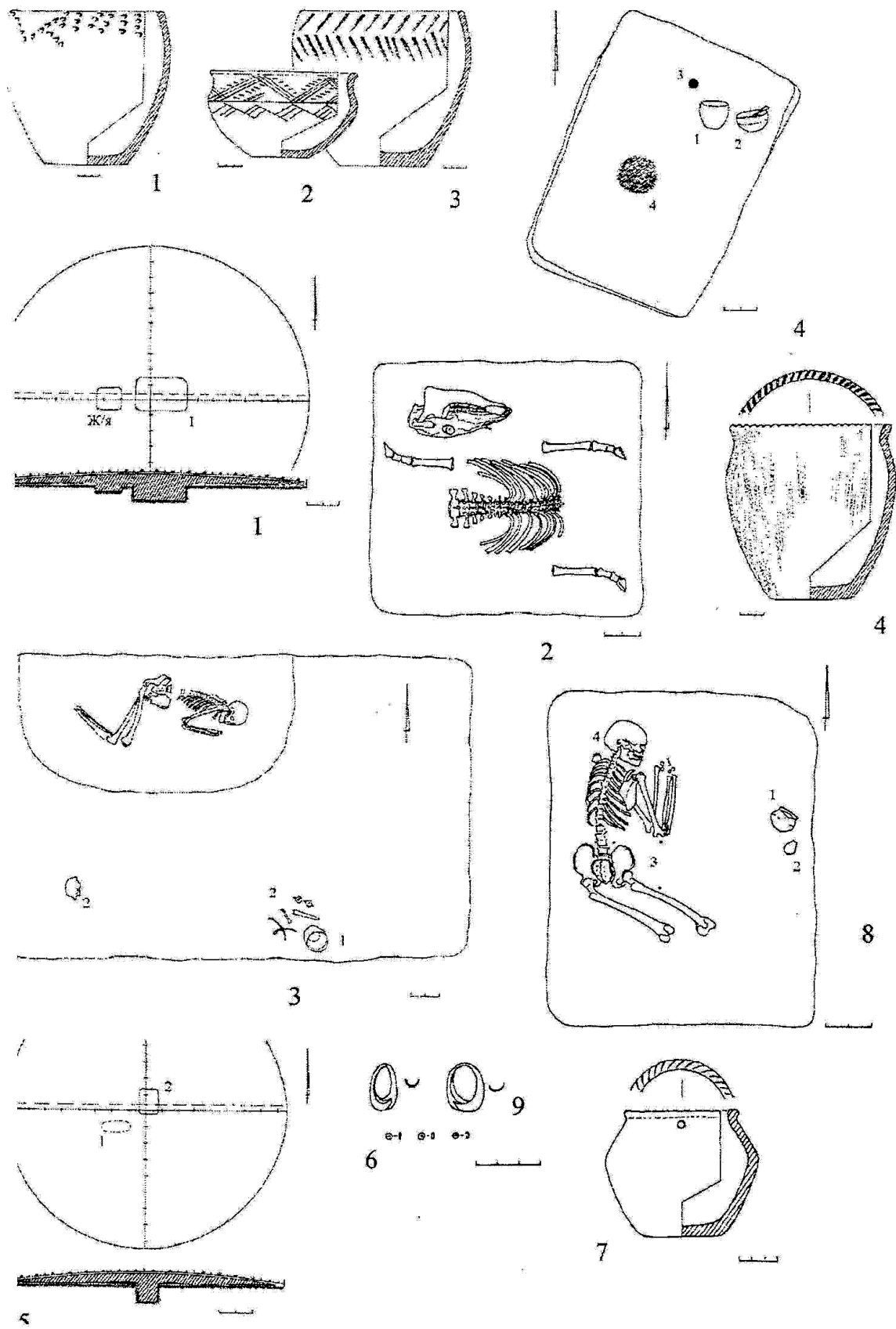
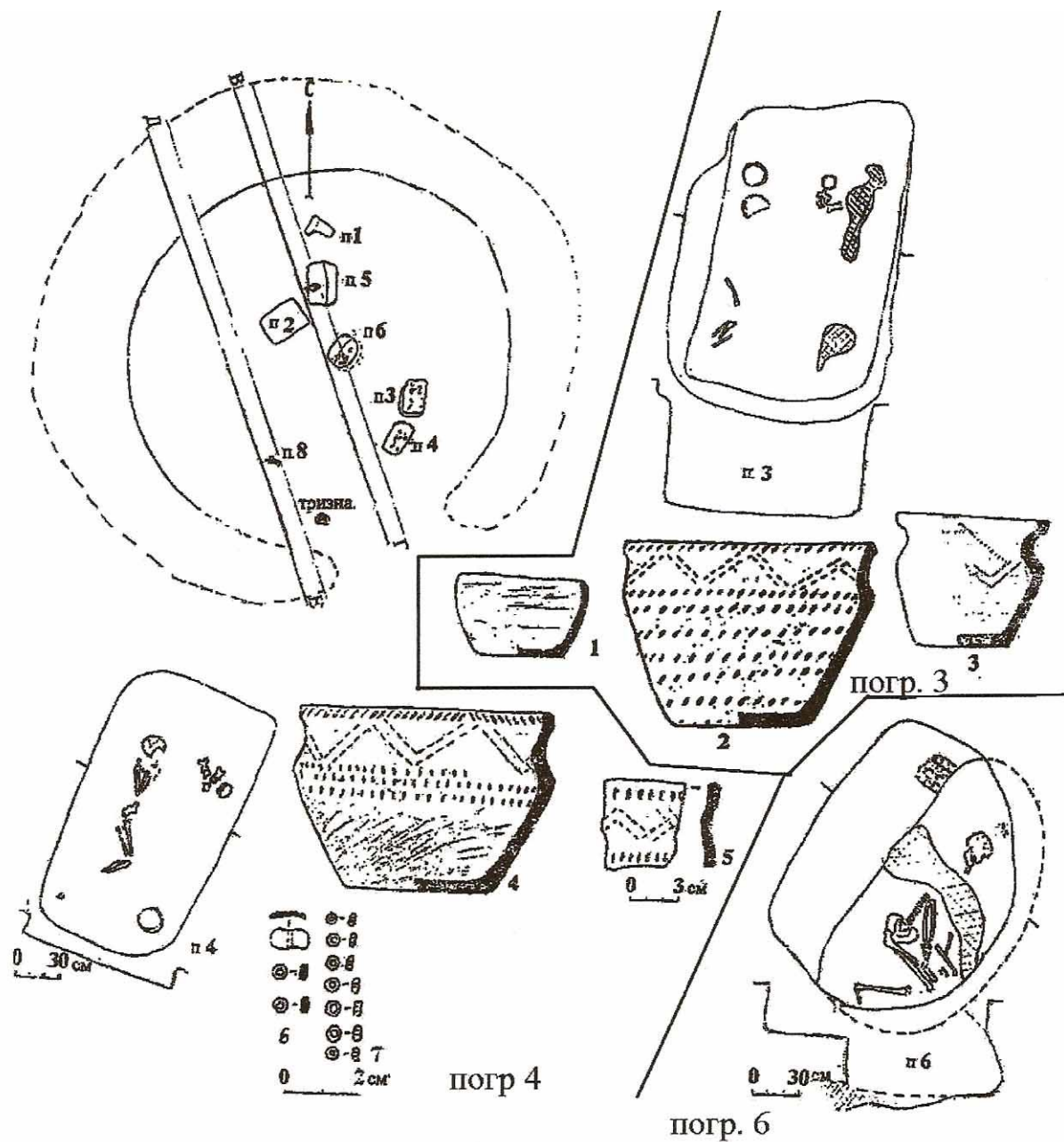

Рис. 37. Материалы Низовских курганов (Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007).

курган Советское-Энгельс

Рис. 38. Материалы из кургана Советское-Энгельс (Дрёмов И.И., Семёнова И.В., 1999).

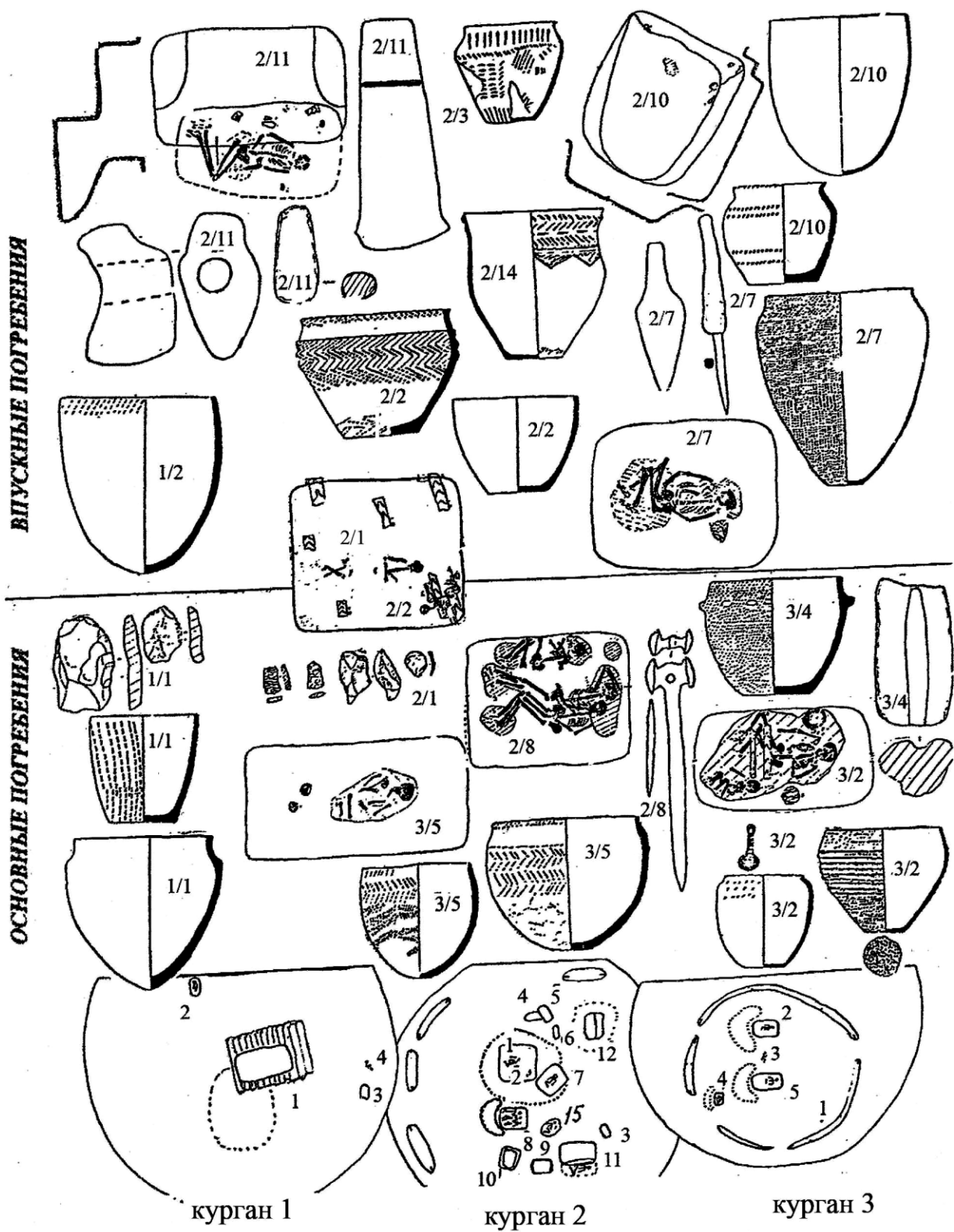
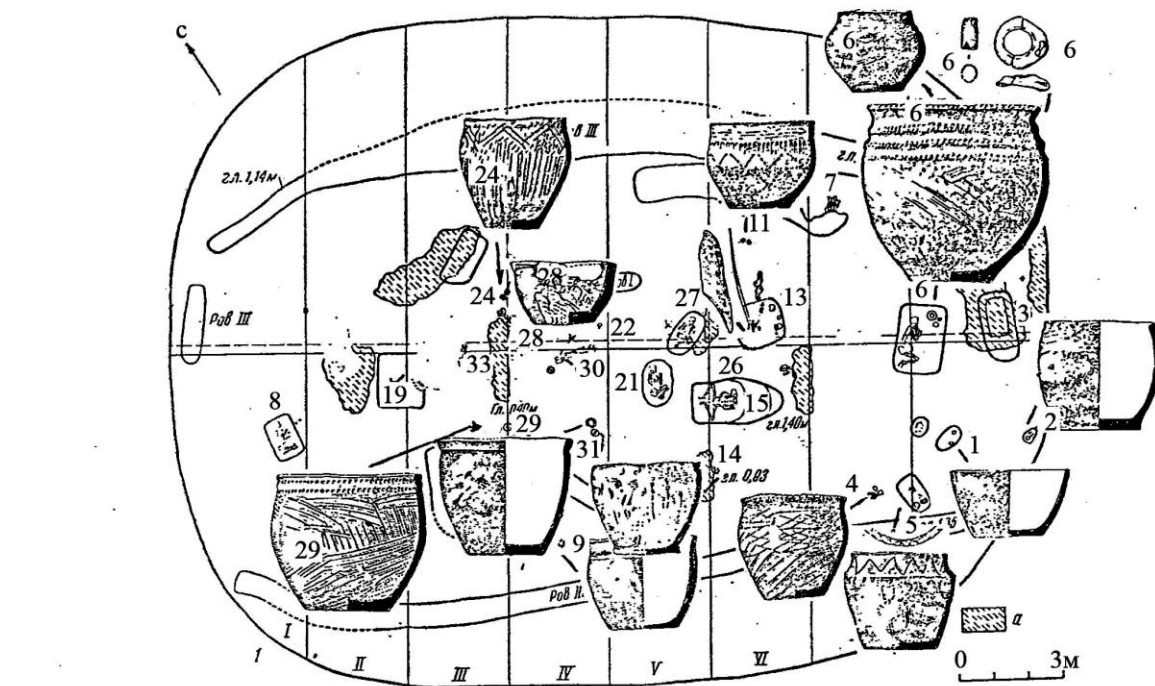
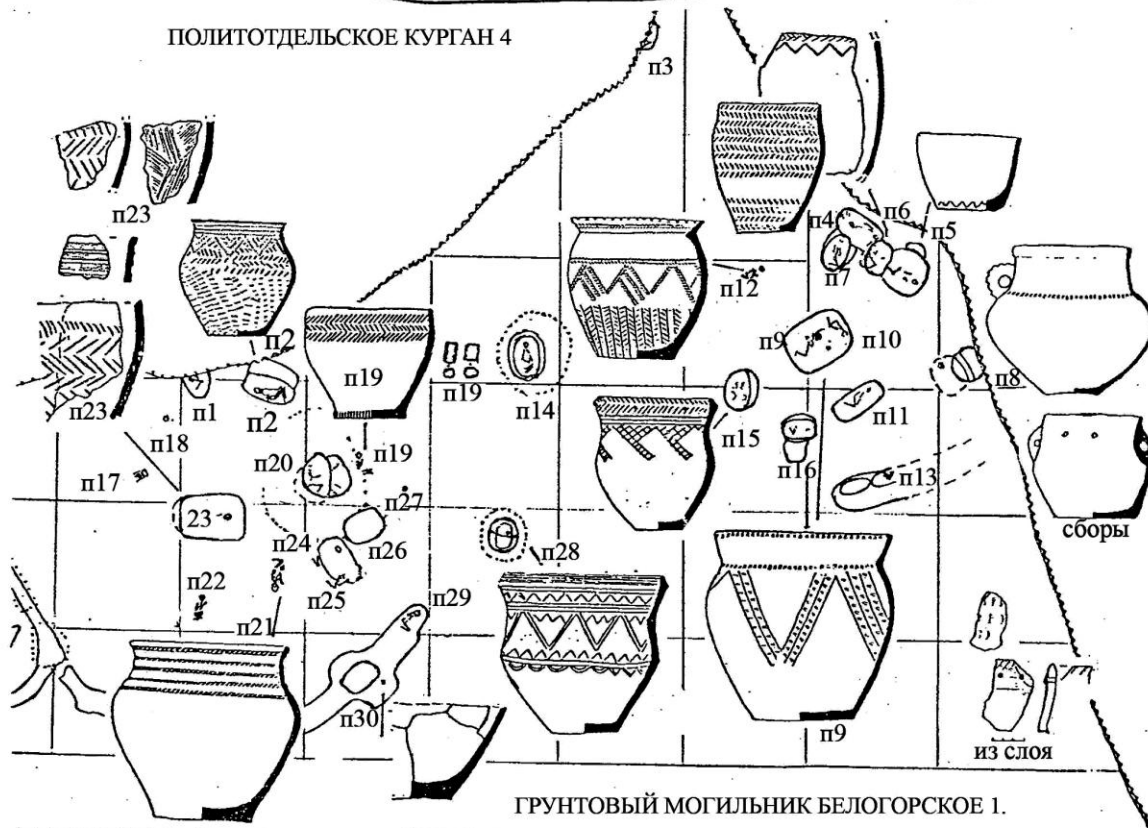

Рис. 39. Соотношение основных и впускных погребений в курганном могильнике Советское.

ПОЛИТОТДЕЛЬСКОЕ КУРГАН 4

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК БЕЛОГОРСКОЕ I.

БЕЛОГОРСКОЕ 2. КЕРАМИКА

Рис. 40. Планиграфия кургана Политотдельское, к. 4 (Смирнов К.Ф., 1959) и грунтового могильника Белогорское-I (Дрёмов И.И., 1996).

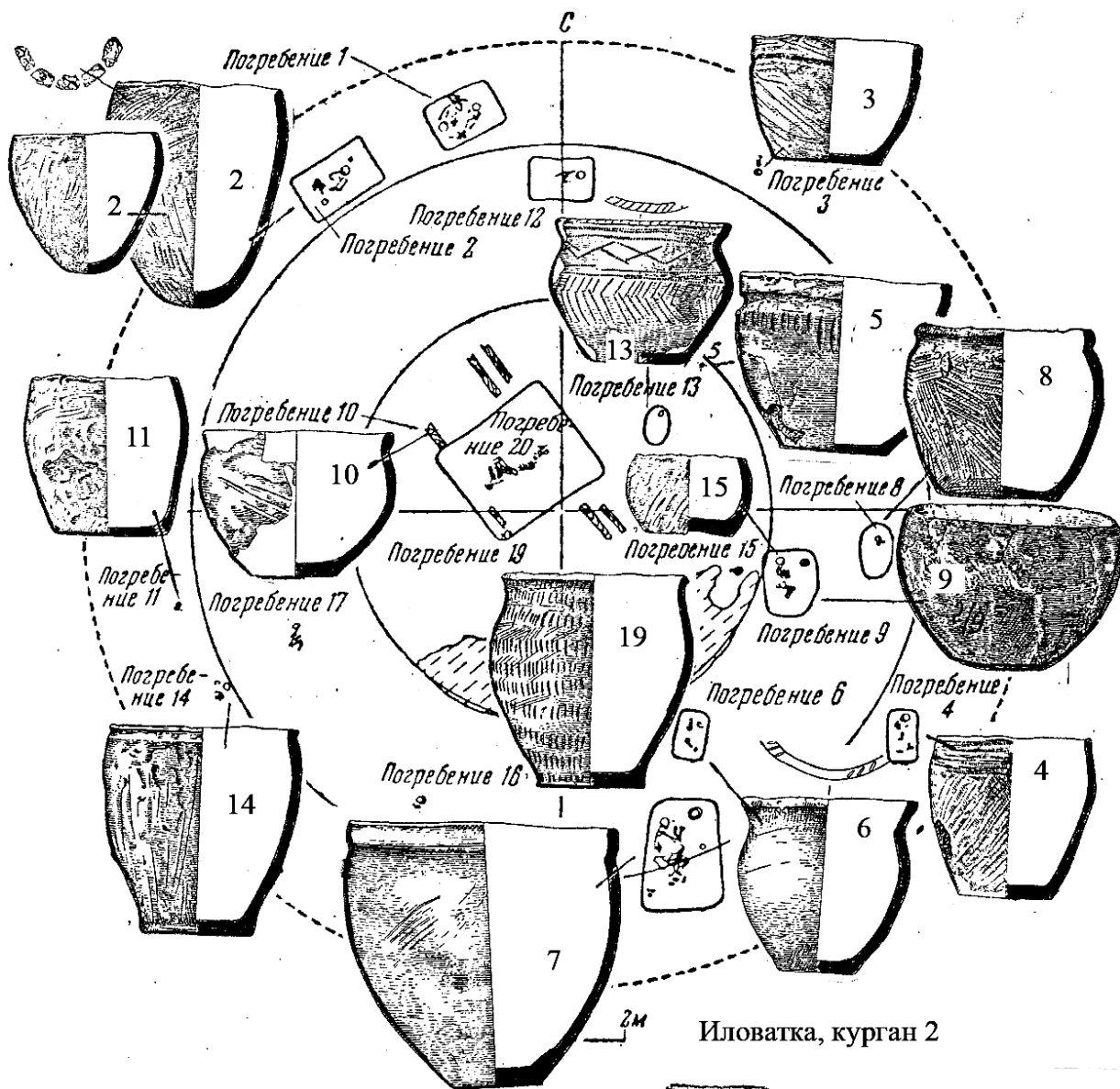

Рис. 41. Планиграфия курганов Иловатка, к. 2 (Смирнов К.Ф., 1959) и Бережновка I, к. 32 (Синицын И.В., 1959).

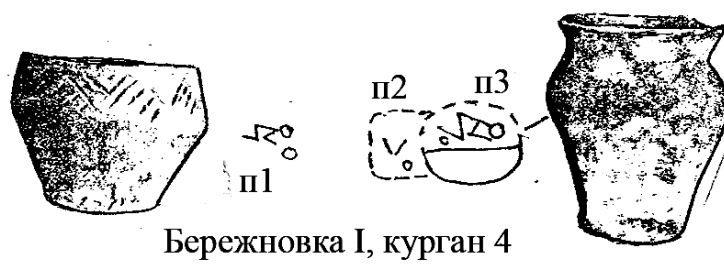
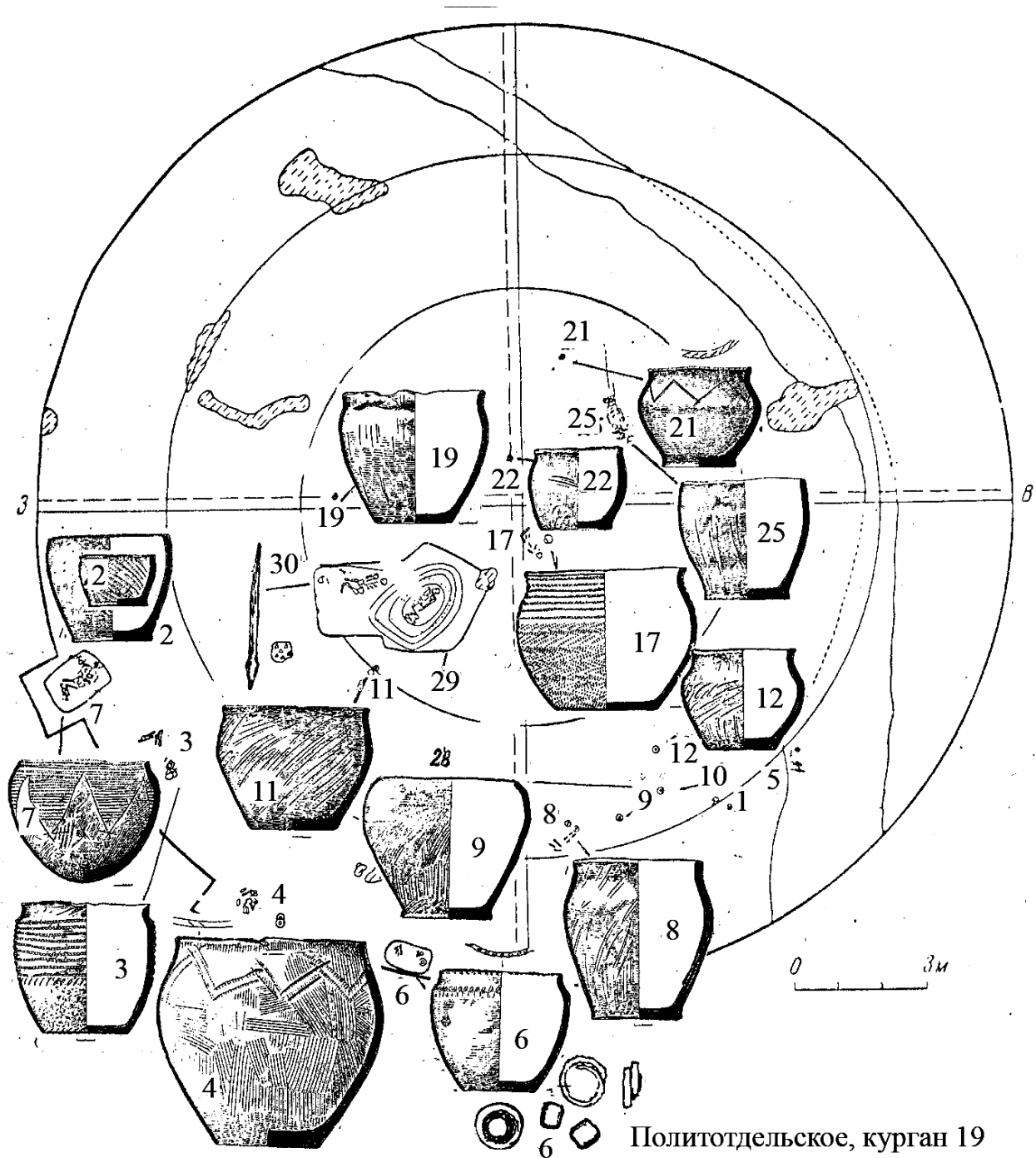

Рис. 42. Планиграфия курганов Политотдельское, к. 19 (Смирнов К.Ф., 1959) и Бережновка I, к. 4 (Синицын И.В., 1959).

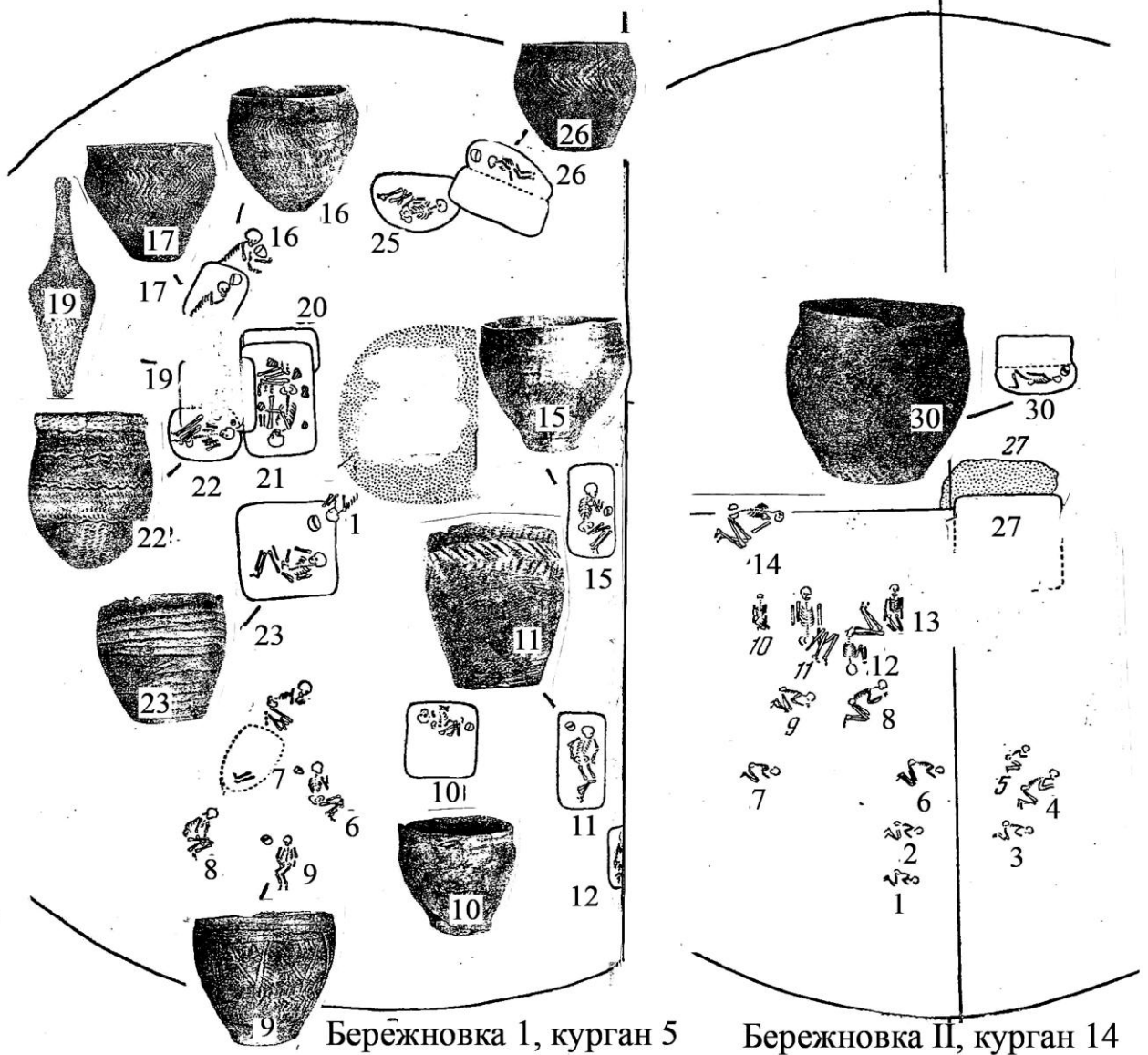

Рис. 43. Планиграфия курганов Бережновка I, к. 5, Бережновка II, к.14, Бережновка I, к. 3 (Синицын И.В., 1959; Синицын И.В., 1960).

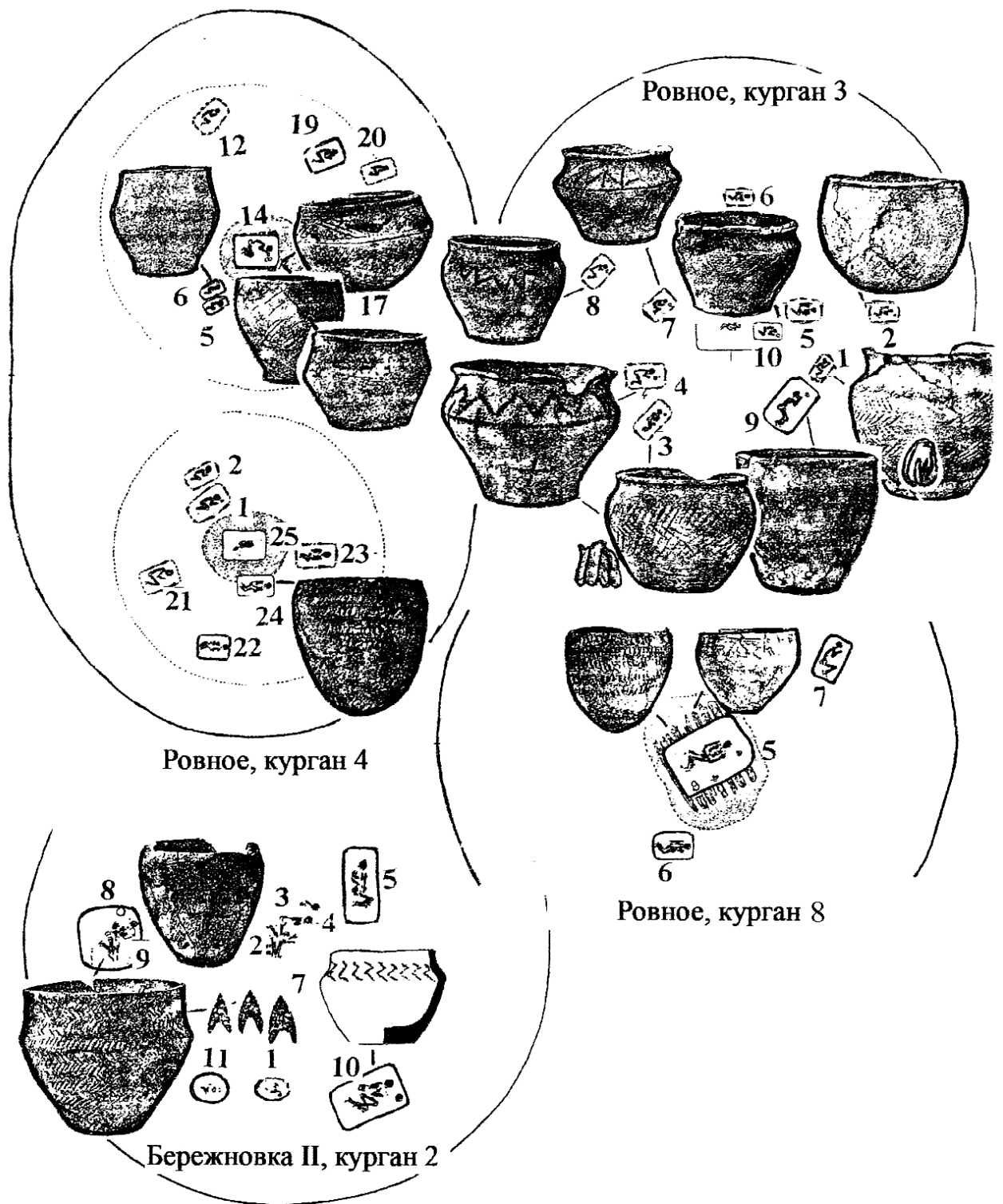

Рис. 44. Планиграфия курганов Ровное, к. 3; Ровное, к., 3, 4, 8 (Синицын И.В., 1966) и Бережновка II, к. 2 (Синицын И.В., 1960).

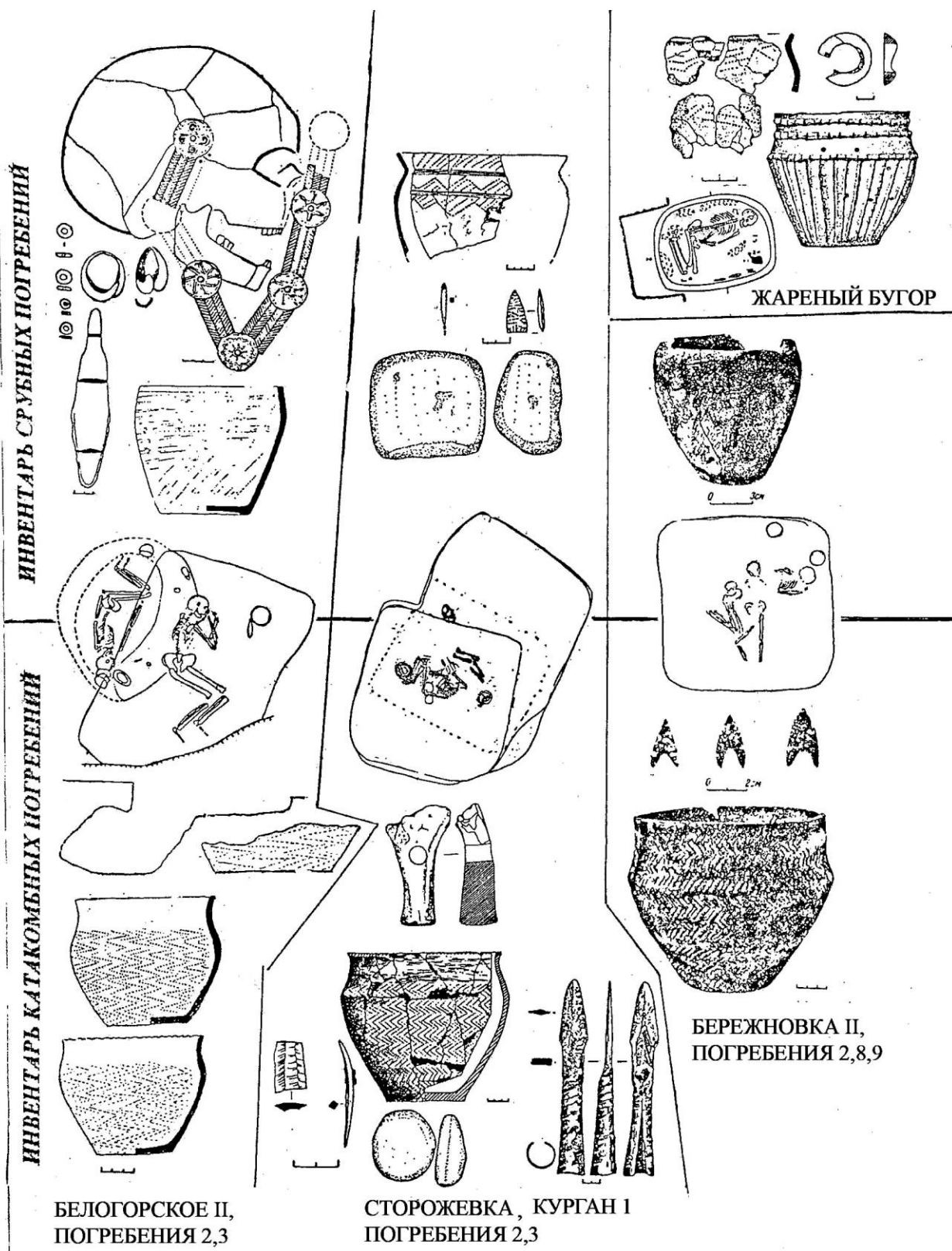

Рис. 45. Материалы комплексов с дохоронениями срубников к катакомбникам.

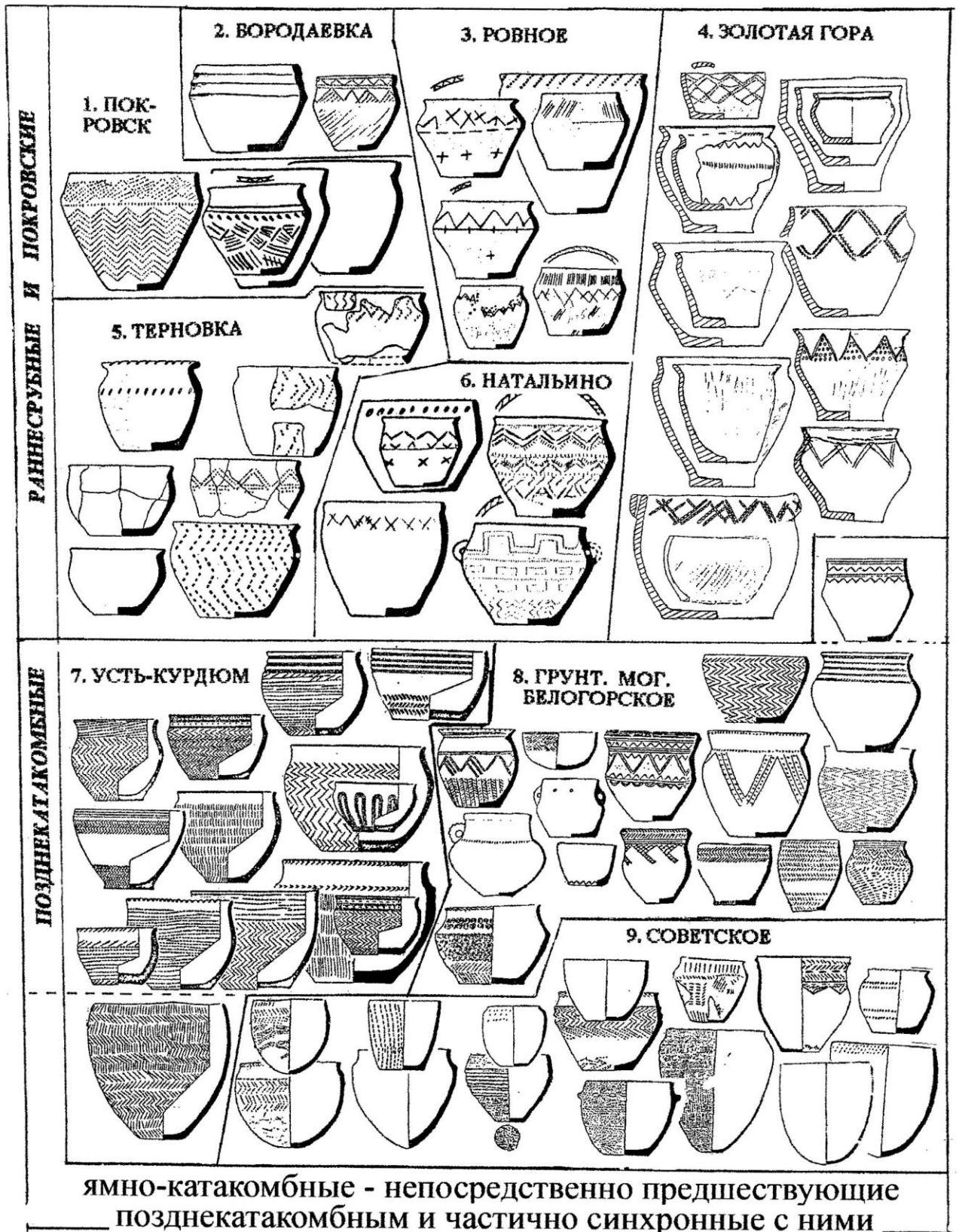

Рис. 46. Керамические индикаторы конца средней и начала поздней бронзы.